

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева

*1000-летию
единения мордовского народа
с народами России
посвящается*

Этнопедагогика:
психолого-педагогические особенности
воспитания и обучения у финно-угорских народов

материалы Республиканской научно-практической конференции
(г. Саранск, 27 апреля 2011 г.)

Саранск 2011

**Приветственное слово
заместителя министра образования
Республики Мордовия
Солдатовой Е.П.**

Уважаемые участники и гости конференции!

От имени Министерства образования Республики Мордовия позвольте приветствовать Вас на Республиканской научно-практической конференции, посвященной «Этнопедагогике финно-угорских народов».

Искренне хочется высказать слова благодарности в адрес организаторов конференции, которые смогли найти и продемонстрировать в начале этого мероприятия уникальный, на мой взгляд, фильм, посвященный замечательному учителю Лавровской, Герою социалистического труда, воспитавшей и обучившей не одно поколение детей села Сабаева Кочкуровского района (в то время — в 1964 году) Мордовской АССР. Обращаю внимание уважаемых участников и гостей конференции на тот факт, что в 60-е годы прошлого столетия, пятьдесят лет тому назад, только в одной Сабаевской средней школе обучалось 650 учащихся! На сегодня же во всех школах Кочкуровского района Мордовии мы имеем учеников не многим больше. Это ли ни повод задуматься?!

Одним из приоритетных направлений нашей деятельности является формирование у школьников бережного отношения к истории, культуре мордовского языка.

Преподавание мокшанского, эрзянского языков строится с опорой на культурные, исторические традиции мордовского народа.

Родной язык — это основа основ.

Ровно год остается до знаменательного события — празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. На наших глазах меняется облик столицы республики — города Саранска. Благоустраиваются и районные центры. Значительная роль в укреплении национального самосознания, любви к родному языку, культуре, традициям принадлежит именно образованию. Чем раньше ребенок осознает свою причастность к мордовскому народу, краю, тем больше будет от него отдача в будущем. Поэтому так важно именно с детского сада формировать эти чувства.

Творческие учителя, преподаватели и ученые высших учебных заведений республики, специалисты по этническим предметам принимают самое активное участие в разработке учебников, учебно-методических материалов, программ по родным языкам и литературе, участвуют в составлении книг для чтения в воспитательных и образовательных учреждениях Республики Мордовия.

Вся эта индивидуальная работа — по сути своей коллективный труд, раскрывающий и развивающий систему педагогических воззрений мордовского народа. Следуя этой логике, мы неизбежно выходим на этнопедагогику.

Хочется искренне пожелать участникам конференции плодотворной работы, интересных докладов, жарких дискуссий, результаты которых позволят проанализировать имеющиеся проблемы, наметить пути их решения, определить формы, методы, приемы, средства и технологии воспитания и обучения финно-

угорских народов и предложить возможные сценарии развития процесса их образования в целом.

Приветственное слово
Заместителя министра по национальной политике
Республики Мордовия
Каргина А. И.

В современных условиях в полиэтническом мире, особенно в многонациональной России, педагогическая мысль все чаще обращается к опыту этнопедагогике, по сути своей являющейся, с одной стороны, педагогикой национального возрождения, с другой, — педагогикой гармонизации межнациональных отношений.

Народная педагогика содержит в себе громадный творческий потенциал. В этой связи актуализируются сегодня такие понятия, как духовность, нравственность, совестливость, которые в максимальной мере проявляются в народной педагогике. Поэтому в условиях финансового кризиса в обществе она — незаменимое средство оздоровления народной жизни. В контексте сегодняшней тематики конференции заслуживает внимание обращение к народной педагогике мордвы, как одного из крупных по численности среди финно-угорских народов России.

Народная педагогика мордвы имеет продуманный механизм социализации ребенка в микросоциуме, самостоятельную концепцию детства, представляющую собой цельную программу обучения и воспитания подрастающего поколения, ориентированную на формирование личности — любящей труд, физически крепкой, нравственно здоровой, коллективистской, гуманной, любящей Родину и природу.

В исследованиях отмечается, что воспитание у мордвы не представляло особых затруднений. «Честность, правдивость, отсутствие лжи и обмана, уважение к другим, сильная привязанность к домашней семейной жизни — вот те качества, которые присущи мордовскому народу».

Мировоззрение и педагогические идеалы мордовского народа отражены в следующих основополагающих идеях:

- уважительное отношение членов семьи друг к другу, почитание старших, предков, сотрудничество поколений (родителей, бабушек, дедушек, детей) («Ссора в своей семье до первого взгляда»); разумная любовь к детям — заботливое, внимательное и в то же время требовательное отношение к ним;
- многодетность («Один ребенок, что единственный глаз»); .
- необходимость организации воспитательного процесса с раннего возраста («Учи детей пока малы, взрослыми будут милы», «Выучишь сына — будешь с сыном, избалуешь — будешь со слезами»);
- необходимость самовоспитания — избавления от вредных привычек, негативных поступков, проявлений характера, «умение видеть себя со стороны», кроме того «осознанную ошибку не повторяют»;
- верность роду, семейным традициям («в семье опора народа»). Большое внимание в мордовской народной педагогике уделялось семье, родителям и их роли в жизни детей.

Семья кроме реализации репродуктивной и воспитательной функций, вводит ребенка в культуру этноса и культуру региона. Именно в данном контексте представляют интерес этнокультурные и региональные традиции воспитания детей в семье. Отметим некоторые особенности семейного воспитания в мордовской народной педагогике.

В мордовской народной педагогике однозначно определено место старшего поколения в воспитании детей: старые люди «баба» (бабушка), «покштя» (дедушка), имеющие богатый жизненный опыт, являются лучшими воспитателями («Для внука дедушка — ум, для дедушки внук — дело»). Взаимосвязь дедов и внуков являлась необходимым условием преемственности поколений, приобщения к традициям и достижениям народа, передачи накопленных знаний и опыта. В этом плане у мордвы широко был распространен культ предков, почитание представителей старшего поколения.

Одна из важнейших особенностей воспитания, основа его — это любовь к детям, постоянная забота об их умственном, нравственном, эстетическом, физическом совершенствовании, приобщении к труду. Ребенок у мордвы — украшение дома.

Вне сомнения, важная задача современного образования является не только передача знаний и формирование умений и навыков у учащихся, но и воспитание «человека культуры», способного к мирному сосуществованию, общению и сотрудничеству с представителями других национальностей и культур.

Проблема терпимости (толерантности) к чужой культуре очень актуальна сегодня.

Воспитание бережного, уважительного отношения к культурному наследию, умение донести суть культурных ценностей, привить не только знания, но и понимание — важная проблема национальной культуры. Как говорил Михаил Михайлович Бахтин, «у человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого».

Сегодня наш позитив — в диалоге культур, в развитии традиций, сохранении обычаев, обрядов. И очень важно — все лучшее привнести в наше повседневное поведение.

Желаю всем участникам конференции позитивной дискуссии и выверенных решений.

**Приветственное слово
член-корреспондента РАН
Директора Историко-социологического института
МГУ им Н. П. Огарева
Арсентьева Н. М.**

Уважаемые коллеги, участники и гости!

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Историко-социологический институт и многие другие подразделения нашего ВУЗа традиционно проводят конференции международного, всероссийского, регионального и республиканского уровней, центральной проблематикой которых становится фундаментальное теоретическое и прикладное финноугроведение. Сегодняшняя Республиканская конференция «Этнопедагогика: воспитание и обучение у финно-угорских народов», на наш взгляд, продолжит теоретико-практическую научную дискуссию.

Наука сегодняшнего дня (и гуманитарная в том числе) педагогическая, психологическая, историческая направляют свои усилия на всеобщие аспекты их предметов и объектов. Даже научные понятия менталитет и ценность рассматриваются современной наукой ни как независимые, обще-уникальные этнокультурные основы, а как всеобщее явления, что с точки зрения моделирования национального характера, специфической картины видения мира в голове у человека не является истинным.

Воспитательно-образовательные учреждения (и высшие в том числе), должны быть изоморфны процессу моделирования этнического характера особенно восприятие социума человеком. Это будет являться достаточным обстоятельством расширенного воспроизводства финно-угорских народов и их творческих способностей.

От всей души хочется пожелать участникам конференции эффективной работы, и дискуссионных докладов, результаты которых, несомненно, внесут вклад в процесс осмысления русской и финно-угорской интеллигенцией, мыслящей этнокультурно, историко-психолого-педагогического наследия финно-угорских народов, как нашей страны в целом, так и Республики Мордовии в частности.

Приветственное слово
доктора педагогических наук, профессора
заведующего кафедрой «Педагогической психологии и педагогики»
Историко-социологического института
МГУ им. Н. П. Огарева
Винтина И. А.

Добрый день, дорогие друзья!

Мы рады этой встрече с Вами. (Мы это организаторы конференции, профессорско-преподавательский состав кафедры педагогической психологии и педагогики, Историко-социологического института, МГУ им Н. П. Огарева) Мы рады что Вы, а это мы чувствуем, в ожидании. В ожидании, когда утешенно бьется сердце, когда дышится и думается как-то по особенному легко и приятно. А это значит, а это значит, что мы Вас чем-то заинтересовали. И в этом, пожалуй, главное, ибо в наш век это не так-то просто сделать. И поэтому мы с трепетностью и волнением начинаем пленарное заседание Республиканской научно-практической конференции «Этнопедагогика: воспитание и обучение у финно-угорских народов».

Сегодня в работе нашей конференции в очной и заочной форме принимают участие не только представители ведущих ВУЗов Республики Мордовия (Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева и Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева), не только педагоги средне-специальных и средних общеобразовательных учебных заведений нашей республики (Ичалковского педагогического училища-колледжа им. С. М. Кирова, Саранской гимназии №19, Саранской гимназии №20 и Республиканской специализированной музыкальной школы-интерната для одаренных детей мордовской национальности), но и ученые, преподаватели, сотрудники научно-исследовательских организаций и образовательных учреждений Пензы, Самары, Стерлитамака (Башкирия) и Нижегородской области.

По итогам работы конференции будет издан сборник ее материалов, который позволит по возможности всесторонне осветить проблемное поле этнопедагогики финно-угорских народов.

Одними из инициаторов нашей конференции выступили Министерство образования и Министерство по национальной политике Республики Мордовия. От всей души мы выражаем им огромную благодарность с надеждой на дальнейшее сотрудничество.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Угро-финский КПЛ. Этнопедагогика

Гагаев А.А.,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
гуманитарных дисциплин Рузаевского института машиностроения
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Рузаевка);

Гагаев П.А.,
доктор педагогических наук, профессор
Пензенского института развития образования
(г. Пенза)

1.1. Русский народ — единство в неизменности, единокровности, неслитности, нераздельности, неразлучности, непревращаемости: тюрков, ирано-алан, угро-финн, евразийцев, славян-русских, великорусов, украинцев, белорусов и всех этносов Евразии. Мы все русские, имеем два материнских языка: а) общий язык — русский и особенный — этнический, как переменный в этносах. В русском народе форма всеобщности — тюркская интенция, форма уникальности — ирано-аланская, форма локальной общности — угро-финская, форма совместности, выводимости, следования, евразийско-славянская, форма антиномичности — вообще великорусская. Идентификации: я русский и славянин, я русский и осетин, я русский и мокша, я русский и эрзя, я русский и евразиец, я русский и великорус.

«По крови наш Ключевский был МОРДВИН.

По духу — русский, если молвить строго

и он в большой России не един,

таких Ключевских очень много» (5, с. 172).

1.2. В будущем сохраняются (к 2100 г.) только следующие языки: китайский, английский, испанский, арабский, русский, если русский народ не вымрет. А между тем он сокращается по 1 млн. — 800 тысячам в год в 1990-2025 гг.

1.3. В этих условиях и начинает развиваться этнопедагогика. Ее объект — этнокультурный расовый интеллект и его развитие, предмет — открывающая способность и креативность этнокультурных интеллектов и совместимость, выводимость, следование рас и этносов в неслитности и непрекращаемости, противодействию ассимиляции и космополитизму, либерализму, консерватизму.

2. Научное мышление: всеобще и культурно-типично, необходимо и антиномично, общезначимо и личностно значимо, системно и уникально, неизменно и изменяется. Так понятия вероятности в западной модели науки (Паскаль) и русской (Колмогоров А. Н., Марков А. А.) существенно различны, как различны и модели множества в немецкой, французской, русской математической традиции. Все народы видят материю — в тождестве в сущности, но различно на тонком

уровне, уникально, антиномично, более абстрактно — менее конкретно, более конкретно — менее абстрактно, в своих группах логик.

Вероятность у Паскаля — полная группа событий, они равновозможны и несовместны, а у А. Н. Колмогорова, А. А. Маркова: неполная группа равновозможны, совместны, цикличны и т. п. Множество у немцев — иерархизировано, у англичан — подобно куче песка, у французов — аналог взаимодействия гармонии и партии инструмента! Различны модели матанализа немцев Г. Ф. Лейбница (флюксии и флюэнты) и И. Ньютона (флюэнты и флюксии). Формой редукции к середине является концепция всеобщей естественной модели науки, которая в конце XX века уже есть анахронизм (М. Шелер).

3. Угро-финский КПЛ предполагает мышление в модели локально-общего, моделях объектов одного и разного рода, а не одного рода, в конкретных, а не абстрактных отношениях, предполагая суждения вида: некоторым образом S суть P и неопределено, в логике субдукции и едукции, в принципах методологического уникализма и локализма, коллективизма, но не индивидуализма, не системно.

4. Мышление мокши предполагает умозаключения субдукции и редукцию тождества онтологических уровней, а эрзи — едукция и редукция тождества, ригидно, исходит из модели D_2 тезиса П. Дюгема и Ф. Куина. К недостаткам этнокультурного мышления мокши и эрзи относятся излишняя пластичность мокши и недедуктивизм мышления; эрзи — ригидность и редукционность, кумулятивность мышления.

5. Развитие этнокультурного интеллекта требует увеличения доли теоретических дисциплин относительно эмпирических, баланса: теоретических, эмпирических, фундаментальных, разработочных и прикладных. Свертывание теоретических наук и сосредоточение на прикладных приводит к свертыванию символической способности воображения и свертывает креативность рас и этносов. В этом аспекте действует бакалавризация, она исключает появления Курчатовых и Королевых. Необходимо обучение в 6 лет для освоения современного уровня науки.

6. Основная проблема развития этнокультурного мордовского интеллекта — недостаточность в истории освоения теоретических наук, инженерных наук и логики — в языке угро-финн отсутствует детерминатив, то есть, нет необходимой определенности и определенности со стороны абстрактных классов объектов. Поэтому необходимо увеличение доли теоретических наук и различных видов логики. Без этого креативность мордовского этноса будет систематически уменьшаться.

7. Мессианская роль угро-финн в истории: развитие коллективных рефлексов и идентификация с Примордиальными Традициями. Миссия — развитие модели науки основанной на субдукции и едукции, продукции, правдоподобных умозаключениях. Целевая функция — совместимость культур в Евразии. Судьба — быть государственно-образующим народом вместе с великорусским этносом. Предназначение — обоснование отношения совместимости, выводимости, следования и этнокультурного и расового диалога как моральности человечества.

8. Компьютеризация существенно ускоренно влияет на свертывание креативной способности этноса в аспектах: дислексии, заторможенности развития на символично-языковой основе, вербальный и социальный интеллект, нарушении способностей обучения и воспитуемости, свертывания способности развития, нарушения логической функции. В рамках последней разрушаются способности: рефлексии, суждения, синтетического суждения, определения, понимания, обоснования и объяснения. Дети имеют параметры инфантильности, пуррилизма, регресса, умственной недоразвитости в школе и в университете.

Список использованной литературы

1. Гагаев А. А., Кудаева Н. В. Угро-финский КПЛ. Саранск, 2009. — 614 с.
2. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Русские философско-педагогические учения XVIII-XX веков. Культурно-исторический аспект. 2-е изд. Саранск, 2008. — 522с.
3. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Педагогика русской богословской мысли. Пенза: ПГПУ им. Б. Г. Белинского, 2011. — 123 с.
4. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Православие и русская литература (Теория и практика прочтения художественного текста на культурно-исторической основе). Пенза, ПИРО, 2010. -130 с.
5. Горланов Г.Е. Пиитики. Пенза, 2009. — 199 с.
6. Шелер Л. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. — 414 с.

Финно-угроведение как одно из приоритетных направлений развития МГУ им. Н. П. Огарева

Винтин И.А.,
доктор педагогических наук, профессор кафедры
педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

«...Речь идет о самом главном — сохранение и приумножение российского народа. Никакие экономические успехи не будут эффективными если нас останется мало.»

(из речи Патриарха Всея Руси Кирилла на освящении храма Казанской иконы Божией Матери 21 июля 2011 года г. Саранск Республика Мордовия) [6]

«...К глубокому сожалению, одной из главных причин бед нашего народа является то, что за многовековую историю мы неоднократно рушили основополагающие ценности и устои ... прерывая связь времен и приемственность поколений.»

(из речи Главы Республики Мордовия Н.И.Меркушкина на освящении храма Казанской иконы Божией Матери 21 июля 2011 года г. Саранск Республика Мордовия) [6]

По распоряжению Правительства РФ от 20 мая 2010 года №812-р в отношении ГОУВПО Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева установлена категория «Научно-исследовательский университет».

Исходя из статуса «Научно-исследовательский университет» в качестве приоритетных направлений развития были определены «Энэргосбережение и новые материалы». Фундаментальные и прикладные исследования в области финноугроведения. С целью планирования, организации, проведения и анализа комплексной работы (эффективного и результативного качества) по данным направлениям необходимо на наш взгляд разработать проект программы и вынести ее на широкое обсуждение всего профессорско-преподавательского коллектива университета. В данной статье мы представляем свой взгляд на содержание (на теоретико-прикладную наполняемость) одного из вариантов проекта данной программы.

I Ментальность или менталитет финно-угорских народов рассматривается нами в качестве **первого компонента** и, в то же самое время, в качестве ядра проекта программы «Приоритетного направления развития (ПНР-2) университета — «Фундаментальные и прикладные исследования в области финноугроведения» (далее «финноугроведение»).

Данный компонент включает несколько направлений. **Первое направление — научно исследовательское.** Цель данного направления выявить ярко выраженную склонность финно-угорских народов к тем или иным областям научных знаний. Для этого необходимо определить в какие области научных знаний внесли наибольший вклад представители народов финно-угорской семьи, в каких науках представленность ученых финно-угорских народов наиболее широкая и результативная. Например, в XVIII веке известный финский ботаник П. Калма (один из учеников К. Линнея) совершил путешествие по Европе, Америки и Азии. Результатом этих путешествий явилось усовершенствование лесного и сельского хозяйства Финляндии. Разработки П. Калмо легли в основу учения о типах лесов А. К. Кяндера. Данное учение способствовало рационализации лесного хозяйства Финляндии. Ю. Ильвессало продолжил разработку предшественников и всесторонне исследовал научные принципы лесной таксации и возглавил работы по систематической инвентаризации лесов Финляндии. П. Эскала разработал учение о минеральных фациях и способствовал раскрытию генезиса гранита. М. Саурамо автор классической монографии «История Балтийского моря» внес большой вклад в четвертичную геологию. Последние 100 лет труды финских ученых в области естествознания, физики, математики получили международное признание. Необходимо заметить, что хотя эти данные и раскрывают сущность основных научных достижений финского народа, но при этом не являются всеобъемлющими и требуют дополнений и уточнений. В частности необходимо рассмотреть достижения ученых других национальностей (эстонцев, венгров, карелов и т. д.) финно-угорской языковой семьи.

Необходимым считаем отметить то, что для научного мира финского народа (так исторически сложилось) всегда было тяготение к практико-ориентированным областям знаний (лесоведение, машиностроение, металлургия и т. д.) так как сфера их жизнедеятельности была мало связана с фундаментальностью и теоретизированностью. «Индустриализация Финляндии как и России началась со строительства бумажных фабрик... в конце XIX века... После Второй мировой войны Финляндия... как бывший союзник Германии, в течении шести лет была вынуждена выплатить триста миллионов долларов репараций Советскому союзу. По требованию СССР были установлены квоты на машины, станки и готовые изделия: треть составляли лесопродукты, треть — транспорт, станки и машины, и треть — суда и кабель. В первую очередь в Финляндии было налажено производство деревообрабатывающих машин и оборудование для целлюлозно-бумажной промышленности, а так же локомотивов судов и ледоколов. Эти производства и стали в последующем фундаментом роста финской экономики» [1].

Второе направление первого компонента ментальности — **этногеографическое**. **Целью** направления является рассмотрение географических особенностей и, прежде всего, ландшафта территории компактного проживания финно-угорских народов для определения специфики их менталитета посредством ландшафта.

Ландшафт оказывает огромное влияние на психологию, физиологию, генетику и т. д. народов (в том числе и финно-угорских). Ландшафт влияет на выбор основных видов деятельности народов (и финно-угорских в том числе). Географические особенности, например Финляндии, таковы «...что 65 % территории всей страны занято лесами, совокупный объем всех лесных ресурсов составляет почти 2 миллиарда кубических метров древесины. Леса покрывают более чем 25 миллионов гектаров Финляндии из которых 18 миллионов являются лесными угодьями» [2].

Ландшафт так же оказывает влияние на виды деятельности относящиеся к сфере услуг. Экотуризм один из них. «Экотуризм — это довольно новое направление в туристическом бизнесе. Перспективы его очень заманчивы... и поэтому Финляндия уделяет развитию экотуризма большое внимание. Ее природа (мы бы сказали ландшафт — И. В.) как нельзя более располагает к развитию этого вида туризма, ведь здесь великое множество озер, богатая растительность и морское побережье с целебным воздухом» [3].

Ландшафт и территории расселения финно-угорских народов, как и другие ландшафты, в процессе исторического развития, в процессе жизнедеятельности людей их населяющих, разрушаются, видоизменяются, что неизбежно приводит к видоизменению облика занимаемой ими территорий. Все это приводит к изменению традиционных видов деятельности, которыми из покон веков занимались финно-угры.

Таким образом, ландшафт существенно влияет на выбор видов деятельности, которым отдают предпочтение те или иные народы (в нашем случае финно-угорские). Предпочтительные виды деятельности в свою очередь оказывают огромное влияние на ментальность финно-угорских народов.

Третье направление первого компонента ментальности (менталитета) финно-угорских народов — **экообразование** (как этическая составляющая менталитета). **Цель** этого направления — планирование, организация, проведение и анализ эковоспитания и экообучения (как единого экообразовательного процесса) для формирования, становления и развития экологической культуры финно-угорских народов.

В современной ситуации происходят изменения ландшафта различных территорий из-за варварского отношения человека к лесным запасам (к земельным, водным и воздушным ресурсам в частности) и к экологии планеты вообще. Леса безжалостно вырубаются, а так же выгорают в больших количествах в результате неосторожного обращения человека с огнем. Происходит массовое загрязнение земельных, водных и воздушных источников Земли. Подобная деятельность человека (в нашем случае финно-угры) приводит к необходимости актуализировать экообразовательную (эковоспитательную и экообучающую) составляющую в менталитете финно-угорских народов. 1) С этой целью, на наш взгляд, необходимо рассмотреть и обратить особое внимание на процессы воспитания и обучения (образования) в финно-угорском социуме и в частности на эковоспитание и экообучение (экообразование). Эти элементы (наряду с другими) и будут составлять этнокультурную модель проекта нашей программы. 2) На основании выше изложенного (на базе экообразования) необходимо выстроить и организовать изучение моделей экосознания: природоохранное сознание, которое (и мы на это надеемся) явится основой для разработки природоохранных технологий в производстве, сельском хозяйстве и вообще в структуре жизнедеятельности.

II Вторым компонентом проекта программы по реализации одного из приоритетных направлений развития ПНР-2 «Финоугроведения» нашего ВУЗа на наш взгляд, необходимо выделить **этнокультурную модель науки и образования** финно-угорских народов. **Цель** данного компонента изучить и проанализировать творческий потенциал финно-угров и разработать этнокультурную модель образовательных предметов и систему внеучебной деятельности и социально-воспитательной работы для развития и совершенствования этого потенциала.

Для изучения и анализа творческих и потенциальных возможностей финно-угорских народов, для повышения их эффективности и результативности этих возможностей в нашем ВУЗе необходимо разработать этнокультурную модель образовательных предметов в рамках дедактической деятельности и систему мероприятий, а так же систему коллективно-творческих дел (КТД) в структуре внеучебной деятельности и социально-воспитательной работы. Так как если не будет определен цикл образовательных предметов, не будет организовано и обучение в рамках ПНР-2, а если не будут организовываться и проводиться разнопрофильные мероприятия воспитательного характера и КТД значит не будет и социального воспитания в рамках финноугроведения. Другими словами нет предметов и мероприятий — нет образования и воспитания соответствующего содержания.

В этнокультурную модель науки и образования необходимо включить и лингвистическую составляющую. По мнению доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой гуманитарных дисциплин Рузаевского института машиностроения МГУ им. Н. П. Огарева Гагаева А. А. «...Язык на котором не ведутся крупные научные разработки и открытия обречен на забвение» [4, 175-176]. По его мнению (при неизменной ситуации в демографии, науке и образовании) к 2100 году на земном шаре имеют шанс остаться только несколько языков: английский, как язык международного общения; испанский, как средство общения всей Латинской Америки; арабский — язык всего мусульманского мира и китайский, как язык многомиллионного населения. Индия, с ее громадным народонаселением, к большому сожалению, так же может лишиться ее исконных языков (хинди и бенгали) так как все ее государственные организации, учреждения и образовательные структуры в процессе своей деятельности используют английский язык. Что же касается Русского языка, то по мнению профессора Гагаева А. А., если демографическая ситуация в России кардинально не изменится, то к 2100 году население нашей страны будет составлять только 50 млн. человек из 140 млн. на сегодня. Это прямая угроза русскому языку как лингвистической единицы [4, 175-176].

Поэтому для развертывания второго компонента программы ПНР-2 необходимо, на наш взгляд, обратить особое внимание на финно-угорские языки (в нашем случае преимущественно на мордовские языки) и как можно активнее включать их в процессы научно-исследовательской деятельности в воспитание и образование.

III Третьим компонентом проекта программы ПНР-2 мы выделяем **идентификацию и идентичность**. Под идентификацией мы понимаем процесс сравнения на тождественность (сходность). Под идентичностью мы понимаем результат процесса сравнения на тождественность (сходность). **Цель** данного компонента — выяснить удастся ли сберечь национальное тождество (не исчезает ли оно) при потере языка как средства общения. Необходимо понять сохраняется ли, или не сохраняется этническая идентификация при утрате языка? Вот одна из гуманитарных проблем этого компонента программы. Наличие данной социально-лингвистической проблемы сегодня мы можем фиксировать на примере мордовского этноса и мордовских языков.

IV В качестве четвертого компонента проекта программы выступает **система финно-угорских ценностей**. **Цель** этого компонента — проанализировать систему ценностей финно-угорских народов и определить ее основную проблему. 1) Система финно-угорских ценностей должна быть рассмотрена в широком и узком смысле данного явления. а) В широком смысле должна быть изучена и проанализирована обобщенная система ценностей характерная для всех финно-угорских народов. б) В узком смысле необходимо разобраться в специфических ценностных ориентациях финно-угорских народов в отдельности. 2) Мы должны определить проблему финно-угорской системы ценностей и ее отношение к европейской и русской системе ценностей. Данный аспект необходимо рассмотреть только в сравнении.

Развитие любого этноса, и финно-угорского в том числе, всегда связана с такими процессами как: а) рецепцией — полным заимствованием чего-либо у других народов; б) аккультурацией — частичным заимствованием чего-либо у других народов и с) реторсией — явление, при котором заимствование строго исключается. В процессе развития и саморазвития этносов эти феномены должны строго учитываться.

Каждый этнос должен глубоко осознавать, какие заимствования (у других народов) он должен осуществлять для своего блага, а какие (для исключения негативных последствий), не должны использоваться ни при каких условиях. Это является своеобразной формулой преуспевания любого этноса. Нельзя преуспевать в воспитании и обучении (образовании), полагая, что если мы данные процессы будем выстраивать по американским или немецким образовательным технологиям, то нас непременно ждет успех. Необходимо учитывать, что русская система ценностей в корне отличается от американской и немецкой. Поэтому заимствовать технологии в какой бы то ни было сфере человеческой жизнедеятельности (в промышленности, в сельском хозяйстве, в экономике, в науке, образовании, здравоохранении, в культуре и т. д.) без учета системы ценностей (ценностных ориентаций) того или иного народа нельзя!!! Например, если немцы захотят приобрести (заимствовать) у финнов технологию какой-либо производственной линии и финны эту линию сами изготовят, соберут, проведут испытания, запустят в работу на немецкой территории, то даже в этом случае в процессе эксплуатации данного производственного агрегата немецкие специалисты могут столкнуться с большими проблемами в процессе использования, обслуживания и ремонта данного технического средства. Это происходит потому, что в процессе изобретательской деятельности, в процессе разработки и внедрении производственной линии финские специалисты решают технологические задачи иначе, нежели это делают немецкие работники данной отрасли.

Делая вывод из содержания четвертого компонента программы можно констатировать, что ценности этноса (его ценностные ориентации) предполагают разработку его собственных (специфических) технологий, во всех сферах его жизнедеятельности.

V Пятый компонент нашей программы — **креативность (творчество) финно-угорских народов.** Цель этого компонента — установить содержание и специфические особенности феномена творчества финно-угорских народов. 1) В рамках данного компонента необходимо определить, что мы понимаем под творчеством финно-угорских народов в широком и в узком смысле этого явления. 2) Далее нужно отразить статистические стороны креативности финно-угорских народов, то есть определить те области жизнедеятельности угоро-финов, в которых наиболее ярко проявляется их креативность и в чем она выражается. 3) Затем необходимо выяснить, занимается ли, интересуется ли наш университет аналогичные области науки, образования, здравоохранения, культуры, инженерной мысли и т. д., а так же, как в этих областях проявляет себя университет, какие достижения при реализации этих направлений он имеет.

На наш взгляд особое внимание следует обратить на достижение нашего ВУЗа в области математике, физике и в естественных науках, так как финны

наиболее преуспели в этом направлении. Так же необходимо обратить внимание на то, в каких областях научной деятельности проявляют творчество другие финно-угорские народы.

Как уже было сказано выше, финно-угры больше всего ориентированы на прикладные области научных знаний (связанные с металлургией, машиностроением, судостроением, лесоведением, целлюлозно-бумажной промышленностью и электроникой) [1, 5]. Все эти основные и другие отрасли практической деятельности финн на прямую связаны с инженерной мыслью. Поэтому, на наш взгляд, сворачивать (сокращать) инженерный блок наук в нашем вузе нельзя. Наоборот его необходимо расширять и укреплять. Мы предполагаем, что инженерный блок наук, в этом случае, может выступить в качестве первой инженерно-технической и технологической специализацией ПНР-2 «Финноугроведения», кроме того этот подход, на наш взгляд, не противоречит и реализации ПНР-1 — «Энергосбережение».

Блок инженерных наук необходимо укреплять, а в дальнейшем продолжить его активное развитие. Это необходимо чтобы центр подготовки по инженерно-техническим специальностям (если так можно сказать) с финно-угорским креативным содержанием, находился в нашем вузе и молодые люди различных национальностей, относящиеся к финно-угорской языковой семье, ориентированные на данные специальности, могли получать достойное образование в нашем университете. При подобной инженерно-технической специализации финно-угорской направленности, наш вуз имеет все шансы стать европейским университетом, так как по данному специализированному направлению (этноинженерии) никто подготовку не ведет. Такое высшее учебное заведение, имеющее структуризацию специальностей, ориентированных частично или полностью на финно-угроведческую специфику, уверенно и достойно впишется в структуру общемировой модели науки.

В качестве **второй специализации** ПНР-2 «Финно-угроведения» мы предлагаем выделить этнокультуру, компонентами которой будут выступать: 1) этнокультура (сама по себе), 2) этнопедагогика, 3) гендерная психология и педагогика финно-угорских народов. В рамках музыкальной этнокультуры финно-угорских народов (как таковой) считаем необходимым рассмотреть музыкальную этнокультуру. Для этого нужно проанализировать теорию субстратной эстетики и природы искусства в целом и музыки в частности, разработанную и введенную в научный оборот профессором А. А. Гагаевым. Данная теория основывается на философии искусства в целом и на философии этномузыки профессора Н. И. Бояркина в частности, но это уже тема другой статьи.

Список использованной литературы

- 1 http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_финляндии
- 2 <http://e-finland.ru/travel/general/promyshlennost-finlyandii-analitica.htm>
- 3 <http://www.strana-suomi.ru/784/>
- 4 Гагаев А. А. Угро-финский космо-психологос/ А. А. Гагаев, Н. В. Кудяева. — Саранск. 2009. — 614 с.

5 <http://suomi-fin.narod.ru/economic/prom.htm>

6 М. Никишин, Д. Тюркин, О. Платонова. Патриаршие труды // Столица С №30 (979) 26 июля 2011 года.

Когнитивные стили мордовского субэтнуса и их учет в образовательной практике

Кудаева Н.В.,

кандидат психологических наук, доцент
кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин
Самарского государственного университета путей сообщения
(г. Самара)

Немецкий ученый, философ, лингвист В. фон Гумбольдт впервые в науке ставит вопрос о связи духа народа, его языка и мышления. Он утверждает, что между устройством языка и успехами в других видах интеллектуальной деятельности существует неоспоримая связь. В XX веке новый импульс к пониманию этих вопросов задает теория американских ученых Э. Сепира и Б. Уорфа, известная в научном мире под названием «гипотеза о лингвистической относительности». Она предполагает, что восприятие мира зависит от языка народа. Чуть позже философ Г. Гачев выдвигает более радикальную идею, согласно которой каждый этноязык способен создавать собственную национальную научную модель. Эти идеи сегодня открыли дорогу для многочисленных исследований социальным философам, этнологам, психологам, лингвистам и культурологам.

Теории, по сути, утверждали: а) каждый язык формирует свою единственную и уникальную картину мира; б) чем больше языков, тем больше возможностей познания мира; с) язык любого народа — часть общечеловеческой языковой системы и, следовательно, общего глобального человеческого интеллекта.

Из этих тезисов вытекают две важнейшие практические задачи:

— язык любого народа, этноса, субэтнуса, даже самого малочисленного, следует беречь, ибо с исчезновением языка уходит в лету ценнейший познавательный инструмент, функциональный элемент мышления;

— изучение специфики мировосприятия и миропознания народа необходимо в целях более эффективной организации ее образовательной и воспитательной системы, а также его социально-экономического развития.

Исходя из этого, мы поставили перед собой цель — рассмотреть особенности познавательных, мыслительных механизмов или особенности организации когнитивных стилей мордовского субэтнуса.

Наша гипотеза: когнитивные, познавательные стили зависят от психического мира индивида, состояния его души, архетипов как памяти предков, модели его языка — базового компонента мышления и могут определять образовательные стратегии и тактики формирования мыслительных операций. Когнитивные стили — это индивидуально — своеобразные способы восприятия и переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в

анализе, синтезе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего. Когнитивные этнические модели познания мира, являются системообразующим фактором индивидуальности (уникальности) народа, из которого следует: каждый этнос умен по-своему. В когнитивной сфере каждого этноса имеются и «когнитивные контроли» или «контролирующие принципы», так называемые внутренние субъективные «рамки» или своеобразные формы восприятия. Этнический язык задает структуру или гештальт познавательного образа (сенсорного, перцептивного, мнемического, мыслительного) и определяет схему отражаемых признаков. Поэтому, при восприятии, например, дерева для одного отражающего важен общий вид этого объекта, а для другого — крона или ствол. Таким образом, язык определяет границы познания мира. Инвариантность или точность образа предмету всегда будет относительна, так как образ никогда не будет полным, потому что объект, предмет богаче, чем возможности познающего субъекта. Языковое сознание субъекта действительности уже, чем его сознание вообще. Сознание — состояние психической жизни человека, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, а также в отчете об этих событиях. Сознание как способность следует отличать от такой способности как мышление. Сознание — это способность субъекта соотносить себя с миром, вычленять себя из мира и противопоставлять себя ему. В этом случае возникает разговор о соотношении субъекта и объекта, сознания и мира. В противоположность сознанию, мышление есть способность мыслить — фиксировать мир в понятиях и делать на основе них выводы в форме суждений и умозаключений. Сознание — необходимая предпосылка для мышления, поскольку только благодаря ему, мы вообще отличаем себя от окружающего нас мира, говорим о себе как отъединенном от всего остального субъекте воли, «Я» мышления и чувства. Но само сознание есть не только мышление. Сознание включает в себя мышление как необходимую часть.

Чтобы выявить существование типичных этнических когнитивных стилей мордвы, мы анализировали оригинальные тексты из мордовской эпической литературы и тексты из оригинальных произведений немецких философов.

Для выявления более четкой картины специфика угро-финского интеллекта и мышления рассматривалась на фоне германского немецкого интеллекта.

Заметим, что речь не идет а) о «превосходстве — неполноценности» мышления рассматриваемых этносов; б) не применяются оценочные характеристики «хорошо» — «плохо»; в) не определяется статус или место интеллекта этноса в общей когнитивной стратегии познания мира и по его результатам интеллектуальной деятельности.

Исследуя как познают мир носители финно-угорского, мордовского языкового сознания, мы сравниваем его с немецким языковым сознанием, чтобы увидеть более наглядно эти особенности.

У мордовского языка образно-поэтическая функция. Его характеризует богатство выделения в предмете единичных, часто несущественных признаков, но именно они и придают колорит, своеобразие явлению или объекту. Образность мордвы свидетельствует о развитости наглядно-чувственных форм отражения действительности. Поэтому мордовский этнос породил такое явление в

народной культуре как оригинальный мордовский костюм и богатое устное поэтическое творчество. Особенность языкового мышления проявилась в творчестве гениального С. Эрзи, талантливых художников — Ф. Сычкова, В. Попкова, мордовской сказительницы Ф.И. Беззубовой, И. Девина,

Литературные персонажи мордовских писателей и поэтов живые, они долго запечатлеваются в памяти, так как являются частью природы, жизни или события и образуют единую сюжетную линию. Неповторимость образной сферы народа подчеркивают тонкий поэтический язык и разнообразные художественные приемы. Язык произведений изобилует сравнениями, эпитетами, метафорами, например: « Белоснежны у лебедя перья, как смола ее черные ножки, как высокое дерево шея, как долина зеленая грудка». Необычно красочное и конкретное описание красоты девушки в песне «Сюмерге»: ...но злорадный вновь глянул огонек на лицо снохи — на румянец щек, на черемуху — черных ягод глаз, на бровей изгиб — вороной атлас: — много, я, карьга приняла греха, но сильней меня ты, моя сноха...»; причем эта красота выразительнее становится, так как она противопоставлена злу старухи (Песня «Лебедь»). Мордвин конструирует, рисует статичную картину природы, пейзажа, события. Феномен лингвистической комбинаторики, являющаяся отличительным признаком мордовского языкового поля также свидетельствует в пользу развитости пространственных форм мышления по сравнению с вербальными механизмами.

Мордовское языковое сознание привязано к локально-общему в отличие, например, от немецкого языкового пласта, который хорошо ориентируется в универсуме, общемировом пространстве и движении. К примеру, И. Кант (1724—1804) — родоначальник немецкой классической философии — создатель этической системы. Философское размышление И. Канта нельзя назвать легким или завлекательным чтением. Вот как философ определяет понятие «благодарность»: «Благодарность — это почтение к лицу, оказавшему нам благодеяние. Чувство, связанное с таким суждением, — это чувство уважения к благотворителю (которому обязан принимающий благодеяние), отношение же благотворителя к получателю рассматривается лишь как отношение любви» (4, с. 262—282). Его язык отличает плотность и глубина мысли, «филигранная тонкость» этических оттенков в определениях понятий. Его сочинения требуют волевого внимания и именно это подлинно глубокая и отвлеченная философия. Добротность, глубина и самозамкнутость понятий мыслителя обеспечиваются интеллектуальными и лингвистическими возможностями немецкого языка.

Можно сказать, что функция немецкого языка есть философская. Он отличается богатством категорий, общих понятий, высокой силой абстракций. Доказательство этого положения — достижения выдающихся немецких мыслителей. Философия А. Шопенгауэра, Ф. Ницше. И. Канта, Г. Гегеля, М. Хайдеггера, Х.Г. Гадамера — условие без которого невозможно творческое претворение современных ценностей и моральных абсолютов в образование и культуру. Своеобразие немецкого мышления дает о себе знать в сложных грамматических сцеплениях, проявляется и в пространности, какую язык способен придать своим предложением. Язык располагает развитой функциональной системой, что

создает широкий и вольный интеллектуальный размах, рождающий потребность в философии.

Мордвин больше доверяет зрительным ощущениям, своей интуиции, т.е. он больше догадывается в познании, немец же рассуждает и черпает информацию, копаясь в своем внутреннем душевном мире. Мордвин — интуит, немец — логик.

У мордвина развита рефлексия момента, элемента движения, пространства, ситуации. Если он размышляет, познает, то конкретного человека, которого он знает и любит. У него эмпатично-рефлексивная познавательная стратегия. У немецкого индивида выражена саморефлексия, рефлексия за другого субъекта, абстрактной личности. Познавательная стратегия — рефлексивно-медитивная.

Мордовский язык занимает важное положение в финно-угорской языковой общности, является достаточно распространенным и остается носителем уникального опыта языка и способов познания и отражения картины мира. Он ввел и сохраняет и сегодня в теории и практике языка высочайшие модели словесной образности, основанные на использовании слов в переносном значении, на совпадении признаков и свойств различных предметов и явлений. Наряду с этим, нельзя не отметить и общую образность языка как мотивированное использование языковых явлений, экспрессивных речевых элементов, певучесть и мелодичность фразы и других художественных приемов. У мордовского языка свои функциональные задачи в постижении вселенной, ее бытия, природы и человека.

Немецкий язык — носитель мощного научно-философского аппарата обучает строгому мышлению, точности в суждениях и последовательности в умозаключениях. Обобщенный характер его понятий, абстрактность, сложность грамматических форм, логика построения предложения проявились, прежде всего, в способности его постигать суть вещей, мира и существующих сложных в нем отношений. Данный язык обучает строгому мышлению, точности в суждениях и последовательности в умозаключениях. Вышеназванные особенности языка, а также его оригинальность, мыслительная самобытность и проявились, прежде всего, в способности его постигать суть вещей, мира и существующих сложных в нем отношений.

Итак, видим, что мордовский и немецкий языки имеют способности к разнонаправленной отражательной деятельности бытийного мира. В их внутренней структуре познавательного акта, в предложениях можно выделить категории общего и единичного, абстрактного и конкретного, частного и особенного. Но эти элементы мышления структурированы и организованы в каждом языке по-своему, специфично и что не в состоянии познать один язык, то может дополнить другой.

Разностилевые возможности познания мира основаны на индивидуальной психологии этносов и их нельзя не учитывать в образовательной практике.

Например, практика обучения показывает, что индивидуально-типические языковые модели субъекта учебной деятельности как носителя другого языка создают серьезные препятствия для восприятия иноязычной информации. Отражение индивидом языковых отношений в английском языке опосредовано ло-

гическими особенностями его когнитивного сознания как особого типа образной сферы. К сожалению, эти трудности, как следы и схемы прошлого сохраняются и сегодня. Например, в процессе обучения германским языкам (английскому, немецкому) преподаватели сталкиваются с серьезными методическими и лингвистическими трудностями. У студентов, особенно мордовской национальности, есть сильные языковые барьеры в восприятии видо-временной системы английского языка. Это связано с тем, что существуют глубокие различия в типах языковых систем — финно-угорском и германском. Кроме того, передача иноязычной мысли идет к субъекту обучения (в данном случае представителю мокшанского или эрзянского субэтноса) через посредника, коим является русский язык. Языковое мышление студента мордовской национальности обладает психологической инерционностью, так как мышлению свойственна вообще функциональная ригидность. Вследствие этого субъект стремится строить речевые модели на другом языке аналогично родному, что приводит к неправильному конструированию и пониманию сущности понятийного аппарата и коммуникативного процесса. Подобная «личностная привязка» проявляется на разных уровнях речемыслительной деятельности субъекта деятельности, общения и познания.

Чтобы быть убедительными в выявлении лингвокультурной специфики, следует сопоставить видо-временные системы, например, английского (германская языковая группа) и мордовского (финно-угорская языковая группа) языков. Как известно, в английском языке 4 группы глагольных форм: Indefinite, Continuous, Perfect, Perfect Continuous. Отсюда богатство и разнообразие аналитических (сложных) глагольных форм в английском языке. В мордовском языке также 4 глагольные формы: настоящее будущее, два прошедших времени и будущее сложное и в основном наблюдаются синтетические (простые) формы глагола. Глагол в мордовском языке в основной его функции, в функции сказуемого, выражает всегда грамматическое лицо и число действующего лица, которое можно понять и без наличия местоимения. В английском языке местоимение всегда обязательно. Маркером (показателем) этих функций выступают окончания сказуемого. Например, 1-е лицо — *мон молян* (я иду), 2-е лицо — *тон молят* (ты идешь), 3-е лицо — *сон моли* (он идет) и т. д.

В английском языке личные местоимения, выполняющие функцию подлежащего, не могут быть опущены, так как глагол своей формой лицо и число выразить не может. Именно поэтому англичанам присуща «я — концепция» образования. Глагольные окончания не выражены в английском языке в отличие от мордовского языка. Например, спряжение глагола в системе времен Present Indefinite: 1-е лицо — *I go* (я иду); 2-е лицо — *you go* (ты идешь); 3-е лицо — *he, she, it goes* (он, она, оно идет).

Как видно, по функциональным параметрам мордовское сказуемое сильно отличается от английского сказуемого. Большую работу в мордовском языке берут на себя окончания и благодаря данным языковым элементам реализуются возможности сказуемого. В английском языке, в рассматриваемой временной форме (Indefinite), глагол имеет окончание *-s* только в третьем лице единственного числа; отсутствие окончаний в английском языке компенсируется опреде-

лением характера действия глагола. Таким образом, в английском языке выражена языковая парадигма *местоимение + глагольная форма*, а в мордовском — *местоимение + глагол + окончание*. Местоимение в английском языке задает истину и определенность сказуемого. Эти особенности нельзя не учитывать при предъявлении учебной информации на занятиях по английскому языку. Для выбора правильной глагольной формы в английском языке субъекту с другим языковым сознанием следует осмыслить всю коммуникативную ситуацию, так как нет навыка работы с аналитическими глагольными формами. В мордовском языке сказуемое может служить для описания совершенно различных ситуаций. Например: *мон луван* (я читаю) сочетается по смыслу с процессом чтения вообще, а также с конкретным временным отрезком, что невозможно в английском языке. Функция английского глагола не только сообщение о действии, но и в выражении длительности, постоянности и затраты определенного количества времени.

Учитывая специфику языка в процессе подачи учебного материала в английском языке, преподавателю нужно перестроить обычные схемы мышления студента и формировать новые механизмы речемыслительных алгоритмов. Еще большие трудности для усвоения вызывают совершенные формы сказуемого, так как англичане не всякое завершённое действие воспринимают в прошедшем времени. Развитие навыка правильного выбора формы сказуемого является одной из существенных проблем в методике преподавания английского языка.

Усвоение речевого материала требует постоянного контроля со стороны сознания и всех психических процессов, прежде всего внимания, памяти и мышления. Различительная способность к правильному пониманию и выбору глагольной формы как языковое чутьё вырабатывается на основе большого количества тренировочных лексико-грамматических упражнений. Методическая задача при этом состоит в том, чтобы новые формы видо-временных отношений, образно говоря, заняли свою нишу в поле языкового мышления.

Наличие подобных методических и психологических трудностей подтверждают также исследования студентов и аспирантов Марийского государственного университета. В статье «Этноконфессиональные аспекты филологического анализа текста» подчеркивается: «Для целого ряда работ по анализу текста характерна нечувствительность нерусских студентов к формальному уровню произведения. Анализ стихотворения либо подменяется попыткой прозаического пересказа, либо содержит интуитивную интерпретацию содержания без опоры на текстуальные факты. Нерусские студенты нередко смешивают образ предмета и сам предмет при анализе стихотворения» (8, с. 181). Различия у субъектов обучения в языковом строе сказываются на успешности восприятия иноязычной информации и это должно учитываться при организации учебного процесса.

Таким образом, интеграция в иноязычную систему образования требует от мочки и эрзи принятия и усвоения нового, а именно, русского языкового мышления. Переход с типичной для этноса образной понятийной системы в теоретическую категориальную систему предполагает перестройку формальных и неформальных структур мыслительных операций субъекта. С точки зрения

науки, это огромная интеллектуальная работа осложняется всегда тем, что сохраняются жесткие идеальные схемы генетического, природного мышления и возникают препятствия перед «новым опытом». Причина этих осложнений в том, что формирование личности в онтогенезе (в том числе мышления и речи) протекает как процесс «присвоения» культуры и мышления общества. Психическое развитие человека, как развитие социальное, обусловлено, прежде всего, средой и его лингвокультурной общностью.

Несовпадение двух мировидений и мировосприятий — финноугорского и германского — проявление двух разных языковых строев и языкового мышления и оно очевидно. И именно из него вытекает, что каждый этнос может создать индивидуальную и своеобразную педагогическую модель, не учитывать которую в образовании нельзя. Если мы потеряем индивидуальность и оригинальность многих этносов, то приобретем безличную педагогику. И, если основываться на положениях, что каждый язык — ценная кладовая опыта народа, основа новых творческих начал его и именно языки являются мостом, соединяющим культуры, то их следует сохранять, изучать и возрождать, даже если говорят на этом языке десятки его представителей.

Список использованной литературы

1. Гете И.В. Избранная лирика. На нем. яз. Сост. Аникст А.А. — М.: Прогресс, 1980. — 504 с.
2. Гете И.В. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 1. Стихотворения. Пер. с нем. Под общей ред. Н. Вильмонта, А. Аникста. — М.: Худ. лит., 1975. — 528 с.
3. Гете И.В. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 10. Об искусстве и литературе. Пер. с нем. Под общей ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. — М.: Худ. лит., 1975. — 528 с.
4. фон Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
5. Журнал «Мокша», 2005, № 9, с. 36.
6. Кант И., Гегель Г.В.Ф., Шеллинг Ф.В.И. Немецкая классическая философия. Т. 1. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО — Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. — 784 с. (Серия» Антология мысли).
7. Мокшанско-русский словарь: 41000 слов / Институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Правительстве Республики Мордовия. Под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. — М.: Русский язык, Дигора, 1998. — 920 с.
8. Мордовские народные песни. В. Горбунов, Л. Кавтаськин. — М.: Гослитиздат, 1957. — 271 с.
9. Поляков О.Е. Учимся говорить по мокшански. — Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. — 200 с.
10. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. Учеб. пос.— М.: ПЕР СЭ, 2002. — 304 с.

11. Щанкина В.И. Мокшень-рузон. Валкс — русско-мокшанский словарь. — Саранск: Мордовский книжный издательствась, 1993. — 448 с.

К вопросу о формировании представлений об идеале личности как цели воспитания и обучения у финно-угорских народов

Лебедева Л.А.,
доцент кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Актуальность исследования представлений об идеале личности определяется необходимостью изучать и учитывать те изменения, которые претерпевают базовые характеристики личности в условиях современных общественных и социальных трансформаций. Предпринимаемые в последние годы усилия по возрождению национального языка и культуры немислимы без восстановления национальной системы образования, традиций народной педагогики, одна из основных целей которых — развитие этнического самосознания, формирование личности на народных идеалах человека, что в свою очередь предполагает научное осмысление содержания, методов и средств народного воспитания примените к реалиям сегодняшнего времени, ибо как полагал К.Д. Ушинский, воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более чем что-либо другое [19].

Идеал совершенного человека выражает самую общую задачу всего процесса воспитания личности (Г.Н. Волков). Его необходимо рассматривать и как основополагающую идею этнической педагогики и как феномен истории и культуры народа. В то же время в проблеме идеала совершенного человека проявляется то общечеловеческое, которое объединяет различные народы. Это положение еще более усиливает актуальность данной темы, когда наряду с возрождением национальной культуры обществу необходимы объединяющие, интеграционные подходы в регулировании межэтнических отношений.

Различные аспекты основополагающей этнопедагогической идеи феномена идеала человека на примерах фольклора, обрядов, эпических произведений, народного искусства освещались в работах Е.А. Бодиной, А.Л. Бугаевой, Д.М. Бурхинова, Г.Н. Волкова, Д.А. Данилова, Т.К. Искакова, А.М. Леонова, О.Д. Мукаевой, Т. Ормонова, Т.Н. Петровой, М.Г. Тайчинова, Б.М. Ховратовича и др. [2; 4; 17; 18].

Социально-философские проблемы понятий «идеал», «идеальное», «совершенство личности» раскрывались в работах Г. Гачева, Е.Л. Дубко, Д.И. Дубровского, Э.В. Ильенкова, И. Канта, В. Крауса, Н.С. Нарского, В. Татаркевича, В.А. Титова, Э. Фромма, О. Шпенглера, Г.Г. Шпета и др. [8; 9; 10; 21].

Методологические и психолого-педагогические основы нравственного воспитания подрастающего поколения в современных условиях рассматрива-

лись в трудах К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Божович, Г.М. Бреслав, Л.С. Выготского, В.М. Коротова, Б.Т. Лихачева, А.В. Мудрика, В.С. Мухиной [1; 3; 6; 15].

Этносоциальным, национально-психологическим факторам становления и развития личности уделяли внимание П.И. Гнатенко, А.И. Горячева, А.Ф. Дашдамиров, А.А. Иванова, В.И. Козлов, И.С. Кон, Г.У. Кцоева, П.И. Кушнер, В.П. Левкович, Н.Г. Панкова, В.В. Мавродин, Г.В. Старовойтова и др. [5; 7; 11; 12; 13; 14].

В то же время следует отметить, что феномен народного идеала совершенного человека не рассматривался специально применительно к историческому наследию народа. Между тем, история этноса есть не просто цепь исторических событий и явлений, но это и судьбы людей, их идеалы, образ жизни.

История народа, во-первых, отражает непрерывный воспитательный процесс, происходящий в данном этносе, раскрывает представление нации об идеале совершенного человека; во-вторых, историческое бытие само оказывает воспитательное воздействие на личность посредством исторической памяти народа, выраженной в легендах, преданиях и других произведениях народного и профессионального творчества.

Применение принципа историзма в изучении проблемы позволит затронуть некоторые неизученные или малоисследованные аспекты данной темы. Например, в современной этнопедагогической науке существует необходимость изучения феномена народного идеала человека в его развитии (генезис, эволюция понятия), что дает более полное представление о современном состоянии этических ценностей и возможность их педагогической реализации.

В этой связи практический интерес представляет проблема воспитания детей на примере жизни и деятельности выдающихся представителей своего народа, а также соотношение понятий «народного» и «реальных» идеалов человека в истории этноса [16].

Разделяя мнение Д.А. Шарманджиева, отметим, что процесс формирования личности на народном идеале человека будет более эффективным при условии, если будет раскрываться содержание народного идеала человека в ходе всех составляющих учебно-воспитательного процесса школы и других воспитательно-образовательных учреждений; деятельность государственных и общественных организаций, национальной интеллигенции по возрождению родного языка, культуры, образования направлена на интеграцию усилий с инновационными и общеобразовательными школами республики; осуществления этнопедагогизации целостного процесса учебно-воспитательной работы в школе, основывающейся на идеях совершенной личности в народной культуре [20].

Наиболее ценным и эффективным будет то обучение и воспитание, которое адекватно психологическим особенностям народа, специфике его традиционной культуры, мировоззрения. В этом случае народный идеал человека, как один из важнейших элементов этнопедагогики любого народа, следует изучать как в историческом развитии, так и в его современном состоянии. В основе разработанной системы воспитания личности на национальном идеале человека

может лежать методика включения ребенка в процесс познания истории и культуры финно-угорского народа.

Идеал человека является концентрированным выражением целей народного воспитания. Поэтому методы и средства этнического воспитания адекватны комплексу методов и средств развития личности на национальном идеале человека. В контексте настоящей проблемы наиболее значимой, на наш взгляд, группой методов воспитания являются методы убеждения (пример, беседа, упражнения, рассказ, просьба, совет и др.) Нравственные и эстетические идеалы народа легче проповедовать на обращении к сознанию человека, к чувствам справедливости, любви и совести.

Список использованной литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. Бодина Е.А. Педагогические ситуации : пособие для преподавателей педвузов и классных руководителей средних школ / Е.А. Бодина, К.В. Ащеулова. — Школьная пресса, 2002. — 96 с.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. — М.: Из-во «Институт практической психологии», 1995. — 245 с.
4. Бурхинов Д.М., Данилов Д.А., Намсараев С.Д. Народная педагогика и современная школа / Д.М. Бурхинов, Д.А. Данилов, С.Д. Намсараев. — Улан-Удэ: Бэмы, 1993. — 324 с.
5. Гнатенко П. И. Национальная психология. — Дніпропетровськ: Поліграфіст, 2000. — 213 с.
6. Давыдов В.В., Леонтьев А.Н., Выготский Л.С. Возрастная и педагогическая психология: хрестоматия. — М.: Академия, 2008 . — 368 с.
7. Дашдамиров А. Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем // Сов. этнография. — 1983. — № 2. — С. 68.
8. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. — М., 2003. — 153 с.
9. Ильенков Э. Об идолах и идеалах. — М., 1998. — 312 с.
10. Кант И. Критика чистого разума. — М., 1994. — 574 с.
11. Козлов В. И., Шелепов Г. В. «Национальный характер» и проблемы его исследования // Соц. этнография. — 1973. — № 2. — С. 81.
12. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. — М., 1971. — С. 147.
13. Кцоева Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов. — М., 1986. — 142 с.
14. Левкович В.П., Панкова Н.Г. Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания // Социальная психология и общественная практика / под ред. Е.В. Шороховой, В.П. Левкович. — М.: Наука, 1985. — С. 138—153.

15. Мудрик А. В. Социализация человека. — М.: Московский психолого-социальный институт, МОДЭК, 2011. — 624 с.
16. Педагогика и психология : учебн. / под ред. А. А. Радугина. — М., 1999. — 198 с.
17. Петрова Т.Н., Петров О.А. Основные компоненты и механизмы функционирования этнического самосознания. — <http://www.mzst.ru/pages/22-t.n.-petrova-o.a.-petrov-osnovnye.html>.
18. Тайчинов М.Г. Поликультурное образование — основа оптимизации межнациональных отношений. — <http://www.vatandash.ru/index.php?article=126>.
19. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании : в 6 т. / К. Д. Ушинский. — М., 1988. — Т. 1. — 244 с.
20. Шарманджиев Д. А. Формирование личности младшего подростка на народном идеале совершенного человека (на материале калмыцкой традиционной педагогики) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 2000. — 20 с.
21. Шпет Г. Г. Психология социального бытия. — М.: Институт практической психологии, Воронеж: МОДЭК, 1996. — 215 с.

К вопросу о подходах в исследовании этнического самосознания

Баляев С.И.,
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Различные аспекты этнического самосознания закономерно представляют большой интерес в исследовании этнопсихологических феноменов. В 1970-е годы этническое самосознание становится предметной областью социологических и социально-психологических исследований. Отличительной особенностью данных направлений изучения этнического самосознания является привлечение огромного эмпирического материала в результате применения социологических, общепсихологических, социально-психологических и других методов исследования. В этнопсихологических работах, появившихся в 80-е годы XX в. в связи с насущными потребностями многонациональной страны, более последовательно стал применяться междисциплинарный подход к рассмотрению проблемы этнического самосознания и всего комплекса внутриэтнических и межэтнических связей.

В проанализированной нами литературе «этническое самосознание» и «этническое сознание» нередко употребляются как синонимы. Однако это далеко не так. Соглашаясь с мнением В.П. Левкович, что «...расчленение этнического самосознания и этнического сознания возможно лишь в абстракции, поскольку в реальности этнической общности они тесно взаимосвязаны, важно их разграничивать с точки зрения отражения ими окружающей действительности [1, с. 75]. Этническое сознание, как более крупное образование, «...представляет

собой систему взглядов, идей, представлений этнической группы, возникших на основе взаимодействия с другими этническими группами и отражающих ее знание о них, отношение к ним, а так же состояние и формы самовыражения своей этнической группы» [1, с. 76]. В свою очередь этническое самосознание — это более узкое отражение окружающей действительности, которое предполагает осознание специфики своей этнической общности через знание о «них».

Определяющей особенностью этнического самосознания, как на личностном, так и на других уровнях рассмотрения является его дихотомичность, то есть способность к разделению «всех» на «чужих» и «своих». В целом любое групповое самосознание невозможно без сопоставления, так как гораздо труднее рефлексировать черты своей общности, чем заметить отличие от другой группы. В исторической ретроспективе осознание отличия своей группы от чужой существовало задолго до появления современных форм этнического самосознания. К примеру, Н.В. Ссорин-Чайков, изучавший современных центрально-сибирских эвенков, отмечает, что эвенки осознают себя именно «эвенками», потому что существуют рядом и «неэвенками». Так, «если эвенку задать вопрос: «Из каких ты?», то прозвучит ответ: «Я — эвенк», если спрашивает русский, «Я — Куркогир» (название рода), если разговаривают два эвенка, и будет названа фамилия, если разговор идет между членами одного рода» [2, с. 36]. Таким образом, без русских, якутов и т.д. не было бы контекста, в котором эвенк вспоминал бы о том, что он — эвенк.

Процесс межэтнического общения на межличностном уровне можно представить как интерсубъектное взаимодействие, в котором отдельные личности выступают как представители своих этнических общностей. Согласно результатам многочисленных эмпирических исследований, специфическими чертами этнического сопоставления выступают: язык, черты характера, культурно-бытовые особенности и внешность. Обыденное этническое сознание довольно отчетливо по этим сопоставительным критериям разграничивает «своих» и «чужих».

Однако в условиях интенсификации межэтнических контактов и росте билингвизма народов повышается статус этнопсихологических и характерологических особенностей как этноинтегрирующего-этнодифференцирующего признака. Г.В. Старовойтова, изучавшая особенности психологии татар в иноэтнической среде, отмечает, что «...использующие в семейном общении оба языка — русский и татарский — выше оценивают роль этнической культуры и психологии» [3, с. 22], а «говорящие дома по-русски еще большее значение придают этнопсихологии и национальному характеру» [3, с. 23]. В этой связи этническое самосознание — это сознание человеком своей отнесенности с определенным этническим «Мы», которое соотносится с каким-то или какими-то «Они». Следовательно, необходимыми условиями формирования и развития этнического самосознания является существование межэтнического общения, включенности в этноконтактное пространство, которое дает толчок для осознания собственного отличия, а значит и специфики.

Список использованной литературы

1. Левкович В.П. Социально-психологические аспекты этнического сознания // Советская этнография. — 1983. — № 4. — С. 75-79
2. Ссорин-Чайков Н.В Национальные отношения и образ «других» в культуре центральносибирских эвенков: опыт этнографического анализа // Этнические конфликты в СССР: причины, особенности возникновения, проблемы изучения— М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1991. -С.41-53.
3. Старовойтова Г.В. Этнические особенности поведения и внешности в восприятии горожан // Этнические стереотипы поведения. — Л.: Наука. Ленинградск. отд-е, 1985. — С. 22-34.

Формирование этнической толерантности личности: анализ психолого-педагогического опыта

Н. В. Андропова
кандидат психологических наук, доцент
кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

В Мордовии издавна живут представители разных национальностей — русские (около 60 % населения), мордва — мокша и эрзя (около 30 %), татары (около 5 %) [4]. По оценке специалистов, наша республика является образцом межнационального и межконфессионального согласия (в ноябре 2006 года Мордовия была названа лидером по политической стабильности среди российских регионов) [4]. Данный факт вполне может свидетельствовать о том, что жители республики в массе своей обладают в достаточной мере развитой этнической толерантностью. Однако в последние годы происходит увеличение количества мигрантов, приезжающих в Мордовию, среди которых добровольно переселившиеся из зарубежья соотечественники и иностранцы. В связи с этим возрастает вероятность возникновения межнациональных противоречий и конфликтов и одновременно повышается актуальность проблемы формирования этнической толерантности у граждан республики.

Надо сказать, что интерес к феномену этнической толерантности характерен для отечественных ученых и во многом обусловлен такой особенностью России, как полиэтничность. Психологи и педагоги уделяют особое внимание вопросам, связанным с процессом целенаправленного формирования и развития соответствующей мировоззренческой и нравственно-психологической установки личности.

В «Этнопсихологическом словаре» под редакцией В. Г. Крысько этническая толерантность определяется как способность человека проявлять терпение к малознакомому образу жизни представителей других этнических общностей,

их поведению, национальным традициям, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям и т. д. Внешне данная толерантность выражается в выдержке, самообладании, способности индивида длительно выносить непривычные воздействия чужой культуры без снижения его адаптивных возможностей. Этническая толерантность проявляется в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора, сопровождается психологической напряженностью. Она имеет степень выраженности в зависимости от наличия у человека опыта общения с представителями той или иной этнической общности [12, с. 302—303].

В соответствии с результатами многолетних исследований Е. И. Шлягина и ее коллеги выделяют следующие типы этнической толерантности: «терпимо-равнодушный» (пассивный тип гармоничной толерантности) и «терпимо-сочувствующий» (активный тип толерантности). Ученые указывают на отличие личностных поведенческих стратегий в проблемно-конфликтных ситуациях межэтнического взаимодействия у представителей активного и пассивного типа. Абсолютно очевидно, полагают авторы, что качество и эффективность межэтнического диалога в обоих случаях будут различными [10].

По мнению Т. Састамойнен, человек, обладающий толерантным сознанием, устойчив психически и эмоционально, у него низкий уровень тревожности, развитое чувство эмпатии, этнические предрассудки отсутствуют, он отличается широтой мышления, исходит из того, что все люди равны, у него активная жизненная позиция, он дисциплинирован и ответственен [7, с. 48]. Механизмами формирования толерантного мышления являются интеллектуальное развитие в детстве и осмысление собственного этнокультурного опыта во взрослом возрасте [8].

Специалисты в области этнопсихологии отмечают наличие тесной связи между позитивной этнической идентичностью (осознанием человеком собственной принадлежности к определенной этнической общности) и межэтнической толерантностью [3]. С точки зрения Г. У. Солдатовой, для этнической идентичности характерны ориентация на прошлое, мифологизм, а также способность возрастать и ослабевать в соответствии с внешними обстоятельствами [8].

В современной психолого-педагогической литературе представлены различные варианты программ воспитания толерантной личности. В основном они рассчитаны на реализацию в сфере образования (школьного и вузовского).

Проведенный в ходе диссертационного исследования Ю. П. Ивковой анализ результатов опроса представителей администрации школ и классных руководителей показал, что в большинстве школ работа по формированию этнотолерантности не носит систематический характер и осуществляется в рамках проектов (в основном по гражданскому, патриотическому или нравственному воспитанию). Наиболее доступной формой воспитательной деятельности для классных руководителей является беседа на классном часе. Данным автором была предложена программа занятий с элементами тренинга, направленная на формирование этнотолерантности старшеклассников. Результаты эксперимента показали, что после участия в занятиях у старших школьников изменяется не

только когнитивный (представления о других этнических группах, знания о толерантности и пр.), но и эмоциональный (отношение к представителям других этнических групп) и поведенческий (акты толерантного реагирования) компоненты этнической толерантности [2].

О. И. Юдина в качестве значимого фактора для формирования этнической толерантности школьников-подростков выделяет позицию педагога (учителя истории, географии, литературы, классного руководителя) в осуществлении воспитания толерантного поведения, позитивного отношения к другим этносам, организации совместной деятельности детей на основе содержания учебных предметов [13].

Интересные по содержанию и доступные для понимания школьниками приемы формирования толерантности предлагает использовать Т. В. Щечилина. В частности, это знакомство со значениями термина «толерантность» в языках разных народов мира, анализ притч, сказок, жизненных ситуаций, персонажи которых демонстрируют толерантность и интолерантность, составление детьми правил толерантного поведения [11].

О. В. Евдошенко этническую толерантность рассматривает как профессионально важное качество будущего юриста. В процессе формирующего эксперимента автором был апробирован комплекс педагогических условий формирования этнической толерантности студентов соответствующей специальности, предполагающий следующие мероприятия:

1. Проведение научно-методических семинаров для преподавателей по вопросам этнической толерантности с целью повышения этнопедагогической компетентности. Подобные семинары способствуют преодолению этнических стереотипов педагога. Данное направление работы влияет на способность преподавателя к толерантному взаимодействию, готовность объективно воспринимать студента в условиях преломления разных культур, а не с позиции доминирования собственной культурной и национальной принадлежности.

2. Реализация в процессе профессиональной подготовки авторского спецкурса на тему «Этническая толерантность», включающего в себя три этапа. Первый этап — обеспечение информационного базиса этнической толерантности — заключается в усвоении знаний об особенностях культуры народов региона. Студенты — представители разных национальностей — рассказывают о традициях и обычаях, культуре и религии своего народа. На втором этапе предполагалось достичь осознания и формирования положительной этнической идентичности у студентов на основе информации, полученной на занятиях первого этапа, а также в ходе лекций и семинарских (практических) занятий на темы: «Этнические стереотипы», «Этнические конфликты: причины возникновения и способы урегулирования». Основные задачи сводились к тому, чтобы научить будущего специалиста правильно выявлять и анализировать этнические стереотипы, видеть в них как положительные, так и отрицательные стороны, решать возникающие межличностные этнические конфликты. На третьем этапе формирования этнической толерантности делался акцент на закреплении понятий толерантность/интолерантность, развитии этнокультурной компетентности и навыков профессионального ненасильственного общения.

3. С целью применения знаний, полученных в рамках спецкурса, и моделирования позитивного поведения в ситуациях межкультурного взаимодействия проводился тренинг «Этнокультурная компетентность и этническая толерантность». Он проходил в игровой форме, чтобы студентам было легче раскрыться, быть готовыми к диалогу [1].

В качестве средства формирования межэтнической толерантности студентов О. С. Павлова предлагает использовать приемы развития позитивной этнической идентичности. Опираясь на опыт проведения социально-психологического тренинга с представителями этнических меньшинств (русские немцы) М. Ю. Чибисовой [9], в своей практике она применяет элементы тренинговой работы, которые включаются в занятия по курсу «Этнопсихология». На осознание и актуализацию этнической идентичности направлены упражнения по формированию ее когнитивного и аффективного компонентов (упражнения «Кто я?», «Цветок», «Музей родной культуры», «Моя визитка», «Групповая визитка», «Мое любимое место», интервью, незаконченные предложения). В случае, если группа, принимающая участие в тренинге, не имеет представления о форме и содержании проводимых занятий, О. С. Павлова советует в работу вводить дополнительные упражнения, направленные на развитие групповой сплоченности, сензитивности, эмпатии и др. Содержание же основных психологических терминов (например, этническая идентичность) можно при этом и не раскрывать, используя взамен им такие понятия, как «народ», «история народа», «семья (особенно прародительская)», «семейная история» и «семейные традиции». По мнению автора, интересными в плане осознания собственной этнической и гражданской идентичности являются упражнения, направленные на постижение истории народа и страны через историю своей семьи. Студентам предлагается выстроить на одной линии наиболее значимые события, произошедшие после их рождения и происходившие до их рождения [5].

П. В. Румянцева убеждена, что работа, направленная на формирование этнической толерантности в вузе, обязательно должна строиться на комплексной основе, затрагивая всех субъектов образовательного процесса и все компоненты образовательной среды. Конкретные цели и задачи подобной работы удобнее, на ее взгляд, рассмотреть, исходя из трех направлений: просветительского, диагностического и коррекционно-развивающего.

Просвещение: предоставление информации о толерантности и интолерантности; формах их проявления в межэтническом взаимодействии; формирование представлений о возникновении и закреплении в общественном сознании различных форм этнических стереотипов и дискриминации по признаку расы и этничности; обучение навыкам распознавания проявлений этнических стереотипов, этноцентризма и дискриминации по признаку этничности и расы в различных сферах общественной жизни; формирование более адекватных представлений о различных культурах и психологических особенностях их представителей.

Диагностика: осознание участниками образовательного процесса собственных этнических стереотипов и их влияния на различные сферы жизни; оп-

ределение общего уровня толерантности отдельных групп участников образовательного процесса.

Коррекция, психологическая помощь и развитие: разрядка негативных чувств, связанных с опытом переживания дискриминации по признаку этничности и расы; формирование позитивной этнической идентичности; осознание собственной роли в трансляции и закреплении этнических стереотипов и различных форм дискриминации по признаку этничности и расы.

Эти цели и задачи, считает автор, могут реализоваться в различных организационных формах: от включения информации, демонстрирующей значимость толерантности в современном обществе, в программу общеобразовательных учебных курсов, до проведения специальных тренинговых занятий. Предлагаемый П. В. Румянцевой тренинг направлен как на осознание участниками собственных этнических гетеростереотипов, так и формирование более позитивного отношения и более полного принятия собственной этничности. Цели тренинга: 1) информационно-просветительская — познакомить участников с механизмами возникновения и воспроизводства различных форм дискриминации и этнических стереотипов в обыденном сознании и повседневной практике; 2) обучающая — обучение навыкам выявления и осознанного анализа проявлений расовой и этнической дискриминации как формы нарушения прав человека в различных областях социальной жизни; обучение навыкам эффективной межэтнической коммуникации; 3) терапевтическая — проработка личных эмоциональных трудностей участников, накопленных в сфере межэтнического взаимодействия. Программа тренинга рассчитана на 18 часов и количественный состав группы от 10 до 30 человек. В тренинге предусмотрено применение следующих форм работы: работа всей группой (используется в трех различных ситуациях: информирование участников, дискуссия, подведение итогов работы («круг») после выполнения отдельных заданий или в конце дня, по завершении всего тренинга); работа в малых группах (ролевая игра, творческие задания, группы поддержки); работа в парах, в ходе которой каждый участник по очереди отвечает на вопрос, предложенный ведущим тренинга; индивидуальная работа, которая может проходить в виде учебно-терапевтической демонстрации или в виде внутренней работы участников. Ожидаемые результаты участия в тренинге: формирование представлений об этнических стереотипах, расовой и этнической дискриминации, а также механизмах их возникновения и закрепления в сознании и общественной практике; осознание роли этнической толерантности в поддержании как социальной стабильности, так и целостности личностной идентичности; развитие навыков эффективного взаимодействия с представителями других этнокультурных общностей; повышение сензитивности к проявлениям этнической и расовой дискриминации в различных сферах общественной жизни; сознание и принятие собственных этнокультурно обусловленных психологических качеств; формирование более позитивной этнической идентичности; сплочение группы, улучшение межличностных отношений участников, повышение взаимопонимания и терпимости; развитие творческого потенциала участников группы [6].

Подводя итоги выше сказанному, следует отметить наличие различных подходов к формированию этнической толерантности личности. Однако вариативность в данном случае, полагаем, следует рассматривать как положительный момент, поскольку разнообразие предлагаемых авторами форм и приемов является результатом активной творческой работы. Отрадно, что психологи и педагоги не сужают возрастной диапазон лиц, выступающих в качестве объектов соответствующих программ, так как в реальности в процесс межэтнического общения оказываются включенными представители разных поколений. В заключение отметим, что предпринятому нами анализу были подвергнуты, конечно, не все имеющиеся на сегодняшний день методические разработки, направленные на формирование этнической толерантности личности, но и представленные в данной статье материалы, безусловно, могут быть взяты за основу специалистами, в чью компетенцию входит обеспечение оптимального бесконфликтного взаимодействия между людьми разных национальностей.

Список использованной литературы

1. Евдошенко О. В. Педагогические условия формирования этнической толерантности будущего юриста // Юридическое образование и наука. 2010. №3.
2. Ивкова Ю. П. Формирование этнической толерантности старшеклассников в деятельности классного руководителя: Дисс. ... канд. пед. наук. — Петрозаводск, 2008. — 218 с.
3. Лебедева Н. М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество. — М., 1997. — С. 104—115.
4. Мордовия приглашает Вас / Автор-сост. А. Глухов. — Ульяновск, 2006.
5. Павлова О. С. Некоторые приемы развития позитивной этнической идентичности как средства формирования межэтнической толерантности // fro.ru/etnopsy/pavl-etnicch-edent.html.
6. Румянцева П. В. Формирование этнической толерантности как важнейшая задача обучения в ВУЗе // www.liona.spb.ru/publ/?uid=9.
7. Састамойнен Т. Толерантность в многоконфессиональном обществе // Наука и религия. 2006. № 5. — С. 48—49.
8. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. — М.: Смысл, 1998.
9. Чибисова М. Ю. Этническая идентичность в тренинге: методические подходы // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «Практическая психология: актуальные проблемы и перспективы развития» 21-22 ноября 2008 г.: сборник материалов. — М., МГППУ, 2008. — С. 145.
10. Шлягина Е. Этническая толерантность личности: опыт эмпирического исследования. // Век толерантности. Вып. 3-4.
11. Щечилина Т. В. Воспитание толерантности [классный час] // IOT.Wiki.htm.
12. Этнопсихологический словарь / под ред. В. Г. Крысько. М.: Москов. психолого-социальный ин-т, 1999.

13. Юдина О. И. Формирование этнической толерантности школьников-подростков: Дисс. ... канд. пед. наук. — Оренбург, 2008. — 271 с.

**Создание полиэтнической образовательной среды вуза
как условие успешной адаптации студентов
из национальных диаспор**

Ионова М.С.,
ст. преподаватель кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Мордовия исторически сложилась как многонациональная республика. Представители различных этносов сотрудничают друг с другом в укреплении общественного единства, сохраняя и развивая при этом свои традиции, язык и культуру. Для нашей республики, как и для Российской Федерации в целом, характерен высокий уровень миграции людей из других регионов. В первую очередь это касается представителей мордовского этноса, проживающих за пределами Мордовии.

Как отмечают Р.А. Кутбиддинова и А.А. Еромасова, в настоящее время «...наблюдается возрастающий интерес представителей того или иного этноса к своей культуре, языку, традициям, истории своего народа: в настоящее время появляются и функционируют различные этнические сообщества, диаспоры и национальные центры... В таких сообществах различные этнические группы организуют и отмечают национальные праздники, обмениваются своими впечатлениями о жизни в новом регионе, своим опытом, помогают и поддерживают друг друга, обучают молодое поколение языку, истории своего народа, национальным обычаям и обрядам, рукоделию, т.е. сохраняют традиции и культуру этноса» [3, с. 174].

Диаспоры мордовского народа созданы во многих регионах нашего многонационального государства. Усиливающийся интерес молодежи к своим корням проявляется в стремлении молодых людей переехать в Мордовию для получения высшего профессионального образования, а нередко, и последующего трудоустройства. Так, в 2010 г. в высшие учебные заведения нашей республики поступили 690 абитуриентов из 34 регионов страны. Почти 70 % иногородних первокурсников выбрали Мордовский государственный университет. Среди них 464 абитуриента из диаспоры. Это на 119 человек больше, чем в 2009 г. [5].

Известно, что приехавшие в чужой город студенты оказываются в новой социальной ситуации. Происходит естественное уменьшение влияния семьи, близких родственников, культурных традиций на их нравственное развитие и профессиональное становление [1]. Представители национальной диаспоры — это особая категория студентов, характерной чертой которой является необходимость адаптации к изменившимся условиям. Им предстоит не только принять

новую роль — роль студента, освоить изменившееся содержание ведущей деятельности, решить сложнейшие задачи «вхождения в специальность» и новый коллектив. Для первокурсников из регионов с компактным проживанием мордовского населения процесс адаптации естественно осложняется переменой места жительства. Возникающие трудности порождают особый спектр проблем и приводят к появлению потребности этих студентов в психологической поддержке.

В настоящее время российские психологи, педагоги, социологи уделяют особое внимание вопросам организации адаптации студентов-мигрантов из ближнего и из дальнего зарубежья. Проблема адаптации и психолого-педагогического сопровождения студентов из национальных диаспор находится несколько в стороне от основной линии исследований. Недостаточно разработана в настоящее время проблема моделирования поликультурного образовательного пространства как особой социально-педагогической среды, направленной на развитие творческого и культурного потенциала человека. К этой проблеме обращаются участники Общероссийской студенческой научной конференции «Студенческий научный форум», что доказывает ее особую актуальность. Так, Е.Н. Беспалова, исследуя социальную адаптацию студентов, представителей коренных малочисленных народов Сибири к условиям профессионального образования, отмечает: «Адаптивное образовательное пространство призвано реализовывать ценностное, уважительное отношение к личности, гуманное отношение между людьми, педагогическую и социально-психологическую поддержку и защиту личности. Такое образовательное пространство обеспечивает возможность культурного самовыражения личности, приобщение ее к мировым и региональным культурно-историческим ценностям...» [1]. Поэтому в образовательном учреждении должна быть организована такая поликультурная, образовательная среда, в которой будут учитываться этнокультурные особенности студентов и создаваться условия для их культурного самовыражения.

Этнокультурная образовательная среда, по мнению Л.И. Лурье, «...призвана сохранять в себе две тенденции, важные для полноценного развития личности: осознание национальной культуры своего народа и стремление войти с этой культурой в мировой цивилизационный процесс» [4, с. 173].

К вопросу о формировании специфичности образовательной среды в полиэтническом государстве обращаются Р.А. Кутбиддинова и А.А. Еромасова. Авторы понимают полиэтническую образовательную среду вуза, как часть образовательной среды, представляющую собой «...совокупность условий, влияющих на формирование личности, готовой к эффективному межэтническому взаимодействию, сохраняющей свою этническую идентичность и стремящейся к пониманию других этнокультур... Это есть пространство позитивного образовательного взаимодействия индивидов, групп, представляющих разные этносы» [3, с. 175].

Анализируя научные точки зрения на понятие «полиэтническая образовательная среда» и родственных ему понятий «поликультурная образовательная среда вуза», «этнокультурная образовательная среда», «поликультурное образо-

вание» и т.п. Р.А. Кутбиддинова и А.А. Еромасова приходят к выводу о том, что «полиэтническая образовательная среда вооружает человека этноориентированными знаниями, навыками и умениями, соответствующими дальнейшей эффективной адаптации личности к полиэтнической среде и интеграции в современное общемировое культурно-образовательное пространство» [3, с. 175—176].

Создание такой среды в вузе предполагает организацию эффективного взаимодействия в полиэтнических учебно-воспитательных коллективах, конструктивное разрешение полиэтнических конфликтов, учет этнопсихологических особенностей учащихся в процессе обучения и воспитания [3]. Для этого необходимо скоординировать усилия всех участников образовательного процесса. Прежде всего, педагогов–кураторов и психологов (сотрудников психологической службы вуза), основные функции которых заключаются в осуществлении психолого-педагогического сопровождения студентов. Это емкое понятие включает в себя «психологическое» и «педагогическое» сопровождение.

Психологическое сопровождение студентов осуществляется специалистами психологической службы вуза. По определению М.В. Донцовой, это «...целостный процесс изучения, формирования, развития и коррекции профессионального становления личности, целью которого является полноценная реализация профессионально-психологического потенциала личности и содействие раскрытию человека в профессиональной деятельности» [2, с. 10].

Что касается педагогического сопровождения, то задача педагогов в работе с первокурсниками заключается в управлении процессом адаптации. Педагогическое управление предполагает информирование студентов о трудностях адаптационного периода и способах их преодоления; формирование у студентов стремления к перестройке поведения и личностному самосовершенствованию в соответствии с новыми требованиями. Наиболее эффективной формой педагогического управления адаптационным процессом является кураторство. Именно от куратора группы во многом зависит успешность адаптации первокурсников к новой социальной среде, налаживание деловых и личных контактов между членами группы.

На базе Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева с 1998 г. действует психологическая служба. Создана и успешно функционирует система кураторства. Психологи и педагоги помогают студентам-первокурсникам справиться с трудностями профессиональной и социально-психологической адаптации. Следует отметить, что психолого-педагогическое сопровождение первокурсников в нашем университете осуществляется не только силами профессиональных психологов и педагогов. Для помощи и поддержки в организации коллективных форм совместного досуга привлекаются студенты старших курсов (в качестве младших кураторов). Именно они могли бы оказать существенную помощь иногородним первокурсникам и студентам из мордовской диаспоры. Для скорейшего преодоления трудностей адаптационного периода, приобщения к ценностям родной культуры первокурсников следует организовывать для участия в различных мероприятиях (гражданско-патриотических, духовно-нравственных, спортивно-оздоровительных, созида-

тельно-трудовых и других). Сначала в качестве зрителей, а в дальнейшем, возможно, активных участников. Наибольший интерес представляют фольклорно-этнографические праздники; выставки национальной литературы, национального костюма, народных ремесел; выставки-дегустации национальной кухни.

Таким образом, для успешной адаптации студентов из национальных диаспор к условиям вуза всем участникам образовательного процесса необходимо объединить свои усилия. Только через организацию совместной деятельности студентов — представителей разных культур, преподавателей, психологов, администрации возможно создание полиэтнической образовательной среды высшего учебного заведения.

Список использованной литературы

1. Беспалова, Е.Н. К вопросу о социальной адаптации студентов, представителей коренных малочисленных народов Сибири к условиям профессионального образования // III Общероссийская студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум», 15—20 февраля 2011 г. : <http://dk.kspu.ru/sekziya/sek5/Bespalova.doc>.

2. Донцова, М.В. Психологическое сопровождение профессионально-личностного становления студентов-психологов. Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Маргарита Валерьевна Донцова. — М., 2009. — 25 с.

3. Кутбиддинова, Р.А. Полиэтническая образовательная среда вуза как объект психолого-педагогического исследования / Р.А. Кутбиддинова, А.А. Еромасова // Психология и педагогика. — 2009, № 5. — С. 174—176.

4. Лурье, Л.И. Моделирование региональных образовательных систем : учебник / Л.И. Лурье. — М. : Гардарики, 2006. — 287 с.

5. Студенты России выбирают Мордовию // Молодежная студенческая газета «Голос Мордовского университета» : официальное издание Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. — 2010 г., 1 октября : <http://www.golos.mrsu.ru/2010/10/01/diaspora-2/>.

Этнические стереотипы: проблемы исследования феномена

Иббатулина С.Н.,
директор Дворца детского творчества
Республики Башкортостан
(г. Стерлитамак)

Баляев С.И.,
кандидат психологических наук, доцент
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск);

Исследование этнических стереотипов имеет большое значение для составления полноценной картины этнического самосознания, межэтнических отношений. Исследования этнических стереотипов закономерно выводятся из проблематики социального стереотипа, получившей свое научное рождение в 20-е годы нашего столетия, в связи с работами У. Липпмана. Впоследствии было предложено множество различных определений стереотипа.

Так, Г. Оллпорт [5] видит причину возникновения стереотипа, объясняющую во многом его суть, в экономичности человеческого усилия, направленного на познание предметов и явлений через типичное и общее. В течение ряда десятилетий справедливым считали определение Катца и Брейли: стереотип есть установившееся представление, которое очень в небольшой степени соответствует фактам, и которое в свою очередь оно в итоге представляет. В экспериментальных исследованиях в конце 50-х годов XX века Уэллс, Гой и Сидер доказали, что стереотип — это не ошибка в работе познавательных процессов человека, а социальный феномен, зависящий от многих объективных причин [1]. Характерной чертой большинства точек зрения западных ученых (Шонфилд, Богардус, Кембелл) на стереотип является фактическое отождествление его с понятием «обобщение».

Теоретические положения различных концепций социального стереотипа как правило опирались на экспериментальное исследование этнических стереотипов. Уже с самого начала эмпирического изучения они воспринимались исследователями как негативные образования в сознании человека и группы.

Этнический стереотип — это социально-перцептивный феномен этнического самосознания, формирующийся в результате восприятия своей (ин-группы), либо чужой группы (аутгруппы). Соответственно возникает автостереотип и гетеростереотип.

С социально-психологической точки зрения этнический стереотип следует рассматривать как социальный продукт, детерминированный различными социальными процессами, внутригрупповой и межгрупповой активностью. В этой связи В.С. Агеев считает, что влияние объективных причин исторического, социального, культурного и другого порядка едва уловимо в содержании этнических стереотипов и вследствие этого их интерпретация -должна быть многоступенчатой и опосредованной [1].

Этнические стереотипы исторически наслаиваются в обыденном сознании. Действительно, многие авторы отмечают исторически устойчивый характер содержания большинства этнических стереотипов, в первую очередь негативных. Чем глубже в историю, тем значительнее фактор преемственности негативных этнических стереотипов, передающихся от поколения к поколению. К примеру, Г.М. Коваленко, исследовавший функционирование этнических гетеростереотипов у шведов в XVI—XVII веках, отмечает, что «...в основе негативного отношения к русским шведов лежало унаследованное с древнейших времен представление об иностранцах, особенно соседних народах, как второсортных» [2].

Особую роль в межпоколенных представлениях о других народах играли книжные стереотипы. Они, как правило, предопределяли содержание образов, бытующих впоследствии во всем общественном сознании. Книжный стереотип — это своего рода первое звено в общей цепи, по которой этнические стереотипы могли внедряться в сознание людей. Это наиболее удобная форма навязывания нужных представлений, идеологизации общественного сознания. Так, в XV—XVI веках в условиях организации болгарского общества, напора ислама особое значение в высших слоях болгар приобрели не сугубо этнические, а конфессиональные стереотипы: «мы — христиане», «они — мусульмане». «Большинство эпитетов, применяемых по отношению к туркам, — отмечает в этой же связи Н.Ф. Макарова, — имеют конфессиональное содержание безбожные, нечестивые, неправедные незаконные...» [3]. Что интересно, сначала эти стереотипы нашли отражение в литературных сочинениях, различных рукописных сборниках. Важно отметить, что «...обыденное сознание рядовых жителей болгарских городов и сел продолжало на протяжении XV—XVI веков прочно сохранять свою этническую окраску» [3]. Только к началу XVII столетия в этническом самосознании болгар значительно усилился конфессиональный компонент, что было связано с последствиями тех условий, в которые был поставлен болгарский народ после порабощения.

В настоящее время функции книжного стереотипа переместились на средства массовой информации, которые уже в гораздо больших масштабах способны влиять на содержание этнических стереотипов. В то же время, как справедливо замечают В.П. Трусов и А.С. Филиппов, «...с развитием средств массовой информации уменьшилась роль стихийного элемента в формировании этнических стереотипов» [4]. Телевидение, газеты, кинофильмы — наиболее используемые сейчас средства для навязывания нужного образа. В течение длительного времени, к примеру, в практике западного общества велась активная пропаганда на поддержание негативного образа представителей негроидной расы. Многие примеры подобного рода можно найти и в реалиях современного российского общества.

Ведущую роль в утверждении и трансформации этнических стереотипов всегда играют экономические, политические и другие причины. К ним следует относить весь комплекс экономических, политических и культурных взаимоотношений стереотипизируемой и стереотипизирующей групп. Стереотипы являются постоянным отражением их состояния. Подтверждением этого тезиса

служат многочисленные эмпирические исследования содержания этнических стереотипов в период важных политических перемен. Так, американцы в годы разгара II-й Мировой войны наделяли образы немца и японца строго негативными характеристиками, которые отсутствовали в них до начала активных военных действий. Под воздействием социально-экономических, политических и других причин этнические стереотипы могут трансформироваться в предрасудки и предубеждения. В межгрупповом контексте рассмотрения проблемы важно отметить, что любая социальная категоризация неизменно ведет к стереотипизации.

Список использованной литературы

1. Агеев В.С. Стереотипизация как механизм социального восприятия // Общение и оптимизация совместной деятельности. — М.: Изд-во Моск. унта, 1987. — С. 177—189.
2. Коваленко Г.М. Русские глазами шведов. Этнопсихологический стереотип. // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. — М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. — С. 65—76.
3. Макарова Н.Ф. Структура автостереотипа болгар в условиях османского владычества (XV — XVI вв.) // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. — М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1990. — С. 116—120.
4. Трусов В.П., Филиппов А.С. Этнические стереотипы // Этническая психология. Этнические процессы и образ жизни людей. — М., 1984. — С. 3—20.
5. Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. — 1971. — №5. — С. 168—173.

Психолого-дидактические особенности построения процесса обучения с опорой на деятельностный подход (на примере курса «История мордовской культуры»

Лашмайкин А.П.,
соискатель кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Система образования, в том числе и высшего, в настоящее время испытывает определенные трудности. В условиях рыночной экономики максимальные шансы на успех имеют те учебные заведения, которые непрерывно повышают качество подготовки специалистов и используют для этого все возможные резервы. Отсюда, основная цель образования на современном этапе требует формирования у студентов такой системы знаний, навыков и умений, которая позволила бы объяснять, оценивать наиболее существенные, важные стороны происходящих явлений.

Анализ научной литературы, посвященной рассматриваемой проблеме показал, что актуальность научных поисков не только сохраняется, но и обостряется в последнее время в связи с рядом факторов. Во-первых, необходимость рассмотрения данной проблемы обусловлена возросшими требованиями к будущим специалистам, способным быстро и мобильно решать проблемы, которые возникают в профессиональной деятельности, а также заниматься самообразованием. Во-вторых, развитие науки и практики достигло такого уровня, что студент не в силах усвоить и запомнить все необходимое для своей будущей работы. Поэтому необходимо усваивать такой учебный материал, который при своем минимальном количестве вооружит его максимальным количеством информации и, с другой стороны, позволит в дальнейшем успешно работать в ряде областей. Важно вместе с тем всесторонне развивать общий интеллект у студентов, способности решать различные задачи, в том числе и профессиональные.

В качестве альтернативы информационной модели обучения может выступать деятельностная концепция подготовки специалиста. Данная концепция позволяет рассматривать профессиональное обучение как формирование уникальной индивидуально-творческой личности специалиста и строить обучение в соответствии не только с логикой предмета преподаваемой науки, но и с логикой развития личности. Это открывает реальную возможность разумно разрешать проблемы формирования профессионального мышления теоретического типа, как необходимого условия профессионального мастерства. Последнее, как доказано исследователями научной школы Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, складывается в процессе выполнения обучающимися учебной деятельности [1, с. 151—153].

Поэтому содержание учебных предметов необходимо разрабатывать в соответствии с ее особенностями и структурой. Отсюда, по нашему мнению, задача построения учебного процесса заключается в том, чтобы его содержание и способ овладения им формировали необходимый уровень способностей и культурных ценностей личности. Знания, при этом, должны усваиваться обучающимися не созерцательно, а в форме предметно-чувственной деятельности. Следует специально отметить, что содержание учебной деятельности диктуется и определяется профессиональной деятельностью специалистов в той или иной сфере труда. Таким образом, категория учебной деятельности является тем исходным, базисным понятием, которое необходимо использовать и в вузовском обучении [3, с. 25]. Это открывает реальную возможность разумно разрешать проблемы формирования профессионального мышления теоретического типа, как необходимого условия профессионального мастерства.

Наш подход к определению содержания и методов профессионального обучения в вузе базируется на следующих основных положениях: 1) в высшей школе должно осуществляться целенаправленное формирование у студентов целостного профессионального мышления теоретического типа; 2) в ходе профессиональной подготовки студентов необходимо овладевать особыми познавательными средствами и способами (такими как: содержательный анализ, рефлексия, планирование); 3) центральной категорией профессионального мышле-

ния является категория того предмета, генезис и развитие которого, главным образом, и реализуется в данной профессии (для историка-культуролога таким предметом является историко-культурный процесс развития и зависимость его от природных факторов внешней среды и социально-экономических связей развития общества в целом); 4) содержание учебного материала по истории мордовской культуры должно быть построено в соответствии с принципом восхождения мысли от абстрактного к конкретному [2, с. 75].

Такое построение предполагает поиск и нахождение исходного генетического основания («клеточки»), происхождение и развитие которого, предстоит проследить в ходе профессионального обучения (одной из таких «клеточек», на наш взгляд, является исходное отношение исторических и культурологических явлений развития народа). С этой целью мы попытались выделить исходную историческую и культурологическую категорию, которая может быть положена в основу всего курса.

Выделить такое исходное понятие нам удалось в русле «историографического» подхода. Мы определяем «историографию» как учение об историческом развитии культурного явления. Логика познания сущности конкретного исторического или культурного события (факта или явления) должна воспроизводить сам процесс, причины, следствие его возникновения и находить свое отражение в укладе народной жизни, быте.

Поскольку речь идет об истории и культуре, то «генетически исходное отношение», «клеточка» определяются нами также двояко. Для исторического компонента учебного предмета такой исходной основой будут являться «общественные отношения»: экономические, социальные, политические, идеологические. Для основного культурного блока учебного предмета «генетически исходным отношением» будут являться «формы общественного сознания»: наука, религия, искусство, мораль как «способы организации и развития человеческой жизнедеятельности».

При введении и развертывании понятия «историография культуры» в процесс обучения появляется возможность воспроизводить в целом всю систему историко-культурологических категорий, отражающих логику развития исторического процесса мордовского народа (форма собственности, общественного устройства, государственности и т. д., культурного развития. В результате, осваиваемые в процессе изучения истории мордовской культуры понятия, перестают быть формальными пластами информации, а становятся необходимыми инструментами содержательного анализа. Необходимо также отметить следующее обстоятельство: для каждой исторической эпохи дидактическая модель будет иметь свое конкретное содержательное наполнение, обусловленное уровнем общекультурного, социального, экономического развития. Однако основные параметры содержательного анализа должны оставаться постоянными.

Проиллюстрируем сущность нашего подхода на примере изучения культурного национального явления: мордовский народный костюм. Возникает вопрос — как изучать его с теоретических позиций? Мы полагаем, что изучение мордовского народного костюма может вводиться как учебная задача, целью которой должна стать разработка обобщенного способа рассмотрения костюма

как культурно-исторического явления. Студенты должны обнаружить, что народный костюм может рассматриваться с совершенно различных исследовательских позиций и несет в себе довольно разнообразную и обширную информацию: 1) народный костюм чаще всего рассматривается с позиций декоративно-прикладного искусства (ДПИ), то есть исследователей интересует, прежде всего, структура костюма, его цветовая гамма, материалы изготовления, структура и специфика узоров, специфика выполнения украшений и их состав; 2) народный костюм может рассматриваться с точки зрения межкультурных этнографических различий, то есть с позиции сходства и различия его у различных групп этнической мордвы; 3) народный костюм может рассматриваться с позиции экономических и межкультурных отношений, так как отражает и содержит в себе их специфику: наличие металлов, стекла, монет, жетонов в украшениях дает особую информацию для исследователя, например, о наличии товарно-денежных отношений; 4) народный костюм свидетельствует об уровне развития и специфике производства: домотканое или мануфактурное полотно, качество выполнения обуви и украшений; 5) костюм может рассматриваться как знак социальной роли индивида в социуме: девочка, девушка, женщина, пожилая женщина; 6) народный костюм может рассматриваться с позиции культурно-эстетических представлений об эталонах женской красоты, так как напрямую их отражает; 7) народный костюм отражает религиозные верования: имеются четкие знаки периодов язычества и христианства; 8) народный костюм может рассматриваться с позиции функционального назначения: повседневный, ритуальный, праздничный; 9) народный костюм отражает особую гендерную специфику: все вышеперечисленное относится к женскому костюму, так как мужской народный костюм не имел сколько-нибудь интересной динамики развития или качественного своеобразия; 10) и, наконец, народный костюм может рассматриваться с позиции его генезиса: происхождения и становления.

Таким образом, обнаруживаются, по меньшей мере, десять параметров (аспектов) анализа этого культурного явления, основанных на исходных генетических основаниях: общественные отношения и общественное сознание. Одна из главных особенностей экспериментальной схемы анализа историко-культурологического процесса состоит в том, то она обеспечивает не передачу и усвоение готовых знаний, навыков и умений по курсу истории мордовской культуры, а самостоятельную деятельность студентов по выведению ими содержания того или иного культурно-исторического факта, его многоаспектного анализа.

Исходя из вышеизложенного можно заключить следующее:

1) категория учебной деятельности является исходным базисным понятием, которое необходимо использовать в вузовском обучении; 2) в ходе профессиональной подготовке студентам необходимо овладевать особыми познавательными средствами и способами, в качестве которых выступают содержательный анализ, рефлексия и планирование; 3) содержание учебного материала по истории мордовской культуры должно строиться в соответствии с принципом восхождения мысли от абстрактного к конкретному; 4) сама логика познания сущности конкретного историко-культурологического факта должна вос-

производить сам процесс, причины, результат ее возникновения и находить свое отражение в укладе народной жизни и быте.

Список использованной литературы

1. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. — М.: ИНПОР, 2006.
2. Якунин В.А. Психология учебной деятельности студента. М.: Инфра — М., 2000.
3. Якунин В.А. Психология управления учебно-познавательной деятельностью студентов. — Л.: ЛГУ, 1996.

Зарождение и становление зарубежной этнопсихологии

Инчина Т. С.,
Студентка 4 курса специальности «Психология»
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева
(г. Саранск)

Арсентьева Е. В.,
кандидат медицинских наук, доцент
кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева
(г. Саранск)

Безусловно, представители разных народов всегда различали друг друга по этническим и расовым признакам, стремились понять и правильно интерпретировать последние применительно к условиям своей жизни и деятельности, взаимоотношениям и взаимодействию. Однако потребовалось очень много времени, чтобы на основе практического опыта и его теоретического осмысления на Западе возникла стройная концепция представлений о сущности этнопсихологических явлений и процессов. Целенаправленное изучение национально-психологических особенностей других народов началось на Западе лишь ближе к середине XX в.

Начиная с Геродота (490—425 гг. до н.э.), ученые и литераторы древности, повествуя о дальних странах и проживающих там народах, немало внимания уделяли описанию их нравов, обычаев и привычек. Считалось, что это могло облегчить отношения и контакты с соседями, помогало понять их замыслы и намерения, особенности поведения, поступки. В такого рода сочинениях было и много фантастического, надуманного, субъективного, хотя подчас в них содержались полезные и интересные сведения, почерпнутые из непосредственных наблюдений за жизнью других народов [3, с. 45].

Много веков спустя сложилась традиция использования такого рода описаний в политических целях, что хорошо показано в труде византийского императора Константина Багрянородного «Об Управлении империей» (IX в.). Политика Византии была политикой государства, граничащего со многими другими странами, а поэтому предполагала оказание воздействия на них, для чего необходимо было знать психологические особенности людей, в них прожинающих. «Византийцы тщательно собирали и записывали сведения о варварских племенах. Они хотели иметь точную информацию о нравах «варваров», об их военных силах, о торговых сношениях, об отношениях, о междоусобицах, о влиятельных людях и возможности их подкупа. На основании этих тщательно собранных сведений строилась византийская дипломатия» [3, с. 47]. Констатируя различия в культуре и традициях, внешнем облике племен и народностей, сначала древнегреческие мыслители, а потом и ученые других государств предпринимали попытки определить природу этих различий. Гиппократ (ок. 460 — 370 гг. до н. э.), например, физическое и психологическое своеобразие разных народов объяснял спецификой их географического положения и климатических условий. «Формы поведения людей и их нравы, — считал он, — отражают природу страны». Предположение о том, что южный и северный климат неодинаково влияют на организм, а следовательно, и на психику человека, допускал и Демокрит (ок. 460—350 гг. до н.э.).

Более зрелые, на наш взгляд, мысли значительно позже высказывал по этому поводу К. Гельвеций (1715—1771) — французский философ, впервые давший диалектический анализ ощущений и мышления, показавший роль среды в их формировании.

В одном из своих главных трудов «О человеке» К. Гельвеций посвятил большой раздел выявлению изменений, происходящих в характере народов, и факторов, их порождающих. По его мнению, каждый народ наделен собственным способом видеть и чувствовать, который и определяет сущность его характера. У всех народов характер этот может изменяться или внезапно, или постепенно в зависимости от незаметных трансформаций» происходящих в форме правления и в общественном воспитании. Характер, считал К. Гельвеций, — это способ мирозерцания и восприятия окружающей действительности, это то, что свойственно только для одного народа и зависит от его социально-политической истории, форм правления. Изменение социально-политических отношений, воздействует на содержание национального характера.

Эту точку зрения К. Гельвеций подтверждал примерами из истории. Так, развитие свободы, демократического правления, по его мнению, способствуют трансформации характера народов. Уровень развития культуры, черт характера народа он видел в эволюции политического строя. Он не признавал определяющего влияния географических факторов на духовную структуру наций. В наследии К. Гельвеция оказались заложены многие глубокие научные принципы понимания сущности национального характера, такие, как идеи развития и социальной обусловленности, послужившие важной основой совершенствования знания о феномене национального характера в будущем.

Широкое распространение в науке того времени получило географическое направление, суть которого заключалась в признании климатических и других природных условий в качестве главного, определяющего фактора развития человеческого общества, т. е. в неправомерном преувеличении роли географической среды в жизни народов. Эту теорию как отправную идею использовали многие философы и социологи в своих попытках объяснить, почему нельзя найти в мире двух народов, абсолютно одинаковых по своим этническим, лингвистическим и психологическим признакам, по быту и культуре.

Из наиболее видных представителей этого направления глубже других подходил к рассмотрению проблем этнической психологии Ш. Монтескье (1689—1755) — французский мыслитель, философ, правовед, историк. Поддерживая появившуюся в то время теорию о всеобщем характере движения материи и изменчивости материального мира, он рассматривал общество как социальный организм, имеющий свои закономерности, которые концентрированно выражаются в общем духе нации [9, с. 50].

По мнению Ш. Монтескье, для того, чтобы понять сущность общества и особенности его политико-правовых установлений, необходимо выявить народный дух, под которым он понимал характерные психологические черты народа. Он считал, что народный дух формируется объективно, под воздействием физических и моральных причин. Признавая решающую роль среды в возникновении и развитии того или иного общества Ш. Монтескье разработал теорию факторов общественного развития, наиболее полно изложенную им в «Этюдах о причинах, определяющих дух и характер» (1736).

К физическим факторам, влияющим на первых этапах развития на историю общества и общий дух нации, он относил географическое положение, климат, почвы, ландшафт. При этом климат он считал главным среди них. Ш. Монтескье констатировал, например, определенную зависимость духовного склада и стиля мышления народов от их образа жизни, хотя последний, согласно его концепции, целиком определялся условиями природно-климатической среды. К моральным же факторам он причислял законы, религию, нравы, обычаи и нормы поведения, которые приобретают большее значение в цивилизованном обществе. Объяснение социальных явлений не волей Бога, а естественными причинами, т. е. материальными факторами, в то время имело большое прогрессивное значение.

Мнение сторонников географической школы о решающей роли климата и других природных условий было ошибочным и влекло за собой представления о неизменности национальной психологии народа. В одной и той же географической зоне, как правило, живут разные народы. Если бы их духовный облик, включая черты национальной психики, формировался под воздействием в первую очередь географической среды, то эти народы так или иначе были бы похожи друг на друга, как две капли воды.

В действительности же дело обстоит далеко не так. В течение многих тысячелетий в жизни человечества происходили значительные перемены: сменялись общественно-экономические системы, появлялись новые общественные классы и социальные системы, сливались различные племена и народности, об-

разовывались новые формы этнических отношений. Эти трансформации, в свою очередь, внесли громадные изменения в духовный облик народов, в их психологию, обычаи и традиции. В результате в корне обновлялись не только представления и понятия о жизни, об окружающем мире, но и привычки и нравы, вкусы и потребности, изменялось содержание, а также формы выражения национального самосознания и чувств. Между тем природно-климатические условия на планете в этот период сколько-нибудь заметных изменений не претерпевали [7, с. 67].

Абсолютизация роли географической среды в формировании и развитии черт национальной психологии народов, таким образом, неизбежно вела к утверждению неизменности и вечности этих черт.

Появлялись и другие точки зрения. В частности, английский философ, историк и экономист Д. Юм (1711—1776) написал большую работу «О национальных характерах» (1769), в которой в общей форме выразил свои взгляды на национальную психологию. Среди источников, ее формирующих, определяющими он считал социальные (моральные) факторы, к которым относил в основном обстоятельства социально-политического развития общества: формы правления, социальные перевороты, изобилие или нужду населения, положение этнической общности, отношения с соседями и т. д.

По мнению Д. Юма, общие черты национального характера людей (общие склонности, обычаи, привычки, аффекты) формируются на основе общения в профессиональной деятельности. Сходные интересы способствуют становлению общенациональных черт духовного облика, единого языка и других элементов этнической жизни. Экономические интересы объединяют не только социально-профессиональные группы, но и отдельные части народа. На этой основе Д. Юм стремился вывести диалектику соотношения специфики профессиональных групп и особенностей национального характера людей. Признание роли социальных (моральных) отношений в формировании нравов, привычек народа привело в окончательном итоге ученого к констатации историчности национального характера.

Д. Юм, кроме того, считал, что нравы одного народа значительно меняются с течением времени или в результате его смешения с другими общностями, что всегда имеет место в этногенезе. Ученый в то же время оставил большое количество суждений о характерах разных народов, в которых содержалось, как много интересных наблюдений, так и много достаточно наивных умозаключений. Например, одни народы он называл «трусливыми», другие — мужественными, честными и т.д. Однако в работах Д. Юма содержалось множество глубоких идей о сущности национального характера, факторах его формирования, о роли его в жизни народов.

Большую роль в становлении устойчивых научных этнопсихологических представлений сыграл Г. Гегель (1770—1831) — немецкий философ, создатель объективно-идеалистической диалектики.

Национальная психология интересовала его в связи с тем, что ее изучение давало возможность более всесторонне осмыслить историю развития этноса.

Однако представления Г. Гегеля хотя и содержали много плодотворных идей, но были весьма противоречивыми [5, с. 90].

С одной стороны Г. Гегель подходил к пониманию национального характера, как социального явления, детерминированного часто социокультурными, природными и географическими факторами. С другой — национальный характер выступал у него, как проявление абсолютного духа, который оторван от объективной основы жизни каждой общности. Дух народа, по мнению Г. Гегеля, **во-первых**, имел некоторую определенность, являющаяся следствием конкретного развития мирового духа, **во-вторых**, выполнял определенные функции, порождая у каждого этноса свой мир, свою культуру, религию, обычаи, определяя тем самым своеобразное государственное устройство, законы и поведение людей, их судьбу и историю.

В то же время Г. Гегель выступал против отождествления понятий национального характера и темперамента, утверждая, что они различны по своему содержанию. Если национальный характер, по его мнению, имеет всеобщее проявление, то темперамент должен считаться явлением, соотносимым лишь с отдельным индивидом.

Г. Гегель, кроме того, исследовал характеры европейских народов, отмечая не только их разнообразие, но и определенное сходство. Раскрывая черты национального характера англичан, он подчеркивал их способность к интеллектуальному восприятию мира, склонность к консерватизму, приверженность традициям. По его мнению, итальянский и испанский национальные характеры близки друг другу, их основной чертой является индивидуализм. Однако черты индивидуализма у итальянцев проявляются ограниченно, тогда как у испанцев они носят форму всеобщности и проникнуты рефлексией. Основными чертами национального характера немцев Г. Гегель считал глубину мысли, рассудительность, выдержку, определяющие их успех во всех сферах деятельности [4, с. 110].

Значительно больший интерес к проблеме национальной психологии стал проявляться в эпоху капитализма, с возникновением и развитием которого связаны открытие неизвестных ранее стран, новых морских путей, политика колониальных войн, грабежа и порабощения народов целых континентов, образование мирового рынка, ломка прежних национальных перегородок, когда на смену старой национальной замкнутости пришли всесторонняя связь и известная зависимость одних государств от других.

В период, когда эта новая общественная формация бурно шла в своем развитии по восходящей линии, европейские ученые выдвинули целый ряд прогрессивных для своего времени идей, отражавших конкретные моменты и тенденции в социальной жизни общества. Некоторые из них, верно подмечая, что народы отличаются друг от друга определенными духовными чертами, своеобразными оттенками в нравах и обычаях, художественном и ином восприятии окружающей действительности, в быту, традициях и т. д., пытались найти корни этих явлений в материальных факторах.

Во второй половине XIX в. в европейской социологии возник ряд научных течений, рассматривавших человеческое общество по аналогии с жизнью

животного мира. Течения эти назывались по-разному: антропологическая школа в социологии, органическая школа, социальный дарвинизм и т. д. Однако результаты их исследований имели одну общую специфику — они недооценивали присущие социальной жизни особые объективные тенденции, механически переносили открытые Чарльзом Дарвином биологические законы на явления общественной жизни. Сторонники этих направлений пытались доказать прямое воздействие биологических законов на социальную, экономическую и духовную жизнь народов, стремились обосновать «теорию» о непосредственном влиянии анатомо-физиологических задатках людей на психику и на этой основе вывести черты их внутреннего, нравственно-духовного облика из биологических признаков.

На самом же деле присущие каждой этнической общности психологические черты являются продуктом в основном социального развития. Этнодифференцирующие же признаки человека (включая и физиологические) не заложены в его кровь и не связаны с особенностями его организма, не зависят от формы черепной коробки, объема головного мозга, физической массы тела, роста и т. п.

Индивид не рождается с уже готовым национальным характером и не является изначально приверженцем определенной национальной культуры, традиций, языка и соответственно не наделен с колыбели конкретными особенностями поведения. Он становится представителем определенной этнической общности (не формально, а по существу) лишь в процессе развития и воспитания в данной национальной среде [3, с. 76].

Утверждения зарубежных исследователей середины XIX в. о том, что черты национальной психики передаются от родителей к детям по наследству, через половые клетки, не выдерживают никакой критики.

Данные современной науки говорят об обратном. Социальная психика, в том числе и национальная, обязана своим возникновением только общественной среде. Если младенца, родившегося, например, в Италии перевезти в Англию и воспитать в условиях английской культуры и общества, то он приобретет английскую сдержанность, «южный» же темперамент этнических предков фактически утрачивается.

Начало собственно этнической психологии как самостоятельной отрасли знаний, ее методологических и теоретических основ на Западе было положено М. Лацарусом и Х. Штейнталем.

Швейцарский философ М. Лацарус (1824—1903), ученик и последователь основоположника немецкой эмпирической психологии И. Гербарта, первоначально исследовал такие явления, как юмор, язык в его отношении к мышлению и т. д. Большую известность в научных кругах он получил как один из основателей теории «психологии народов».

В 1859 г. вместе с немецким философом и языковедом Х. Штейнталем он начал издавать журнал «Психология народов и языкознание», в котором печатались материалы, связанные с изучением языка, традиций, обычаев и нравов людей, их жизнедеятельностью. В программной статье, напечатанной в первом номере этого журнала и названной «Мысли о психологии народов», ученые сформулировали свой главный тезис о том, что народ, или «дух Целого», выра-

жающийся в языке, мифах, обычаях, нравах, религии и искусстве, является главной силой истории. «Дух народа», по их мнению, это некая таинственная субстанция, которая остается неизменной при всех переменах и обеспечивает единство национального характера при всех индивидуальных различиях [1, с. 60].

Х. Штейнталь (1823—1899) ко времени появления интереса к «психологии народов» уже был известен своими трудами в области языкознания, исследованиями соотношения между грамматикой, логикой и психологической сущностью языка, а также считался одним из основателей психологического направления в языкознании, автором теории звукоподражания при объяснении происхождения языка. Он, как и М. Лацарус, поддержал идею создания специальной науки, которая может называться «психологией народов». Но она должна объединять историков филологические исследования с психологическими.

Признавая наличие у каждого этноса своеобразной культуры, Х. Штейнталь объяснял его целостность и единство первичными психическими связями, находящими свое проявление в языке, обычаях и нравах, мифах, религии и народной поэзии. «Все индивиды одного народа, — писал он, — носят отпечаток особой природы народа на своем теле и душе, при этом воздействие телесных влияний на душу вызывает... свойства духа, одинаковые у всех индивидов, вследствие чего все они обладают одним и тем же народным духом» [8, с. 88]. Психологическое же сходство индивидов, согласно Х. Штейнталю, проявляется в их сознании, понимание природы которого весьма затруднительно и возможно лишь описание его проявлений в обыденной жизни.

М. Лацарус и Х. Штейнталь видели задачи «психологии народов» как самостоятельной отрасли в том, чтобы:

- 1) познать психологическую сущность народного духа;
- 2) открыть законы внутренней духовной, или идеальной, деятельности народа в жизни, искусстве и науке;
- 3) выявить основания, причины и поводы возникновения, развития и уничтожения особенностей какого-либо народа. «Психология народов», по их мнению, должна изучать те же явления, что и общая психология.

Причем первая воспринималась ими как продолжение последней. При этом ученые считали, что «дух народа» присутствует лишь в индивидах и не может существовать вне человека.

Идею о выделении «психологии народов» как особой отрасли знаний развил и систематизировал В. Вундт (1832—1920), выдающийся немецкий психолог, физиолог и философ, создавший в 1879 г. первую в мире психологическую лабораторию, преобразованную позже в Институт экспериментальной психологии. В 1881 г. он основал первый в мире психологический журнал «Психологические исследования» (первоначально «Философские исследования»).

Критически проанализировав существовавшие тогда взгляды на предмет психологии как науки о душе и внутреннем мире человека, В. Вундт предложил считать ее отраслью знаний, изучающей непосредственный опыт жизни личности, т. е. доступные самонаблюдению явления сознания. Согласно мнению ученого, экспериментальному изучению поддаются лишь простейшие психические

процессы. Что же касается высших психических процессов (речь, мышление, воля), то они должны изучаться культурно-историческим методом [5, с. 145].

Фундаментальный десяти томный труд В. Вундта «Психология народов» имел своей целью окончательно закрепить право существования этнопсихологических представлений, которые мыслились В. Вундтом как продолжение и дополнение индивидуальной психологии. При этом он считал, что психологическая наука должна состоять из двух частей: 1) общей психологии, изучающей человека с помощью экспериментальных методов, и 2) «психологии народов», которая исследует представителей тех или иных этнических общностей посредством анализа результатов их исторической деятельности (религии, мифов, традиций, памятников культуры и искусства, национальной литературы). И хотя В. Вундт представлял «психологию народов» в несколько ином свете, чем Х. Штейнталь и М. Лацарус, он всегда подчеркивал, что это наука о «духе народа», который является трудно познаваемой таинственной субстанцией» И лишь впоследствии, в начале XX в., российский этнопсихолог Г. Г. Шпет доказал, что под «духом народа» на самом деле следует понимать совокупность субъективных переживаний представителей конкретных этнических общностей, психологию «исторически образующегося коллектива», т. е. народ [10, с. 176].

В конце XIX в. французский ученый Г. Лебон (1841 — 1931), которого на Западе считают основоположником социальной психологии, дополнил психологию народов своими личными воззрениями. Он полагал, что у каждой расы есть свой устойчивый психологический менталитет, формирующийся на протяжении многих веков. «Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие, — писал он. — Ими одними заложено основание расы. Столетие за столетием они творили идеи и чувства и, следовательно, все побудительные причины нашего поведения. Умершие передают нам не только свою физическую организацию. Они внушают нам также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награды за их добродетели» [6, с. 20].

По мнению Г. Лебона, совокупность психологических особенностей этноса образует некий средний тип, дающий возможность понять сущность народа. «Тысяча французов, тысяча англичан, тысяча китайцев, взятых случайно, — писал он, — конечно должны отличаться друг от друга; однако они обладают в силу наследственности их расы общими свойствами, на основании которых можно воссоздать идеальный тип француза, англичанина, китайца...» [6, с.18]. Глубокие различия, существующие между психическим складом представителей различных этносов, согласно взглядам Г. Лебона, приводят к тому, что они по-разному воспринимают внешний мир, по-своему чувствуют, рассуждают и действуют. По мнению Г. Лебона, существует определенная иерархия человеческих рас. Он различал первобытные расы — народы с отсутствием следа культуры, низшие расы, способные к зачаткам цивилизации (к ним он отнес негров), средние расы - народы, создавшие высокие типы цивилизаций, которые могли превзойти только европейцы: это китайцы, японцы, монголы, а также ассирийцы и арабы. К высшим расам Г. Лебон отнес только индоевропейские народы, даже низшие из которых — индусы, «...возвысились в области искусства, лите-

ратуры и философии до такого уровня, какого никогда не могли достигнуть монголы, китайцы и семиты» [6, с. 27]. Совершенно неприемлемой и не оправдавшей себя с современной точки зрения была позиция Г. Лебона, согласно которой между четырьмя перечисленными большими группами невозможно слияние, а разделяющие их различия непреодолимы. Причем иерархичность народов выделялась им не только в группах, но и внутри каждой из них. «Англичанин, испанец, русский, — писал он, — относятся к группе высших народов; однако мы хорошо знаем, что между ними существуют очень большие различия» [6, с. 31].

Показанная социальная «лестница» рас, естественно, отражает не только существовавшую в то время предвзятость к различным народам, но и непонимание своеобразия каждого народа в его развитии, несхожести мыслительного и чувственного аппарата, возникшей в силу особенностей исторического становления этносов. Нельзя забывать о том, что этнопсихология делала тогда лишь первые шаги, и понимающее проникновение в уникальность и специфичность этносов могло стать лишь следствием ее конкретных исследований.

Следует отметить, что западная наука впоследствии использовала идеи Г. Лебона для формулирования тезиса о национальной исключительности, стремясь противопоставить один народ другому, сделать упор на том, что их разделяет, а не на том, что сближает, тем самым оправдывая развязывание колониальных войн. Несмотря на его весомые научные заслуги, Г. Лебона на Западе открыто называют ярким последователем французского социального философа Ж. Гобино, считающегося основателем теории расизма. Став на такие позиции, западные исследователи долгое время игнорировали зарождавшийся уже в то время, а в современную эпоху ставший реальностью процесс сближения наций. Именно поэтому их внимание, как отмечал Э. А. Баграмов было направлено на отыскание несходства и даже «...противоположности народов, а не на исследование присущего каждой нации своеобразия в выражении общих для людей мыслей, чувств, переживаний, которое могло бы способствовать росту взаимопонимания народов». [2, с. 174]

Список использованной литературы

1. Актуальные проблемы этнической психологии. — Тверь, 2009. — 190 с.
2. Баграмов Э. А. Очерк теории социализма.— М.: Политиздат, 1989.— 463 с.
3. Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. — М.: Союз, 2008. — 220 с.
4. Вопросы этнической психологии. — Начальник, 2009. — 299 с.
5. Королев С. И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. — М.: Приор, 2010 — 404 с.
6. Лебон Г. Психология народов и масс. Книга 1.— СПб.: Макет, 1995. — 40 с.
7. Платонов Г. Ю. Этническая социальная психология. СПб.: Невка, 2008 — 290 с.

8. Солдатова Г. У. Современная зарубежная этнопсихология. — М.: Мысль, 2009 — 434 с.

9. Токарев С. А. История зарубежной этнографии. — М.: Прогресс, 2008. — 300 с.

10. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. — М.: Просвещение, 2007. — 300 с.

Эмпирический опыт изучения конфессиональных установок финно-угорских студентов

Погбаева А.,
студентка 4 курса специальности «Психология»
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Баляев С.И.,
кандидат психологических наук, доцент
кафедры общей психологии
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева,
(г. Саранск);

В поликультурном обществе возможно неоднозначное отношение членов одной социальной группы к представителям других национальных и религиозных групп. Бывает, что это приводит к созданию ситуации осложнения межэтнических и межконфессиональных отношений. Поскольку студенты традиционно считаются самой социально-активной частью общества, то мы считаем важным изучить особенности межконфессиональных установок именно этой категории молодежи. Объектом нашего эмпирического исследования явились: 60 студентов Мордовского университета (эрзяне, мокшане, татары, русские), 30 из которых — мусульмане, 30 — православные христиане. Эмпирическое исследование осуществлялось на основе комплекса методов: Диагностический тест отношений (ДТО), «Индекс толерантности», «Вопросник для измерения толерантности», «Шкала социальной дистанции», этнопсихологическая анкета.

Анализ результатов носил сравнительный характер и проводился по двум группам: православной, мусульманской. Дополняющий характер носило сравнение результатов исходя из этнической принадлежности респондентов. Диагностика конфессиональных автостереотипов и гетеростереотипов по методике ДТО позволила выявить четкое позитивное отношение к собственным этническому и конфессиональному статусам, но татарские респонденты проявили наибольшую приверженность образу типичного мусульманина, собственной этнической общности больше остальных. Оценка русскими и мордвой у «типичного» мусульманина таких пар качеств как «упрямый — настойчивый», «хитрый — находчивый», «общительный — навязчивый» носит выраженный негативный эмоциональный заряд. В сопоставлении с данными этнопсихологиче-

ского опросника можно говорить о наличии как у всех православных респондентов значительной степени предубежденности именно к мусульманам, высказывая наибольшую дистанцированность в оценках даже по сравнению с такими этноконфессиональными образами «типичный католик», «типичный протестант» и т. д.

В сопоставлении с данными этнопсихологического опросника практически не удается выявить сколько-нибудь устойчивых негативных характеристик, применяемых татарскими респондентами при описании «типичного» православного. В результате этноконфессиональном стереотипе православного отсутствуют качества, которые бы трактовались как предубеждения со стороны мусульманских респондентов к православным. Однако отрицательные качества проявляются при характеристике уже исключительно этнических образов «типичный русский», «типичный мордвин»: «ленивые», «легкомысленные» и т. д. В сравнении с вышеназванными гетеростереотипами оценка «типичных» католика, протестанта, буддиста и иудея татарскими респондентами практически в равной степени менее определена и менее положительно направлена, хотя говорить о негативности данных образов определенно нельзя. Здесь, вероятно, следует еще раз упомянуть слова П.Н. Шихирева о том, что «...не важно, истинно ли данное знание или ложно. Поскольку главное в стереотипе не сама истинность, а убежденность в ней... выраженность, интенсивность данного явления» [1]. Поиск «объективного» критерия истинности или ложности данных гетеростереотипов может быстро перерасти в чисто субъективный процесс, продукт умозрений, что недопустимо в подобного рода исследованиях.

Межконфессиональная толерантность-интолерантность оценивалась комплексно с помощью ряда показателей: характеристики гетеростереотипов, степень приемлемости представителей иноэтнических групп (по шкале социальной дистанции), индекс толерантности по соответствующей методике, а также по результатам анализа интолерантных ответов на вопросы этнопсихологической анкеты. Для преобладающей части русских и мордовских респондентов, как и следовало ожидать, «наиболее привлекательной религией» является их национальная религия — христианство; для абсолютного большинства татар — тоже национальная религия: ислам. 73 % опрошенных студентов демонстрируют большой диапазон умеренной толерантности. В одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность. Около 20 % опрошенных показали индекс высокой толерантности. Около 7 % показали наличие заметно низкого уровня толерантности, что в целом даже лучше общих показателей интолерантно настроенных граждан по России за последние годы.

Список использованной литературы

1. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. — М.: Наука, 1979.— С. 141.

Этнические особенности народов

Артюшкина Ю.А.,
магистр 1 года обучения специальности «Психология»
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Ханты и манси — коренные малочисленные народы Ханты-Мансийского автономного округа. Это два родственных народа. Этнонимы «ханты» и «манси» образованы от самоназвания народов хантэ, кантах и манси. В качестве официальных названий они были приняты после 1917 года, а в дореволюционной научной литературе и в документах царской администрации ханты называли остяками, а манси — вогулами, или вогуличами. Эти этнические имена предположительно означают «человек», «мужчина», «народ». Манси (вогулы) объективно относятся к генетически родственному народу ханты [2, с. 143].

Г. С. Дунин-Горкавич — исследователь начала XX века — так описывает ханты: «Остяки в массе отличаются добродушием, готовностью помочь каждому и строгою честностью. Они не питают друг к другу никакой вражды и живут миролюбиво. Нищенство остякам неизвестно: каждый бедный считает себя вправе прийти к более состоятельному и пользоваться у него пищею, в особенности после хорошего улова зверя или рыбы. Среди них существует даже род общественной благотворительности, в силу которой каждый престарелый и неспособный труду остяк, если он не имеет родственников, кормится поочередно родичами. Убийства среди остяков, в силу миролюбивости их характера, можно с уверенностью сказать, совсем не встречаются. Остяки привыкли уважать чужую собственность; поэтому воровство и обман среди них чрезвычайно редки» [4].

И. Г. Остроумов дает вогулам следующую характеристику: «По характеру своему вогулы народ миролюбивый, добросердечный и добродушный; взаимные отношения их в высшей степени хороши: они не знают, что такое, например, обман, кража, тем более убийство» [4].

Для обозначения ханты и манси как единого целого в научной литературе утвердился еще один термин — обские угры. Первая его часть указывает на основное место проживания, а вторая происходит от слова «Югра», «Югория». Так называлась в русских летописях XI — XV вв. территория на полярном Урале и в Западной Сибири, а также ее жители.

Языки ханты и манси лингвисты относят к угорским; в эту же группу входит родственный венгерский язык. Угорские языки входят в финно-угорскую группу уральской языковой семьи [1, с. 242].

Ханты и манси традиционно являлись полuosедлыми охотниками и рыбаками, кроме того, на севере занимались оленеводством, на юге — скотоводством. У охотников и рыбаков для каждого времени года имелось сезонное поселение и жилище. Типов жилищ было очень много, одни из них являлись вре-

менными, разборными, другие — постоянными. Разнообразны были хозяйственные постройки, бытовали культовые сооружения.

Предметы домашнего обихода изготавливали из местных материалов: дерево, береста, корень кедра и т. д.

Одежда ханты и манси существенно отличалась по группам: у северных преобладала глухая (без разреза, надеваемая через голову), у южных и восточных — распашная.

Семьи были большими (из нескольких брачных пар) и малыми (из одной пары), брак патрилокальный (от лат. *pater* — отец, *locus* — место), когда жена уходила в группу мужа. Сохранялись и явления пережиточной матрилокальности (от лат. *mater* — мать, *locus* — место), когда муж мог жить в семье жены [3, с. 224].

Финно-угорские народы (финно-угры) — группа народов, говорящих на финно-угорских языках, живущих чересполосно в Западной Сибири, Центральной и Восточной Европе.

Все финно-угорские народы являются коренными на своих территориях. Финно-угорские народы разделены на две группы: финскую и угорскую [14].

Финская группа включает в себя следующие подгруппы:

— прибалтийско-финская (финны, эстонцы, карелы, вепсы, ижорцы, ливы, водь);

— волжско-пермская (мордва: эрзяне и мокшане, марийцы, удмурты, бещермяне, коми (коми-зыряне), коми-ижемцы, коми-пермяки, коми-язьвинцы);

— саамская подгруппа (саамы).

Угорская группа включает дунайскую (венгры, секеи, чангоши, магьяры, ясы) и обскую (ханты, манси) подгруппы.

Финно-угров по всему свету объединяет общая материальная и духовная культура. Все настоящие финно-угры живут в гармонии с природой, с окружающим их миром и с соседними народами. Только финно-угорские народы и в начале третьего тысячелетия сохранили в Европе в наиболее полном объеме традиционную культуру. В отличие от многих народов, финно-угорские стараются сохранить в своей культуре как можно больше обычаев и традиций, включая и заимствованные.

Список использованной литературы

1. Гурвич И. С. Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / И. С. Гурвич. — М.: Наука, 1980. — 239 с.
2. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири / Б. О. Долгих. — М.: Наука, 1990. — 284 с.
3. Ильина И. В. Ребенок в традиционной культуре юганских хантов / И. В. Ильина, Е. П. Мартынова // Народы Сибири. — 1997. — Кн. 3. — С. 224—243.
4. Официальный веб-сайт органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [Электронный ресурс]: История и расселение коренных малочисленных народов Севера. — Режим доступа: <http://www.adhmao.ru/people/frame.htm>

ГЛАВА 2. ПРИКЛАДНЫЕ КОМПОНЕНТЫ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Использование воспитательного потенциала этнопедагогике мордвы в современной практике формирования толерантности

Беляева Н.Ф.,
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой всеобщей истории
Мордовского государственного педагогического института
им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск)

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009—2010 годы)» «Научно-методическое обеспечение профилактики экстремизма и ксенофобии в системе российского образования».

Воспитание гражданственности, патриотизма в органичном единстве с гуманистическими ценностями и утверждением толерантности является одним из основополагающих принципов современного мира. Понятие «толерантность» имеет два важнейших измерения: устойчивость и терпимость. Как терпимость она характеризует отношение людей друг к другу, проявляясь в смирении или принятии. Культура терпения и согласия начинается с отношения человека к себе, своему ближайшему окружению. Одной из форм толерантности является возрастная толерантность, предусматривающая уважительное, терпимое отношение к представителям иной возрастной категории, прежде всего лицам пожилого и старшего возраста, как со стороны общества, так и со стороны молодого поколения. Взаимоотношения с представителями разных возрастных групп, носителями иных идеалов и ценностей всегда были значимыми, поскольку вне системы поколений общественная жизнь невозможна. Общеизвестно, что о моральных принципах и целях общества судят по положению пожилых людей, по отношению к ним со стороны молодого поколения. Данная проблема особенно актуальна в современных условиях, так как городское и сельское население вступило в состояние демографической старости. По предварительным данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в сельской местности число людей старше трудоспособного возраста составляет от 70 до 80 %. Рост численности людей этой категории нередко вызывает нарекания со стороны младшего поколения.

Исходя из этого, формирование критериев толерантности предполагает уважительное, терпеливое отношение к старшим. Массу примеров толерантности к старости и старикам демонстрируют народные традиции воспитания мордвы. В традиционном мировоззрении издавна сложились представления о высоком социальном статусе старшего поколения. Это нашло отражение в уст-

но-поэтическом творчестве, социальной культуре, менталитете. Лица пожилого возраста являлись главами семейств, владельцами собственности. Лишить власти главу фактически не мог никто, так как такой поступок рассматривался бы как покушение на священные воззрения и убеждения народа.

Только в крайнем случае, с согласия семейного совета и общины, можно было отстранить его от дел. В нравственном отношении старшее поколение руководствовалось правилом: «воли не давать, бесчинства не допускать» [1, с. 129].

В традиционном быту старшее поколение выполняло различные функции, в том числе функцию носителей и хранителей народных традиций. Сама народная культура — есть преемственность, которая накоплена веками и передается из поколения в поколение. Поэтому культура будет существовать до тех пор, пока есть те, кто сохраняет и передает, и те, кто воспринимает эту культуру. Важная роль отводилась старшему поколению в формировании нравственных устоев. Совет стариков фактически выражал общественное мнение. Их суду доверяли решать многие семейно-бытовые и хозяйственные дела. Старшее поколение отвечало за нравственное поведение членов семьи, односельчан. Они имели право наказывать детей, которые не повинуются родителям, увещевать мужа за непристойное поведение. К ним обращались за защитой от напрасно возведенного обвинения. В обряде, призванном демонстрировать единство коллектива, главная роль принадлежала старшему поколению. В народном мировоззрении старикам приписывались также мистические свойства, посредничества между людьми и богами. Эти взгляды ярко проявлялись в различных мордовских озксах — молениях. В народном мировоззрении старшее поколение воплощало также культ предков. История основания многих мордовских поселений связана с именами предков. Все это обуславливало высокое положение и авторитет старых людей, гарантировало уважение и почет. В практической жизни старшее поколение составляло тот слой, на который опиралось общество. Во многих случаях оно осуществляло хозяйственную, природоохранительную деятельность, направленную на восстановление природных ресурсов на уровне их простого воспроизводства, в частности, выступало инициатором проведения обряда по ограничению использования лесных ресурсов, речной фауны. Согласно обычаю, сельские старики решали на сколько лет «закрыть лес», запретить рыбную ловлю. Они же назначали меру наказания для нарушителей. Обычай «заповедных лет», «заповедных мер» сводился к тому, что старики с иконами обходили предназначенные для запрета объекты и накладывали вето на пользование лесными и речными дарами. С этого момента никто из жителей не имел права унести даже вязанку дров [2, с. 169]. По решению стариков крестьянские дворы обязаны были соблюдать принятую систему хозяйствования: время пахоты, посева, жатвы. Путешествуя по Мордовскому краю, А. Гастгаузен писал: «... между крестьянами царствует величайший порядок, в один и тот же день, в один час все вместе выходят пахать, боронить, в один и тот же час возвращаются домой» [3, с. 89]. Общепринятые нормы и стереотипы вынуждали хозяев соизмерять свои действия с возможной реакцией со стороны старшего поколения.

Народная этика в отношении окружающей природы содействовала сохранности флоры и фауны Мордовского края. Отдавая дань уважения экологической культуре народов Поволжья, П. И. Мельников писал: «В старые годы на Горах росли леса кондовые, досель они уцелели лишь по тем местам, где чуваша, черемисы, да мордва живет...» [4, с. 34]. Многие традиционные природоохранительные функции нашли отражение в народных пословицах и поговорках.

Одна из важнейших функций старшего поколения — передача нравственного опыта младшему поколению. Именно от них дети получали первые уроки духовности, общения со взрослыми, родителями, односельчанами. Благодаря им уже с 5-7 лет они знали правила обращения к старшим, родственникам. Старшее поколение имело право пресекать шалости детей по отношению к старшим, за непочтительность. Обычай допускал вразумить и даже наказывать чужих детей за безнравственные поступки. Народный взгляд об уважительном отношении к старшим распространялся не только на детей, но и на взрослых. В большинстве своем обучение толерантности шло не столько через усвоение азов нравственности, сколько через овладение обрядом, участвуя в празднично-обрядовой жизни.

Сложившиеся в мировоззрении мордвы представления о роли старшего поколения легли в основу нравственного воспитания молодого поколения, которая сводилась к безусловному уважению и почитанию на протяжении всей их жизни. Сами бытовые ежедневные традиции, нормы поведения жителей села утверждали иерархию взаимоотношений между старшими и младшими, обязанности и долг каждого от мала до велика. Многие благопожелания, адресованные новорожденному, содержали просьбу быть опорой не только для отца и матери, но и почитать, оказывать помощь старшим. Наличие этих качеств являлось важным критерием при выборе брачного партнера. В свадебных обрядах, восхваляя достоинство молодой, отмечали ее кроткий нрав, умение угождать старшим. В числе требований, предъявляемых к невесте, учитывались не только ее умение ткать, вышивать, прясть, но и:

*Всем послушной быть,
Ласковые слова говорить,
Входящего в дом встречать,
Уходящего провожать* [5, с. 127].

В мордовском быту существовала масса слов для обозначения степени родства, родственных связей, отношения к старшим. В названиях отражается взаимное отношение членов семьи, место в семейной иерархии, статус каждого. Поистине надо было долго жить среди мокши и эрзи, чтобы привыкнуть к бесчисленному количеству разных наименований, которые они давали друг другу. Строго соблюдались обычаи приличия при обращении, так как замена одного обращения другим, менее почетным, влекла за собой часто большие семейные неудовольствия [6, с. 156]. Это объяснялось тем, что у мордвы вплоть до начала XX в. бытовали большие семьи, число членов которых доходило до нескольких десятков человек. Система терминов родства как раз и соответствовала состоянию и внутрисемейным отношениям в такой семье, в которой царил культ

старшинства. С распадом больших семей терминология родства распространялась на других родственников.

Ребенка с малолетства учили разбираться в сложной иерархии родственных отношений, осознавать свое место в ней. Огромная заслуга в этом старшего поколения. Оно выступало как живое воплощение прошлого и образец будущего, являясь также главным хранителем социального опыта, знатоком по самым разным вопросам. В мордовском быту сочетание «ребенок и бабушка (дедушка)» были нормой. Что и говорить, дети, в основном, вырастали на бабушкиных руках. Она и воспитывала, и учила, и наставляла, и лечила, сеяла добро. Бабушки и дедушки были хранителями семейных преданий и легенд. В сознании многих поколений самое доброе, светлое в жизни связывается со старшим поколением. Поэтому, наверное, не было нелюбимых бабушек и дедушек. Народная мудрость утверждала: «Для внука дедушка — ум, для дедушки внук — дело» [7, с. 43]. Совершенно естественным было требование уважительного и почтительного отношения к старшим. По воззрениям, им свыше предначертано приношение жертвы за благосостояние семьи, дома, хозяйства, они являются заступниками перед Богом и передатчиками его воли. Молодое поколение обязано было не только почитать всех живущих в доме старых людей, но и заботиться о них. По традиции, если у кого-нибудь из престарелых людей не было своих детей, то они находили приют у родственников и жили на полном их иждивении как члены семьи. Широкое распространение имел обычай брать к себе на содержание престарелых одиноких людей, состоящих в очень дальних родственных связях. Судя по многочисленным письменным сообщениям, не было случая, чтобы мордвин не нашел своевременной поддержки и содержания у своих родственников или односельчан.

Существенную роль во взаимоотношениях между поколениями играли различные формы взаимопомощи. Моральным долгом считалось оказать добровольную помощь престарелым в уборке жилья, посадке и уборке картофеля, подготовке топлива на зиму, стирке белья и т. п. До настоящего времени в селах сохраняется обычай угощения старых людей.

Почтительное отношение к старшему поколению выражалось в соблюдении похоронно-поминальных обрядов. Согласно обычаю, умерших следовало похоронить и поминать с почетом, следуя установленным традициям. Считалось, что в случае нарушения этой заповеди, духи умерших будут мстить, карать виновных. По этому поводу в народном быту сохранилось немало преданий.

Следует подчеркнуть, что взаимоотношения с представителями старшего поколения отличались простотой и естественностью. Публичность деревенских отношений, сила общественного мнения обуславливали ответственность старших за поступки детей, а также обязанности молодого поколения по отношению к старшим. Процессы модернизации вносили свои коррективы в отношения поколений, но в целом, до середины XX столетия они сохраняли свои традиционные принципы.

Таким образом, народные традиции нравственного воспитания мордвы имеют колоссальный ресурс возрастной толерантности, который должен быть

использован в современной практике при выработке стратегии гармоничного сосуществования различных групп и поколений. В настоящее время происходят существенные изменения в социально-культурной динамике. Современные этносы и нации, имеющие ярко выраженную традиционную культуру, ощущают жесткую экспансию со стороны общепланетарного информационного пространства и унифицированной материальной цивилизации Европы и Америки. Унификация образа жизни и картин мира несет опасность понижения уровня культурного разнообразия человечества. Открываясь миру, мы надеялись приобщиться к мировой культуре, мировой цивилизации, и в то же время представить миру свою культуру, свои ценности. Однако, вместе с этим, с Запада хлынула и другая культура, не имеющая ничего общего с настоящей культурой. В условиях глобализации этническая культура выступает как средство сохранения себя, своей неповторимости. Любая культура проявляет себя через другую культуру, сравнивая себя с другими, при этом она вступает в культурный диалог. Реакция молодого поколения на новые обстоятельства жизни все чаще выражается в форме отказа от устоявшихся норм в угоду новым, зачастую прямо противоположным по своей сущности и далеко не всегда обеспечивающим успешную деятельность в современной ситуации. Исходя из этого, девиантное поведение, в том числе и по отношению к старшему поколению, становится нормой. Стремление к самоутверждению, свойственному молодому поколению, выражается в поиске одобряемых действий, а современная информационная среда, широкое распространение антиценностей дает основание им считать девиантное поведение наиболее эффективным методом самопозиционирования. Учитывая вышеуказанные тенденции, современные идеологические установки, ориентируясь на общечеловеческие ценности, должны использовать опыт прошлого и взять на вооружение все позитивное, способствующее духовно-нравственному воспитанию молодого поколения.

Список использованной литературы

1. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. / В. Н. Майнов. — Спб. — 1885. — С. 129.
2. Мордва. Историко-этнографические очерки. — Саранск: Морд. кн. изд-во. — 1981. — С. 169.
3. Гастгаузен А. Исследование внутренних отношений крестьянской жизни и особенности сельских учреждений. / А. Гастгаузен — М., 1970. — С. 89.
4. Мельников И. П. На горах. / И. П. Мельников. — М. — 1956. — Т. 1. — С. 34.
5. Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. / К. Т. Самородов. — Саранск: Морд. кн. изд-во. — 1980. — С. 127.
6. Майнов В. Н. Указ. раб. — С. 16, 156.
7. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. — Саранск: Морд. кн. изд-во. — 1986. — С. 43.

Традиции экологического воспитания мордвы

Корнишина Г.А.,
доктор исторических наук, профессор
кафедры новейшей истории народов России
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Работа публикуется в рамках РГНФ № 11-11-13010 а/В «Исследование человеческой обыденности сельской Мордовии начала XXI в. в историко-культурном, этническом, социально-политическом и конфессиональном контекстах».

Культура повседневности объединяет базовые ценности этноса, его образ жизни, привычки, стереотипы сознания и поведения, в том числе и по отношению к окружающей среде. В настоящее время, когда обострились проблемы, связанные с экологией человека и охраной природы, весьма актуальным становится создание этнически ориентированных воспитательных систем, включающих народный опыт природопользования.

Исследование подобных традиционных систем воспитания у различных этносов, включая и мордву, показывает, что они составляли один из важных элементов мировосприятия этнофоров в конкретном пространстве повседневного культурного комплекса. Экологическая составляющая данного комплекса проявлялась в оптимальных способах внутренней организации мордовской общины, позволяющих обеспечить равновесие с природой. Это достигалось с помощью различных средств. Их первую группу составляет набор социальных институтов, оформляющих наиболее общие виды социальных отношений, образующие структурный «остов» общественной системы (институты разделения труда, собственности, родства, брака, общественного управления и т. п.). Все эти институциональные механизмы культуры адресованы не индивидам как таковым, а социальным группам. В их задачу входит организация внутрigrупповых связей, поэтому они ограничены в своих регулятивных возможностях сферой внешних условий и внешних, поведенческих проявлений человеческой деятельности, непосредственно не затрагивая область ее мотиваций.

Именно в этом институциональные средства существенно отличаются от другой группы средств, которую можно условно обозначить как гуманитарные средства. Последние направлены именно на формирование определенных социально-целесообразных мотиваций деятельности людей и, следовательно, непосредственным объектом своего регулятивного воздействия имеют сферу человеческого сознания. Речь идет о комплексе разнообразных нормативно-ценностных и мировоззренческих идей и представлений этического, религиозного, этикетного, эстетического и пр. порядка. Речь идет также о комплексе механизмов, образующих характерные для той или иной этнокультурной общности способы (технологии) внедрения указанных духовных образований из фон-

да коллективного сознания в фонд сознания индивидов (технология обучения, воспитания, просвещения, социального контроля, социализации и т. п.).

Функции всех вышеописанных средств поддержания эколого-демографического равновесия между ресурсами территории и воспроизводством на ней жизни и жизнедеятельности, в конечном счете, актуализируются через идентификационные характеристики, т. е. осознание единства этноса (или его отдельных групп) как социально-территориальной общности. Кроме того, с процессом самоидентификации связано формирование относительно стабильных стереотипов поведения (хозяйственных, социальных, этнических, конфессиональных), что, в конечном счете, обуславливает и формирование механизмов приспособления этносов или их отдельных групп к определенным природным условиям. Процесс выявления этих механизмов и их влияния на окружающую среду, можно рассматривать в различных аспектах, в том числе и с точки зрения «духовной» адаптации этноса к окружающей среде.

В этом отношении большой интерес представляет система педагогических взглядов, а также тип экологического сознания и поведения мордовского народа, которые обусловлены рядом факторов, определивших национально-психологические особенности представителей данной этнической общности.

Важным моментом, обусловившим развитие эколого-нравственных представлений мордвы, были ландшафтные особенности ее этнической территории, располагавшейся в лесном крае. Обширные пространства Волго-Очья были почти сплошь покрыты хвойно-широколиственными лесами, которые пересекали изобиловавшие рыбой реки Волга, Ока, Мокша, Цна, Сура, Пьяна, Алатырь, Исса и др. [2, с. 33, 49]. Эта среда наложила свой отпечаток на хозяйство, культуру и быт, этническую историю и этнопсихологию мордвы, ее представления о родной земле (чачома мастор, касома мастор). А гидроним Мокша стал даже этнонимом, обозначавшим одно из этнических образований, объединенных в этноструктуре мордвы.

Образ жизни мордвина, родившегося и выросшего в крае первозданной природы, во многом обуславливал характер и специфику его духовных ориентаций и устремлений. Мордовский народ выработал экологически оптимальные способы самоорганизации хозяйства, позволяющие обеспечивать равновесие с природой, поддерживать телесно-духовную целостность. Сложившийся уклад его жизни по отношению к миру, окружающей среде был ориентирован не на модель господства и подчинения, а на нравственную ответственность перед собой и миром. Отсюда вытекает и традиционное мировосприятие: все, что окружает человека — растения, животные, люди — создание единой природы, в которой все находятся в постоянном взаимодействии. Это не механический набор явлений, а естественная система, способствующая достижению гармонии в отношениях человека и природы, способ его бытия. основополагающие элементы этой системы заложены в мифологических представлениях, обрядах и этических нормах мордвы. Именно они регулировали взаимоотношения человека и природной среды.

Огромный пласт правил социального и нравственного поведения личности, обуславливающих ее существование в окружающем мире, связан с сакра-

лизацией природных факторов (огня, воды, растительности и др.). Это отражалось в древнейших народных верованиях, в частности поклонении божествам, олицетворяющим ту или иную силу природы (Ведь-ава — воду, Вирь-ава — лес, Матор-ава — землю, Варма-ава — ветер, Тол-ава — огонь и т. д.). Являясь одной из необходимых ступеней в духовном освоении людьми окружающей природы, дохристианские верования мордвы отражают идею упорядочения и гармонизации отношений между человеком и природой. Они предполагают внедрение человека в мир природы, исходя из признания природы живой субстанцией, где человек является таким же необходимым ее звеном, как и все другие ее составляющие. Будучи мировоззрением, определяющим отношение людей к природе, эти верования понимают подобные отношения, как отношения с ее сверхъестественными силами. Вследствие этого, явления природы предстают как сакральные объекты, обеспечивающие установленный порядок в мире и космосе.

Примером подобного почитания стихий является преклонение перед водной стихией и ее покровителями Ведь авой и Ведь атей. К ним обращались с просьбами вовремя послать дождь, даровать плодородие полям, людям и скоту, избавить от болезней. Под воздействием подобного уважительного отношения, как к самой водной субстанции, так и к водяным божествам постепенно сформировалась цельная система общепринятых норм поведения (табу). Главенствующее положение в ней занимало почитание водных источников. Наиболее тщательно согласно правилам этносоциальной регламентации охранялись родники, так как они давали «жизнь» другим природным водоемам. Например, большим грехом считалось их загрязнение, так как, по мнению народа, весь этот мусор может проникнуть в реки, озера и т.д. За это водяных боги могли наслать на людей различные несчастья, например длительную засуху. Поэтому раньше в определенное время, обычно перед Троицей, проводили их очищение, обновление срубов (там, где они были). Совершалась эта процедура и во время засухи. Когда очищали родник, «будили» Ведь аву и просили ее: «Не пугайся, кормилица, земля горит, создай дождь» [6, с. 57].

Согласно народным поверьям, родники и колодцы могли потерять свой сакральный потенциал и в том случае, если из них поить животных, а тем более — купать их там. Также не разрешалось стирать в них белье, в этом случае источник мог не только лишиться своей целебной силы, но и полностью иссякнуть.

После укрепления в быту мордвы православия церковь объявила многие почитаемые источники святыми, чудодейственными. Возле них начали возводить часовни, ставить кресты. Такое явление наблюдается и в настоящее время.

Большое значение в процессе формирования экологической культуры личности имело устно-поэтическое творчество, в котором отражена взаимосвязь между окружающей средой и национальным характером народа, нравственные представления наших предков об отношении к миру природы.

Первоначальное знакомство детей с окружающим миром, с повадками животных и птиц, признаками растений осуществлялось через колыбельные песни, потешки, прибаутки: «От чего тетушка зайныка ушки твои коротки, глаз-

ки твои косят, хвостик твой короток?» [10, с. 372] Широкое распространение в детском фольклоре мордовского народа нашли заклички, приговорки, обращенные к различным явлениям природы (солнцу, дождю, ветру), птицам, насекомым. Их лексика отражает то, что окружает детей, что соответствует их интересам и уровню понимания.

Следующим этапом приобщения подрастающего поколения к знаниям природоведческого характера было изучение пословиц, поговорок, загадок, в которых отражено мудрое, бережное отношение народа к богатствам природы, знание сложных явлений окружающего мира. Их по праву можно назвать эффективным средством экологического воспитания. Народные загадки, пословицы, поговорки являются своеобразной системой знаний о природе, ее явлениях, например: «Глубже вспашешь — больше хлеба соберешь», «Снег на поле удержишь — большой урожай соберешь», «В мае пар вспашешь — нужды не узнаешь» [7, с. 93—94].

Народная мудрость, наблюдательность проявляются в народных приметах. Интерес к наблюдениям за погодой прививали детям с раннего возраста. Дети учились определять изменения погоды по ряду признаков: по движению туч, поведению насекомых, птиц, животных. Мордовские дети знали, что «если молодой месяц лежит — будет ненастье, а если стоит как серп — будет ясная погода», «осень короткая — зима будет долгая», «если кукование кукушки слышится с востока — будет богатый урожай» [3, с. 140].

Очень важным средством в воспитательном процессе была сказка, которая сопровождала человека от рождения до глубокой старости. Природоведческая тематика характерна, прежде всего, для сказок о животных. Многие из них с точки зрения современности являются экологическими: «Якай, покай нумолнясь» («Ходит-бродит зайчик»), «Шавача» («Сойка»), «Мексь кавалось ды саразонь аволь дружнат» («Почему коршун и курица в ссоре»), В сказках можно найти не только объяснение явлений природы, яркие запоминающиеся образы, но и фрагменты пищевых цепочек, элементы сложных природных взаимосвязей типа «хищник — жертва», описания картин природы конкретной местности, с характерным растительным и животным миром, представление о происхождении отдельных видов растений и животных, повадках зверей, птиц («Канюк», «Как появилась гусыня», «Как кошка с собакой стали враждовать»).

В мифологических и обрядовых произведениях мордвы также были заложены основы традиционных норм природопользования, принцип рационального применения природных богатств. Для того чтобы ловить лишь определенное количество рыбы, необходимое для удовлетворения нужд семьи, перед началом лова рыбаки заключали своеобразный договор с покровителями водной стихии посредством сакрального заговора:

*Хозяйка воды — Ведь ава,
Покровитель воды — Ведь атя,
Богине воды поклонюсь,
У бога воды попрошу,
Много рыбы не попрошу,
Много рыбы не требую,*

*Прошу сколько донесу,
Прошу сколько могу поймать,
Чтоб хватило имя ваше помянуть,
Голод утолить!* [8, с. 107]

В случае нарушения такого договора, т.е. если улов рыбака превышал допустимые нормы или он ловил рыбу в запретное время (например, в период нереста), «хозяева» воды были вправе наказать его: наслать болезнь, лишить удачи во время рыбной ловли или вообще утопить.

Данная ситуация отражена во многих мифологических песнях. В них древняя мордовская богиня воды выступает в качестве охранительницы не только своего богатства — рыбы, но рыбы — тотема, запретного в определенное время для ловли животного — олицетворения всего человеческого рода. Рыболов наказывается, прежде всего, как нарушитель, как человек, рискнувший идти против традиционно сложившегося почитания тотема и даже в какой-то мере против почитания Ведь авы, которой он должен подчиняться.

Заповедными породами рыб считались наиболее ценные породы — севрюга, белуга, осетр. Именно они в мифологии мордвы считались той опорой, на которой якобы держится земля:

*Что держит землю,
Что несет землю!
Землю держат три рыбы,
Землю несут три рыбы...
Ух, первую рыбу зовут севрюга,
Вторую рыбу зовут белуга,
Ой, да третью осетр.
Парень молодой черный,
Молодой добрый господин
Думает эту рыбу поймать,
Думает эту рыбу изловить* [4, с. 236].

Эти рыбы — тотемы должны оставаться для рыбаков запретными. Но так как герой намерен ловить эту запретную рыбу, то, естественно, он должен быть наказан или самой рыбой, или Ведь авой, в хозяйстве которой рыба и находится. Более того, Ведь ава часто сама выступает в образе рыбы, которая наказывает рыбака.

Таким образом, с помощью мифологии и определенных обрядовых действий в сознании людей закреплялись мировоззренческие и поведенческие стереотипы паритетного отношения человека к окружающей природе.

Огромный пласт правил социального поведения по отношению к различным объектам природы заключен и в обрядовых церемониях. Во время обрядов и праздников мордвы бытовало множество действий адресованных как абиотическим (вода, атмосфера, погодные явления), так и биотическим (человек, животные, растения) сферам окружающего мира. Часто участники ритуалов обращались сразу ко всем природным силам в совокупности. При этом они хотели символически соединиться с природой и с помощью нее получить жизненную энергию (то есть здоровье и плодовитость) для людей, скота, земли, а также из-

бежать опасности от чуждых сил. Обряды не только формировали традиции, но и способствовали приобщению к ним молодого поколения.

Дети, и подростки были непременными зрителями всех обрядов взрослых, перенимая знания и традиции экологического характера, этические нормы поведения в окружающей среде, определенные сакральные умения и навыки, необходимые для дальнейшего участия в обрядовых церемониях направленных на «общение» с божествами-покровителями природных стихий.

Как правило, дети выполняли в основном «подсобные» роли во взрослых обрядах. Они собирали продукты и вещи, необходимые для проведения ритуала (сбор дров, старых вещей, хлама для рождественских и масленичных костров). Часто использовались дети и для оповещения участников какой-либо церемонии. Но в некоторых обрядах дети и подростки выполняли и самостоятельные ритуальные функции. Это касается обхода домов на Рождество, Новый год и Масленицу. Эти праздники ассоциировались со временем «рождения» (нового года, весны), то есть были генетически связаны с различными молодыми группами, несущими идею обновления. Во время колядования мальчики совершали обряд «посевания», который был своеобразной имитацией весеннего сева. Вероятно, этот обычай был связан с поверьем о том, что удачный сев зависит от невинности сеяльщика. Недаром у многих европейских народов первую горсть в землю кидал мальчик или старик [1, с. 166—169]. Сходный ритуал совершал старший ребенок в семье, когда все семейные обходили дом и двор на Новый год: он осыпал зерном камень кардо-сярко, хлева, сельскохозяйственные орудия [5, с. 104]. На Масленицу ритуальный обход односельчан совершали девочки, исполнявшие при этом величально-поздравительные песни в честь хозяев. Дети также были основными участниками обряда «призыва» птиц. Они поднимались на крыши домов с лепешками в виде жаворонков, ласточек, сорок и исполняли там заклички-веснянки, в которых просили птиц поскорее прилететь и принести с собой весну:

*Жаворонки услышьте нас,
Скорее заметьте нас!
Скорее прилетите.
Весеннее тепло принесите.
Нам зима уже надоела,
Все запасы хлеба съела.
Зимняя одежда износилась.
О вас мы соскучились.
Жаворонки, сюда прилетите,
Здесь гнезда свои свейте.
Много яиц насидите,
Много птенцов вырастите* [9, с. 76].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что накопленный народом опыт по воспитанию бережного отношения к родной земле и природе, гуманного отношения к растительному и животному миру, содержится в традициях народной культуры, в том числе и системе воспитания подрастающего поколения. Очевидно, возможно классифицировать их по двум направлениям:

1) утраченные в процессе исторического и социального развития общества — обряды, связанные с преклонением перед «силами природы», с поклонением родным местам, традиционный опыт природопользования;

2) частично сохранившиеся до настоящего времени — обряды, связанные с соблюдением экологической целостности животного и растительного мира, элементы традиционных календарных праздников, произведения устно-поэтического творчества, народные игры. Рациональное использование последних в реальной жизни имеет большое практическое значение. Их доступность для восприятия, яркая художественно-образная национальная форма пробуждают интерес, целенаправленно воздействуют на сознание подрастающего поколения.

Представляется логичным и целесообразным введение традиционных знаний мордвы о природе, средств народной педагогики мордвы в практику экологического воспитания детей и подростков в современных условиях. При этом необходимо учитывать, что методы, приемы, средства экологического воспитания в повседневной культуре мордвы основываются на актуализации новых знаний о природе, ее явлениях, животном и растительном мире, что обогащает сознание растущего человека новыми сведениями и фактами об окружающей действительности. Формирование рационального экологического поведения ребенка должно иметь целью привития ему обыкновений бережного отношения к природной среде. При этом многие приемы воспитания можно позаимствовать из этнопедагогического наследия мордвы и особенно его основную идею — неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости человека и окружающего мира. Ее необходимо творчески использовать и внедрять в современной педагогической практике.

Список использованной литературы

1. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX века / Т. А. Бернштам. — Л. : Наука, 1988. — С. 166, 169.

2. Горцев В. И. География Мордовской АССР / В. И. Горцев. — Саранск: Морд. кн. изд-во, 1970. — С. 33, 49.

3. Девяткина Т. П. Мифология мордвы / Т. П. Девяткина. — Саранск, 1998. — С. 140.

4. Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня / А. И. Маскаев. — Саранск: Морд. кн. изд-во, 1964. — С. 236.

5. Мельников П. И. Очерки мордвы / П. И. Мельников (Андрей Печерский). — Саранск : Морд. кн. изд-во, 1981. — С. 104.

6. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Историко-этнографические очерки / Н. Ф. Мокшин. — Саранск : Морд. кн. изд-во, 1998. — С. 57.

7. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Пословицы, приговорья и поговорки. — Т.4. — Кн.1. — Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. С. 93, 94.

8. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Календарно-обрядовые песни и заговоры. — Саранск : Морд. кн. изд-во, 1981. — Т. 7, ч. 3. — С. 107.

9. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Указ. т. — С. 76.

10. Чувашев М. И. Духовное наследие народов Поволжья: Антология / М. И. Чувашев, И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев и др. — Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. — С. 372.

Роль этнокультурного наследия в формировании будущего учителя

Лукьянова Е.Н.

Ичалковский училище-колледж им. С. М. Кирова

Образование в современном мире становится все более функциональным по своей сути. При любом подходе к образованию конечный результат должен быть обращен к главной цели — гуманизации всего общества, что в современном социуме, безусловно, возможно только через возрождение этнокультуры в системе образования вообще и гуманитарного образования в частности.

Современная образовательная деятельность невозможна без создания в ней условий для формирования, становления, развития, воспитания и социализации человека культуры, способного приобщаться к традициям и ценностям предков, стремящегося сохранить свою самобытность, уникальную этнокультуру. Основанием для этого является Декларация прав ребенка, выдвигающая в качестве обязательного условия воспитания уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностным ориентациям страны, в которой ребенок проживает.

Важно акцентировать внимание на формировании у подрастающего поколения чувства российской самоидентичности и самосознания, поликультурного мышления и толерантности, гражданственности и патриотизма, духовности и нравственности.

В этой связи сегодня в отечественной педагогической науке наблюдается неуклонная тенденция повышения интереса к народной педагогике с ее богатым опытом формирования, развития, воспитания и социализации, что связано с расширением и углублением исторически сложившихся межкультурных связей многонациональной России.

Повышенный интерес к исследованию этнопедагогических проблем объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, современная экономическая политика наряду с позитивными шагами, связанными с возрождением таких некогда забытых понятий, как предприимчивость, инициативность (внутреннее побуждение к новым формам деятельности) заметно отдалило от себя духовные ценности; во-вторых, кардинальные преобразования на пути демократизации и гуманизации образования предполагают возрождение самобытных культур народов России и финно-угорских народов в том числе, которые являются одним из средств стабилизации общественной жизни и обогащения педа-

гогической науки; в-третьих, в условиях резкого обострения социально-экономических и политических противоречий, межэтнических конфликтов этнокультурные ценности являются духовно-нравственным основанием для vivания личности.

Вхождение личности в мировую культуру через национальную, этническую, осознание себя в качестве объекта и субъекта культуры, и истории в большей степени происходит в подростковом возрасте.

В нашем колледже обучаются в основном учащиеся, поступившие после 9 класса, именно этот возраст является благоприятным для формирования национального самосознания.

Без знания пошлого нельзя понять настоящее. Поэтому ни один человек не может считаться образованным без знания истории своей страны, своего народа.

Духовное и нравственное формирование личности проходит в процессе предметно-практической деятельности и условиях норм социально-этнических отношений. Эти нормы четко зафиксированы в народных традициях, нравственных проповедях религиозной культуры. Являясь неотъемлемым элементом этнического сознания, они выступают как коллективная память. Такой памятью являются, прежде всего, духовно-нравственные и материальные ценности этноса, устные и письменные произведения народного творчества, художественно-прикладное искусство [1].

Уникальными возможностями по расширению знаний о культуре, быте народов, формированию взаимной толерантности, на наш взгляд, обладает система образования в целом и воспитания в частности. Чтобы познать другую культуру, приобщиться к общечеловеческим ценностям, необходимо знать свою. Классик педагогической науки К.Д. Ушинский отмечал: «Воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным, должно быть пронизано народностью» [2]. Восстановление национальных традиций, любовь к своему народу, языку, культуре, общечеловеческим ценностям невозможно без специальной подготовки учителя, поэтому в настоящее время все больше и больше возрастает необходимость изучения истоков этнокультурного наследия студентов педагогического колледжа. От того, каким багажом знаний, навыков и умений обладают студенты колледжа, какими духовно-нравственными ценностями начинающие педагоги выйдут из стен нашего учебного заведения, чему они смогут научить и воспитать подрастающее поколение, зависит не только будущее школы, но и будущее страны. Это значит, что сам выпускник педагогического учебного заведения должен обладать такими качествами, как толерантность, милосердие, миролюбие, умением понять другого. В нашем педагогическом колледже большое значение отводится роли этнокультурного наследия в формировании будущего учителя, и эта работа ведется по нескольким направлениям:

- введение учебных предметов и создание рабочих программ, направленных на изучение студентами истории, культуры и природы родного края;
- подготовка факультативных курсов краеведческого содержания, разно-сторонне отражающих специфику республики;
- включение во внеклассную работу кружков, секций и мероприятий с содержанием национального компонента;

— отражение национально-регионального компонента в тематике курсовых и дипломных проектов.

Целью этнокультурной подготовки является не только приобщение студентов к педагогическому наследию народа, но самое главное, умению эффективно использовать эти знания и навыки в своей профессиональной деятельности. В связи с этим преподаватели колледжа разработали ряд программ по изучению мордовского края: «История Мордовии», «Родная литература», «Родная детская литература», «Родной язык», «Методика преподавания родного языка», «Народные промыслы», «Резьба по дереву» и ряд других.

Чтобы лучше привить студентам этнопедагогические ценности, по всем предметам вводятся темы национально — регионального компонента. Например, по педагогике изучается тема: «Образование в Мордовии», «Мордовские игры в народной педагогике и психологии», в рамках «Декоративно-прикладного искусства» развернута программа «Мордовский орнамент», по физической культуре «Спортсмены Мордовии», на занятиях по методике музыкального воспитания — «Музыка моего народа», на уроках композиции «Составление орнамента на основе мордовской вышивки» и многое другое.

В колледже студенты посещают различные кружки, среди них и такие, на которых воспитанники знакомятся с народной культурой мордовского народа: «Масторава», «Сиянь толнэ», «Родиноведение», «Мордовская вышивка». В конце года члены кружка проводят итоговое открытое занятие — отчет о полученных знаниях.

С целью повышения престижа педагога и качества профессиональной подготовки ежегодно в колледже проводится «День эрзянского языка», организуются встречи с мордовскими писателями, посещаются персональные выставки мордовских художников. В колледже постоянно функционирует краеведческий уголок, который позволяет преподавателям более эффективно проводить занятия по культуре и быту мордовского народа. Кабинет мордовского языка и литературы постоянно пополняется необходимым методическим материалом для студентов, идущих на педагогическую практику.

Преподаватели колледжа выступают с сообщениями и докладами на съездах мордовского народа (Буянова Н.А.) и Всероссийских научно — практических конференциях по этническим проблемам. Проводят открытые занятия для преподавателей других ССУЗов, а так же коми и эрзя диаспор других регионов — «Устное народное творчество мордвы» — Кочанова И.И., «Мордовские народные сказки» — Назарова Н.Г, «Родной язык-душа народа» — Буянова Н.А., «Мордовская народная кухня» — Шаляева О.В. и др.. Создаются видеоролики, разрабатываются презентации. Преподаватели предметно-цикловой комиссии филологов: Буянова Н.А., Кочанова И.И., Шаляева О.В. являются авторами и рецензентами учебников и методических разработок для национальных школ республики.

Все перечисленные формы учебно-воспитательного процесса колледжа дают возможность убедиться в том, что наши студенты, завтрашние учителя, проявляют заинтересованность в получении глубоких знаний по изучению народной культуры мордвы не только на уроках и лекциях, но и принимают ак-

тивное участие в республиканских, всероссийских конференциях и конкурсах, занимая призовые места, пишут курсовые работы и дипломные проекты: «Мордовские национальные украшения из бисера», «Домовая роспись мордвы», «Отражение национальных традиций мордвы в моделировании современного костюма», «Изображение образа и костюма мордовской женщины в стиле творчества И.Билибина», «Отражение национального характера и стиля в авторской матрешки» и другие. Большую помощь в организации мероприятий этнорегионального направления оказывает нашему учебному заведению Национально-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Делая вывод, можно подчеркнуть что образовательная система должна представлять собой общественный институт, передающий молодому поколению культуру общества, накопленную веками. И поэтому имеющие хорошую этнопедагогическую подготовку в этом плане учителя — выпускники педагогических колледжей и вузов, смогут дать детям много нового и интересного о культуре, быте, традициях и обычаях своего народа, привить любовь к его этнокультурным ценностям.

Список использованной литературы

1. Атутов, П.Р. Методологические проблемы национально-регионального образования / П.Р. Атутов. — М.: ВЛАДОС, 2001. — С. 13—14
2. Ушинский, К.Д. Педагогические сочинения. Т 2, / К.Д. Ушинский — М.: Педагогика, 1990. — С. 295.

Психологические закономерности семейного воспитания с опорой на личностно-деятельностный подход (на примере мордовского народа)

Лашмайкина Л.И.,
доцент кафедры общей психологии
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, и иным даже делом легким, — и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком, теоретически или практически.

К.Д. Ушинский

Роль воспитания на каждом историческом этапе меняется в зависимости от принятых человеческим сообществом системы ценностей. Представление о том, по каким законам развивается человек, определяет содержание, формы и

методы воспитания. В рамках личностно-деятельностного подхода семейное воспитание является элементом ценностно-нормативной культуры, общества, производной от социальных представлений о природе и возможностях человека, источник развития при этом помещен не в самом человеке, а вынесен вовне — в культурно-исторический опыт. Этот опыт зафиксирован самыми разными способами, включая феномены общественного сознания, произведения искусства, мифологию, нормы морали, традиции семейного воспитания. В процессе взаимодействия с ними ребенок овладевает собственными психическими процессами и развивается личностно. Такая обусловленность человеческого развития объектами культуры, зафиксированными в традициях семейного воспитания, позволяет нам их рассматривать как психологические органы или орудия семейного воспитания.

Главная цель психологического сопровождения семейного воспитания в русле личностно-деятельностного подхода — создание социально-психологических условий, в которых каждый ребенок мог бы стать субъектом своей жизни: деятельности, общения и собственного внутреннего мира, т. е. быть полноценным членом семьи и общества. Центральный принцип психологического сопровождения — ценность личностного выбора и самоопределение в значимых жизненных ситуациях. При организации воспитательного воздействия в семье, родителями должны быть, прежде всего, созданы условия для: личностного развития как реализации индивидом своей потенциальной универсальности и бесконечности; самоопределения — обретение ребенком ценностей и смыслов жизни и их реализации; саморазвития — содержательного наполнения человеком своего жизненного поля, включающего в себя совокупность жизненных смыслов и пространства реального действия усвоенного в семейных традициях [3, с. 116].

Таким образом, семейное воспитание осуществляется в ходе интериоризации семейных ценностей и смыслов, т.е. путем их усвоения в результате осознания и выбора. Кроме того, в русле личностно-деятельностного подхода, семейное воспитание предполагает процесс активного порождения ценностей и смыслов самим ребенком. А помощь ребенку в его становлении в качестве субъекта саморазвития и есть основная цель семейного воспитания.

Деятельностный подход с опорой на культурологический принцип предполагает рассмотрение вопроса о том, как общество в целом, и семья, в частности, воспринимает и воспитывает ребенка, в качестве одной из главных характеристик культуры в целом. Мордовская культура — специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм, в совокупности отношений. В традициях семьи может фиксироваться способ жизнедеятельности отдельного индивида и социальной группы [3, с. 84]

Любой народ богат представителями самых разнообразных психологических типов, но, тем не менее, некоторые типы в одних культурах встречаются чаще, чем в других. Кроме того, у представителей различных наций одни психологические качества доминируют над другими. В Мордовии семейное воспитание отличается от воспитательных традиций других народов. Главная черта

мордовского характера заключается в его внутренней антиномичности и «упертости» — это подчеркивают многие исследователи. Так, например, еще Н.П. Огарев, подчеркивая черты характера мордовского народа, говорил «...о бессилии при силе, бедности — при огромном внутреннем богатстве, бессмыслии — при уме природном, тупости — при смысленной природности [4, с. 26]. М. Е. Евсевьев, рассматривая менталитет мордовского этноса, подчеркивал: «...о легковерии без веры, борьбе без творчества, фанатизме без энтузиазма, нетерпимости без благоволения» [4, с. 26]. «Постоянное несогласие между законами и жизнью, между учреждениями писаными и живыми нравами народными», отмечал Пургас [4, с. 26].

Мордовскому народу свойственна специфическая национальная психология, проявлениями которой являются «...ответственность перед призраком будущих поколений, иллюзионизм, неумение и любовь жить в настоящем, суетливое беспокойство о вечном» [4, с. 145]. Среди качеств, присущих мордовскому народу, выделяют: «...максимализм, нетерпимость, недостаток исторической трезвости, разлад между словом и делом, мечтательность, легкомысленность, настойчивость, дальновидность» [4, с. 145].

Специфику мордовского национального характера объясняют географическим положением Мордовии, ее историей, в первую очередь взаимоотношениями с соседними народами, внешними влияниями на генофонд, специфическим ландшафтом, характером русской природы, богатыми традициями семейного воспитания. В психологической антропологии есть попытки исследовать особенности национального характера традицией тутого пеленания младенцев существующей в России в целом и, в Мордовии в частности, которое приводит к тому, что дети растут «...и сильными и сдержанными, признавая необходимость сильной внешней власти» [1, с. 67]. На короткое время младенца освобождают от пеленок, моют, активно играют с ним. Многие мордва, по мнению иностранных психологов, «...испытывают сильные душевные порывы и короткие всплески социальной активности в промежутках долгих периодов депрессии и самокопания [1, с. 67]. Особенности мордовского менталитета заключаются в «...доминировании оральной культуры, характеризующиеся неумеренной склонностью к еде, питью и пению, что и передается вследствие семейного воспитания» [1, с. 67].

Важным является также накопление собственного опыта ребенка, критическая переработка содержания культуры с помощью механизмов перехода внешнего мира во внутренний: интериоризация целей и ценностей в процессе самостоятельной деятельности; испытание, связанные с риском; катарсическое переживание.

Таким образом, в типологической модели личности мордовского гражданина, в качестве доминирующей черты, можно выделить «...переходное потребностно-мотивационное состояние: есть желание, но нет предмета, ему отвечающего» [2, с. 16]. Очень важно, с его точки зрения, не ошибиться в выборе этого «предмета». Он соответствует по примеру Л.Н. Толстого «братъ выше», «для достижения реального и возможного стремиться к идеальному и невозможному» [2, с. 16] — в этом и заключается первостепенная задача семейного

воспитания в русле личностно-деятельностного подхода. Для реализации этой задачи семья должна сохранить и передать ребенку эти наши национальные черты мятежности и тревоги, эту упорную работу над спорными вопросами, это неустанное искание Бога и невозможность примериться с какой-либо системой успокоения, с каким бы то ни было мещанским довольством.

В заключении, еще раз подчеркнем очевидное, в XXI веке ценности мордовской культуры существенно меняются, приводя к смене черт характера, которые традиционно были присущи мордовскому народу и которые хотели бы сохранить и воспитать в своих детях многие семьи, так как отвергаются ценности, свойственные традиционной мордовской культуре (довольство своим местом в жизни, благочестие, скромность). Резко возрастает ценность благосостояния (материальный успех и благополучие), автономии как независимости и уверенности в себе, стремление выразить свою уникальность, формируются установки на социальное неравенство. Такое резкое изменение ценностных ориентаций, по нашему мнению, связано с вхождением России и Мордовии в общемировое цивилизационное пространство. Образцы поведения, нормы общения, ценности присущие, прежде всего западной культуре, «перенимаются» довольно быстро, но не подкрепленные собственным опытом, не соотнесенные с социальным контекстом, зачастую приводят к серьезным внутриличностным конфликтам. Отсюда, основная задача семейного воспитания — не допустить утраты культурных, семейных ценностей, а передать их молодому поколению в процессе соблюдения мордовских семейных традиций.

Список использованной литературы

1. Битянова М.Г. Соприкосновение с внутренним миром. — СПб. : Речь, 2007. — 248 с.
2. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М.: Изд-во Наука, 2005. — 78 с.
3. Целуйко В.М. Вы и ваши дети. Психология семьи. — Ростов н/Д: Изд-во Феникс, 2004. — 448 с.
4. Юрченков В.А. Хронограф, или повествование о мордовском народе и его истории: очерки, рассказы. — Саранск: Мордов. кн. Изд-во, 1991. — 368 с.

Этнокультурное воспитание как основа формирования личности

Ледяева Е.В.,
преподаватель кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

В настоящее время актуальным направлением воспитания является формирование и развитие у ребенка национального самосознания, интереса к культуре и истории своего народа. Нельзя не согласиться с Л.А. Бутуновой, что отторжение подрастающего поколения от национальной культуры, от общественно-исторического опыта — одна из серьезных проблем нашего времени. Трудно построить будущее без знания исторических корней и опоры на опыт предшествующих поколений [1, с. 6]. Поэтому цель образования — передача не только знаний, но и воспитание членов общества, знающих традиции, обычаи и, конечно, язык своего народа. Именно поэтому знакомство детей с мордовским этносом и обучение их мордовскому языку должно стать важным направлением воспитания ребенка. Всестороннее и гармоничное развитие личности невозможно без осознания ею культурной принадлежности и знания о родном крае. Это способствует не только формированию личности, но и ее интеграции в современное поликультурное пространство.

Нельзя насильно чему-то обучить детей, заставить их что-то делать без желания невозможно, поэтому целесообразно начать изучение мордовского этноса и обучение детей мордовскому языку в игровой форме, пробуждая у них интерес и стремление к общению на мордовском языке. Чтобы воспитать в ребенке чувство гордости за свою родину, надо научить его любить свой город, край, где он родился и вырос. С целью ознакомления детей с историей и культурой родного края можно совершать экскурсии, сопровождая их рассказами о городе — его происхождении, названии, о людях, которые в нем живут и приумножают его славу, которые прославили Мордовию, национальностях, проживающих на ее территории. Во время экскурсии можно фотографировать, а потом вместе с детьми сделать фотовыставку «Родной город». В этнокультурном воспитании необходимо делать акцент на приобщение детей к красоте родного края, на желание видеть неповторимость родной культуры. Это способствует пробуждению у детей уважения и любви к Родине, формирует национальное самосознание.

Этнокультурное воспитание также предусматривает знакомство с устно-поэтическим творчеством мордовского народа, народным декоративно-прикладным искусством, мордовскими народными играми и танцами; традициями и обычаями, музыкой и музыкальным фольклором, композиторами и писателями Мордовии. Мордовская детская художественная литература (сказки, рассказы, стихотворения) открывает ребенку мир человеческих чувств и взаимоотношений, дает прекрасные образцы литературного языка. Мордовская художественная литература и фольклор несут в себе черты национальных тради-

ций и обрядов, а также содержат много информации о родном крае, верованиях, культуре народа, что в свою очередь учит детей наблюдать, анализировать и рассуждать. Таким образом, решаются образовательно-воспитательные задачи: дети знакомятся со сказками, праздниками, обычаями мордовского народа, осознают собственную культурную принадлежность; воспитываются в духе уважения и толерантности к другим народам, в духе патриотизма.

Мордовский музыкальный фольклор — часть музыкальной культуры мордовского народа. Данное искусство несет в себе национальное своеобразие и уникальность мордовского народа, которое проявляется в национальном характере, языке, этническом самосознании, национальном мировоззрении, а также своеобразном музыкальном языке, освоение которого способствует накоплению у детей национально-своеобразных интонационно-слуховых представлений. Средствами фольклора формируется чувство самоуважения и уважения к мордовской национальной культуре, к культуре народов, населяющих республику. Мордовские народные игры («В ключи», «В платки», «Раю-раю», «В карусель», и другие) содержат в себе многовековой опыт народа, его культуру, традиции и имеют огромное значение для формирования гармоничной, духовно богатой, эстетически развитой личности.

Важным этапом этнокультурного воспитания является знакомство с прикладным искусством мордовского народа. Наиболее ярким выражением в изобразительном народном творчестве всех народов является национальный костюм. У мордвы он насыщен цветом, включает много разных украшений из металла, бисера, бус, представляет собой неповторимый художественный красочный ансамбль. Поэтому дети должны знать о народном костюме и элементах вышивки, так как это способствует развитию их художественного вкуса и пониманию народного творчества и его своеобразия. Дети изучают орнамент вышивок, украшающих одежду, скатерти, полотенца. В Мордовии распространена резьба по дереву. В селе Подлесная Тавла есть школа, в которой школьники вырезают различные фигуры из дерева. Их работы выставлялись в Саранске, Таллине, Москве.

Именно обращение к национальной культуре дает неоценимый материал для формирования и развития личности. В дошкольных, школьных учреждениях и вузах важным является создание национального уголка, что, несомненно, будет способствовать привитию интереса к родному краю. Так, в Историко-социологическом институте организован и постоянно действует этнографический музей, где собраны подлинные предметы быта мордовского народа, национального костюма, мордовской вышивки. Одной из самых важных задач является этнокультурное воспитание и внедрение национально-регионального компонента в дошкольные и школьные общеобразовательные учреждения. Но субъектом этнокультурного воспитания выступают не только воспитательно-образовательные учреждения, как показано на рисунке, но и семья (рисунок 1). В основу содержания этнокультурного воспитания в семье целесообразно положить воспитание поликультурной личности, создание условий для идентификации личности со своей исконной культурой и усвоения других культур, ориентацию на диалог культур, их взаимообогащение.

Рисунок 1 — Субъекты этнокультурного воспитания

Именно в семье происходит первое знакомство с историей народа, его культурой, национальными обрядами, обычаями. Восприятие национального происходит через устное народное творчество: сказки, песни, мифы и пр. Важно наряду с созданием предпосылок для этнической самоидентификации, которая закономерно сближает ребенка с родителями, родственниками, своим родом, этносом, вызывая чувство гордости, почитания, восхищения предками, не упустить из виду и другое. Нельзя, чтобы восхищение и гордость перерастали в чувство превосходства, связанное часто с незнанием других культур, этносов или негативным отношением к ним.

По ведению воспитательной работы в условиях реализации национально-регионального компонента большой опыт имеет МДОУ «Детский сад № 90 комбинированного вида» (Республика Мордовия), на базе которого открылся городской методический центр национальных культур народов Поволжья. Важное место в деятельности Центра отводится проведению мониторингов функционирования и состояния преподавания мокшанского и эрзянского языков в дошкольных и средних общеобразовательных учреждениях Республики Мордовия и мест компактного проживания мордовского народа в субъектах Российской Федерации. Сотрудниками Центра была разработана Концепция по обеспечению школ методическими и наглядными пособиями. Сформированы комплекты учебно-методических и наглядных пособий для национальных школ, в которые вошли: символика Республики Мордовия; карта-схема Республики Мордовия с названиями населенных пунктов на национальных языках; закладки для книг с изображением мордовских писателей; портреты известных финно-угроведов; таблицы по мокшанскому и эрзянскому языкам; рассыпные детские альбомы мордовского и костюмов финно-угорских народов «Одень куклы», календарь на мокшанском и эрзянском языках, аудиодиск «Сказки финно-угорских народов» и т. д. В целях пробуждения интереса молодежи к культурному наследию, повышения уважения к своим языкам, Поволжский центр культур финно-угорских народов в 2007 году учредил ежегодный конкурс сочине-

ний и творческих работ по краеведению и родному языку среди общеобразовательных учреждений Мордовии и школ мордовской диаспоры. Итоги подводятся на дне родного языка. Участники конкурса в своих работах делают акцент на вопросах, связанных с сохранением культурного наследия своего народа, анализируют причины нигилистического отношения к родному языку среди подрастающего поколения. Во многих образовательных учреждениях Республики Мордовия проводятся тематические занятия — Мордовия — мой край родной, тематический цикл, посвященный жизни современной Мордовии, включая в себя следующие направления: «Мой город», «Выдающиеся деятели» (художники, поэты, писатели, музыканты), «Мастера мордовского края», что также является важным элементом этнокультурного воспитания. В Саранске на базе музыкальной школы № 1 открылся Детский этнокультурный центр, главной задачей которого является возрождение интереса юного поколения к традиционным культурам своего народа и народностей, проживающих на территории республики. Каждую субботу в музыкальной школе проводятся занятия для всех ребят, желающих научиться играть на мордовских музыкальных инструментах. А по пятницам проходят занятия для всех, кто мечтает освоить армянские и азербайджанские танцы. В рамках этнокультурного центра открыт уникальный музей народных инструментов [2].

Но в тоже время остается достаточно много нерешенных проблем. В библиотеках регионов отсутствуют издания, выпускаемые в республике о деловой и общественной жизни, о достижениях республики. Нельзя допустить потерю национальной культуры, важно не только ее сохранить, но и возродить. Поэтому необходимо усилить издание красочной детской литературы на мокша и эрзя языках, обновить библиотечные фонды программной художественной литературой мордовских писателей, выделять средства на приобретение и комплектование национальной и краеведческой литературы.

Таким образом, дошкольные учреждения, школа, вуз и семья являются важнейшими агентами удовлетворения культурных потребностей, сохранения родных языков, приобщения подрастающего поколения к национальным традициям. И основная задача деятельности этих учреждений — использовать в учебно-воспитательном процессе ценности национальной культуры и сохранить ее своеобразие. Соглашаемся со словами В.А. Сухомлинского: «У нас, воспитателей, великая и почетная миссия вдохнуть в каждое из сердец наших воспитанников возвышенные идеалы. Сделать так, чтобы в их душах отразился в миниатюре портрет народа. Тот, кому удастся это сделать, может с уверенностью сказать: я постиг цели воспитания». Нельзя забывать, что неотъемлемой частью процесса обучения является воспитание и, прежде всего, воспитание в духе народных традиций и любви к родной культуре.

Список использованной литературы

1. Бутунова Л.А. Приобщение дошкольников к культуре мордовского народа (из опыта работы) // Приобщение дошкольников к национальной культуре в контексте единства образовательного пространства России : сб. науч.-метод ст.

/ редкол.: Е.Н. Киркина (отв. ред.) [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. — Саранск, 2010. — С. 6—9.

2. Крылова Н. В Мордовии открылся детский этнокультурный центр [Электронный ресурс] // Известия Мордовия от 17.03.2011 №37 (24.480); режим доступа: http://www.izvmor.ru/article_11645.html

Традиционная народная кукла

Семенова В.Б.,
учитель декоративно-прикладного искусства
МОУ «Гимназия № 20»
(г. Саранск)

Народное искусство является одним из важнейших средств воспитания гармонично развитой личности, развития ее нравственной, трудовой, эстетической и художественной культуры. Одной из самых ярких страниц народного искусства является народная кукла.

Народная кукла — игрушка с ценными социально-воспитательными качествами, которые признаны и культивируются в этнопедагогике, в практической работе с детьми. Это великолепный образец для занятий по рукоделию, художественному труду, декоративно-прикладному искусству. Занятия народной тряпичной куклой дают возможность освоить различные техники и технологии изготовления кукол, формообразования и художественного конструирования из ткани.

Было время, когда народная кукла была в каждом доме, оберегала и защищала человека от рождения до самой смерти. В настоящее время народная кукла практически полностью исчезла из повседневного быта, а на смену ей пришел, заполонив наши дома, умы и сердца, китайский фэн-шуй, как альтернатива утраченному.

Кукла исчезла из домов, носители информации тоже уходят, к сожалению, теряются традиции. А ведь кукла несет в себе богатейшую информацию о жизни, быте, праздниках, обрядах, костюме, фольклоре своего народа.

Нам сейчас сложно представить все богатство национальной кукольной традиции. В связи с этим, в настоящее время проблема возрождения, сохранения и популяризации традиционной народной культуры через изучение народной куклы является очень актуальной.

Для нас, коллектива учителей и учащихся гимназии № 20 г. Саранска, традиционная кукла — это больше, чем явление народного искусства. Это целый огромный мир, наполненный яркими событиями, поисками и находками, встречами и наблюдениями. Он существует по своим законам, которые не всегда поддаются житейской логике и научному анализу. Каждая кукла — это маленькая жизнь, другая ее форма. Если авторская кукла передает разные грани индивидуальности своего создателя, то народная кукла — отражает менталитет всего народа, его сущность.

Семь лет назад, впервые познакомившись с народной куклой, мы даже представить себе не могла насколько огромен, захватывающе интересен, удивителен, доступен и понятен и взрослым и детям мир народной куклы.

Первые народные куклы связаны с обрядами культа сотворения мира и культа умерших предков. Свое особое обрядово-магическое значение кукла сохранила вплоть до XX века вместе со своими архаичными формами.

Во времена язычества вокруг таких кукол водили хороводы и, отдавая в жертву богам, просили взамен богатого урожая, хорошей погоды, счастливой любви.

У каждого народа почти к любому празднику или событию были свои обрядовые фигурки.

В глубокой древности у кукол было и другое предназначение, она защищала человека от болезней, несчастий, злых духов.

Куклы-обереги изготавливали из тряпья без применения ножниц и иголки, используя те же приемы, что и при изготовлении обрядовых. Традиционная тряпичная кукла безлика. Лицо, как правило, не обозначалось, оставалось белым. Кукла без лица считалась предметом неодушевленным, недоступным для вселения в него злых, недобрых сил, а значит, и безвредным для ребенка. Она должна была принести ему благополучие, здоровье, радость.

Постепенно терялось прежнее, магическое значение народной куклы, забывался ее символический смысл. Берущие свои истоки в магических ритуалах и религиозных обрядах, куклы прошли сложный путь от простейших фигурок до сложных образов, но при этом не утратились духовная ценность традиционной куклы, ее прекрасная способность дарить детям радость, учить, воспитывать.

Вот такой он — захватывающе-интересный, увлекательный, волшебный мир народной куклы. Мир, в котором одновременно происходит эмоциональное, эстетическое и познавательное освоение, мир, в котором народные куклы, как главные действующие лица обрядов и традиций наших далеких предков, делают прошлое интереснее и понятнее и для взрослых и для детей.

Народная кукла, как элемент культуры, представляет особый интерес и при изучении национальных особенностей и традиций любого народа.

Собрав достаточно богатую, обширную информацию о русской традиционной кукле, нам захотелось изучить и особенности народной куклы мордвы.

К нашему сожалению и удивлению такой информации оказалось крайне мало.

Так чем же тогда играли маленькие девочки-мордовочки в прошлом веке? Чтобы ответить на этот вопрос, мы начали работать в двух направлениях:

— опрос бабушек-мордовок;

— сбор материала о кукле у других народов финно-угорской языковой группы.

Учащиеся гимназии № 20 г. Саранска активно помогали со сбором материала, опрашивали своих бабушек, соседей. Опрашиваемые нами женщины 1914-1958 годов рождения из разных районов Мордовии. Их детские годы при-

шлись на период, когда тряпичная кукла уже потеряла свое первоначальное береговое назначение и выполняла только роль игрушки.

Также мы воспользовались результатами археолого-этнографической экспедиции в Первомайский район Нижегородской области, организованной музеем исторического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (лето 2004 года) и данными опроса жителей села Подлесная Тавла, проведенного А.П. Гаушевым.

В результате семилетней работы нами собран богатый материал о народной кукле, бытовавшей на территории Республики Мордовия в первой половине XX века.

Из них шестнадцать — мордовские народные куклы. Информация о пяти куклах была найдена в разных Российских музеях, об остальных одиннадцати — в районах Мордовии.

Мордва, как и другие народы России, использовала для изготовления кукол разные доступные материалы. Собранная информация позволяет проследить, из чего мастерили кукол в разных районах Республики Мордовия:

- **из дерева** (Кочкуровский, Рузаевский, Старошайговский районы),
- **из глины** (Кочкуровский, Рузаевский районы),
- **из соломы, травы** (Старошайговский, Лямбирский район),
- **из кукурузных початков** (Ромодановский, Старошайговский районы, Первомайский район Нижегородской области),
- **из щепочек (веточек)** — крестушки, на основе треноги, типа венчика, марионетки (Б.Березниковский, Кочкуровский, Ковылкинский, Кадошкинский, Темниковский, Старошайговский районы),
- **из ткани — закрутки** — (Дубенский, Ромодановский, Ковылкинский районы, Лунинский район Пензенской области, Первомайский район Нижегородской области),
- **из ткани — шитые** — (Ельниковский, Дубенский, Ковылкинский, Ромодановский, Ичалковский, Кадошкинский, Кочкуровский, Лямбирский, Старошайговский, Темниковский районы, г.Саранск, Первомайский район Нижегородской области).

Таким образом, собрав информацию о наличии и назначении тряпичной куклы у мордвы, мы расширили круг поиска и исследовала эту тему на примере других народов финно-угорской группы.

К счастью, практически у всех финно-угров народная кукла чудесно сохранилась до сегодняшнего дня, что позволило не только собрать теоретическую базу, но и коллекцию таких кукол. Собрав и систематизировав всю информацию, выяснили, что кукла была широко распространена у финно-угров, имеет свои особенности, отличается от русской способами изготовления, материалами и назначением.

Удивительно, что у кукол разных народов финно-угорской группы, проживающих достаточно далеко друг от друга, много общего. Есть похожие приемы в изготовлении кукол у мордвы и хантов, мордвы и удмуртов.

Собранные материалы позволяют верить в то, что народная кукла мордвы будет реконструирована и возрождена.

Родильная обрядность финно-угорских народов

Савелькина З.А.,
аспирантка кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Родильные обряды финно-угорских народов представляются обрядово-магической деятельностью, сочетавшейся с рациональными действиями, основанными на народном практическом опыте и социально-медицинских знаниях, передаваемых из поколения в поколение.

Как отмечается исследователями, физиологические процессы, связанные с деторождением, едины для человечества, а создаваемая веками практика уход за роженицей и ребенком, включающие как рациональные, так и религиозно-магические акты, имеют этническую (а часто и социально-этническую) специфику, обусловленную как объективной необходимостью приспособления и выживания в определенной среде обитания, так и религиозными воззрениями общества.

Цикл обрядовых действий, связанных с деторождением, как утверждает Федянович Т.В., начинался со свадьбы, что определялось важностью деторождения. Среди свадебных ритуалов выделяются обрядовые действия продуцирующего характера и пожелания многодетности. «У большинства народов финно-угорской группы, известен обряд, когда на колени к молодоженам сажали ребенка. До сегодняшнего времени повсеместно сохранился обряд обсыпания молодых зерном, так как зерно является символом жизни, возрождения и размножения» [5, с. 79].

Главными действующими лицами родильных обрядов были: новорожденный, роженица, повитуха, отец, крестные родители. Обрядовые действия начинались уже с момента зачатия. Например, «...до сих пор бытует поверье, что если в ночь зачатия положить топор под кровать, то непременно родится мальчик» [4, с. 36].

Период, когда женщина носит ребенка и готовится к его появлению, также полон суеверий и разных примет. «Беременная женщина старалась утаить время родов, веря, что от этого роды пройдут легко, а в противном случае тяжело. Особенно старались скрыть беременность от девиц и старых дев, считалось, что они могут сглазить» [1, с. 9]. Также стремились узнать, кто родится: мальчик или девочка. Больше радовались рождению ребенка мужского пола. Это объяснялось тем, «...что мужчина был работник, продолжатель рода, ему полагалась земля; а девочка же «лишний рот», она уйдет из семьи, да еще с приданным» [2, с. 26]. Было множество примет, по которым пытались определить пол будущего ребенка. Например, «...по изменениям во внешности матери: если подурнела, значит, будет девочка («дочка у матери красу берет»); по ее поведению: смущается часто — также будет девочка, сидя, вытягивает правую ногу — родит маль-

чика» [3, с.94], или «...по форме живота: широкий округлый — будет девочка; узкий и высокий, «огурцом», — мальчик» [2, с.41].

Существовало много ограничений для беременной женщины. Запрет беременной подходить к покойнику: «...к покойнику беременные не ходят» [6, с. 92] или «...смотреть на его вынос, мотивировался тем, что ребенок бледный будет, ребенок будет некрасивый, то есть приобретет внешние признаки умершего человека» [6, с. 93]. Бытовал запрет беременной сидеть на пороге, который связан прежде всего с семантикой осмысления сакрального пространства дома, где порог воспринимается как материализованная граница между своим и чужим миром [4, с. 41].

Повивальная бабка, или повитуха, как правило, пожилая женщина, у которой обязательно есть свои дети, ни в коем случае не девушка. Предпочтение отдавалось вдовам и тем женщинам, которые вели безупречную жизнь. Избегали приглашать тех повитух, у которых свои или повивальные дети умирали, считали, что «у них тяжелая рука». Все свои знания и умения повитуха должна была направлять на помощь и заботу о роженице и новорожденном. Бывало, что ребенка принимала родная бабушка — свекровь или мать роженицы [5, с. 81].

Как и наступление беременности, начало родов скрывали от посторонних. Чаще роды происходили в банях, под предлогом, что в натопленной бане рожать легче. Есть и рациональное объяснение того, ведь баня была самым чистым помещением в хозяйстве крестьян, и к тому же там можно было изолировать рожавшую женщину от многочисленного семейства. Когда роды проходили в бане, ее протапливали, устлали пол соломой, и все это сопровождалось ритуальными действиями и словами. В случае трудных родов развязывали все узлы (на поясах, платках, в косах ленты), открывали все замки, распахивали двери, окна, ставни. Чтобы облегчить и ускорить тяжелые роды, на порог и углы дома сыпали соль [3, с. 87].

Приход ребенка в мир также сопровождался определенными магическими обрядами. Но в то же время, некоторые повивальные бабки знали и определенные приемы для облегчения родов, применяли массаж и лекарственные травы, в основном кровеостанавливающего характера.

Особые обряды связаны и с пуповиной. «Послед» хоронили, он рассматривался как «неправильно» рожденный человек, поэтому его отправляли обратно с соблюдением норм погребальной обрядности: «...пуповину завертывали в тряпочку, иногда прятали в лапоть, и закапывали в подполе» [6, с. 141].

Если ребенок рождался «в рубашке» (околоплодной оболочке), то это считалось предзнаменованием его счастливой жизни, недаром про удачливого человека говорили: «В рубашке родился». Высушенная «рубашка» была сакральным предметом, ее, зашитую в тряпицу, носили на груди, могли хранить где-нибудь, иногда она передавалась в семье из поколения в поколение [3, с. 91].

У финно-угорских народов существовали особые заговоры, которые должны были способствовать здоровью ребенка. Например, «...повитуха брала три камешка, бросала их в воду для мытья и произносила молитву. И затем мыла этой водой ребенка. Ребенка купали в воде, в которую опускали серебряную монету (в некоторых случаях серебряную ложку). Считалось, что это будет спо-

собствовать будущему благополучию жизни новорожденного, и в тоже время вода с серебром очищала кожу ребенка. Для купания ребенка использовали и лекарственные травы: череду, чистотел» [2, с.72]. «Ребенка заворачивали в старую рубаху отца (если мальчик), или в подол материнской рубахи (если родилась девочка). Считалось, что тогда ребенок будет счастливым, и будет, лучше расти» [2, с. 79]. Если женщина рожали дома, то затем роженицу и младенца мыли в бане.

Особенно опасной считалась первая неделя после родов. Поэтому только что родившую женщину старались изолировать. На три — четыре дня роженицу оставляли в нежилом помещении, что, по всей видимости, связано с представлением о нечистоте рожавшей женщины. Временная изоляция женщины имела и практический смысл: в это время она не занималась тяжелым трудом, что было необходимо для восстановления здоровья. После благополучного исхода бабушка оповещала отца и родственников о рождении младенца. В этот же день варится каша, которой угощают родственников новорожденного.

Только после того, как роды заканчивались, об этом сообщали родственникам и соседям, которые навевались к роженице. Приходили только замужние женщины, имеющие детей, и обязательно с гостинцами: пирогами, блинами. Это предназначалось роженице и новорожденному на «зубок», а обряд посещения назывался «наведы, отведок, ходить на кашу» [2, с. 63]. Исследователи объясняют этот обычай практической помощью. В дом роженице приносили еду и подарки.

Обряды у финно-угров, символизирующие прием ребенка в семью, начинаются крестинами. Имя выбирали по Святцам, в пределах восьми дней до и после рождения. Имя имело огромное значение как знак принадлежности к человеческому обществу, влияющий на судьбу его носителя. Если ребенок рождался слабым, его старались окрестить как можно быстрее. Обряд крещения как бы давал силы и здоровья новорожденному, и так же в случае смерти, он считался православным, что позволяло его душе быть принятой в царство небесное [1, с. 27].

В старину в крестные родители приглашали ближайших родственников. Они как бы становились посредниками между ребенком и общиной, и несли ответственность за новорожденного на протяжении всей жизни. В результате крещения устанавливались особые отношения крестных родителей друг с другом и с родителями биологическими — они становились кумовьями. Кумовство предполагало обязательную взаимопомощь, взаимное угощение по праздникам. Крестные родители несли ответственность за крещенных детей на протяжении всей жизни. Православный обряд крещения мог сопровождаться различными магическими действиями. К примеру, клался клочок шерсти овцы [4, с. 89]. Иногда клали деньги или кусочек ладана. Крестные родители дарили новорожденному подарки. После возвращения из церкви собирали угощение, на которое приглашали повитуху, крестных родителей, родственников и соседей. Обязательным блюдом на столе была каша, обряд, назывался «бабина каша». Каждый из присутствующих должен был съесть по ложке этой каши [4, с. 94].

Таким образом, родильные обряды финно-угров формировались и видоизменялись под влиянием социально-экономических и религиозно-мифологических воззрений. К концу XIX — началу XX вв. многие дохристианские родильные обрядовые элементы были вытеснены христианскими (крещение младенца, причащение матери). В большей сохранности дошли до наших дней те обычаи и обряды, у которых есть практическая направленность и они имеют целью увеличение численности потомства и сохранение семьи и семейных ценностей. Следует отметить, что на первый план вышли обряды, направленные на сохранение здоровья женщины и младенца. Например, сохраняется обычай топить баню и мыть роженицу и ребенка после возвращения из роддома. Но если раньше это омовение считалось не просто очистительным действием, ему придавался магический смысл, то в настоящее время оно носит больше сугубо гигиенический характер.

У некоторых финно-угорских народностей исполняется обряд качания колыбели, но в нем участвуют не столько взрослые женщины, как прежде, сколько девочки, приглашаемые родственниками молодой матери. Они по очереди качают колыбель, в которую теперь кладут не лепешки и пироги, а конфеты, печенье, орехи, раздаваемые затем детям, выполнявшим обряд [4, с. 43]. Основная тенденция современной родильной обрядности сводится к слиянию многочисленных в прошлом обрядов детского цикла в один семейно-общественный праздник в честь рождения ребенка.

Список использованной литературы

1 Беляева Н.Ф. Традиционные приемы по уходу и воспитанию детей у мордвы (конец XIX — начало XX века). Дисс. уч. степени канд. ист. наук. — Саранск, 1986. — С. 44.

2 Винокурова И. Ю. Дети в некоторых обрядах и представлениях // Обряды и верования народов Карелии. Человек и его жизненный цикл. — Петрозаводск 1994, — С. 41—63.

3 Молотова Т. Л. Родильные обряды марийцев / Полевые материалы марийской этнографической экспедиции 80-х гг. — Йошкар-Ола, 1993. — С. 85—94.

4 Семенов В. А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера. — Москва 1992. — С. 158 .

5 Федянович Т.В. Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка, (конец XIX века—1970-е годы.) // Советская этнография. — Саранск, 1979. — С. 79—86.

6 Федянович Т. П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века—1980-е годы). — Москва, 1997. — С. 170.

**Основы духовно-нравственного воспитания студентов
во внеучебной деятельности и социально-воспитательной работе
в вузах субъектов РФ
с компактным проживанием финно-угорских народов
(на примере Мордовского государственного университета
имени Н. П. Огарева)**

Кочкаев Е. А.,
аспирант кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

В Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева наметилась своя система духовно-нравственного воспитания будущих специалистов. Следует отметить, что университет имеет широкий спектр специальностей, по которым готовит высококвалифицированных, конкурентноспособных специалистов, а также богатые многолетние традиции социального воспитания студенчества.

Социально-воспитательный процесс в вузе имеет место (находит свое воплощение) не только в процессе учебной, но и во внеучебной деятельности и в социально-воспитательной работе. При этом речь идет не столько об организации студенческого досуга и разовых мероприятий (мероприятийный подход), сколько о целостной системе, формирующей уклад жизни высшего учебного заведения и являющейся естественным продолжением профессиональной подготовки, осуществляющейся в процессе обучения в вузе. Одним из наиболее значимых результатов целостного социально-педагогического процесса является воспитание и социализация духовно и нравственно цельной личности в единстве ее чувств, воли, знаний, навыков, умений и общественно ценного поведения. Не последнее место в данном процессе имеет приобщение студентов университета к национальным традициям мордовского народа. Ознакомление студенческой молодежи с общественно-культурными традициями мордовского этноса, включение их в этнокультурную деятельность вносит неоценимый вклад в дело формирования, становления и развития духовно-нравственных качеств личности студента.

Под внеучебной деятельностью в вузе нами понимается совместная деятельность студенческого и профессорско-преподавательского коллективов по планированию, организации, проведению и анализу внеаудиторного социально-воспитательного процесса [1, с. 4]. Под социально-воспитательной работой в вузе мы понимаем целенаправленную деятельность профессорско-преподавательского состава (кураторов-преподавателей), кураторов из наиболее подготовленных студентов (организаторов-консультантов, шефов-организаторов, младших кураторов) и (руководителей молодежных общественных организаций, объединений, движений, а также кружков, секций, студий и т. д. — Е. К.) по созданию условий для саморазвития, самовоспитания, соци-

ального самоопределения (и самоактуализации — Е. К.) студентов во внеучебной деятельности [1, с. 4].

Одним из ведущих направлений во внеучебной деятельности и социально-воспитательной работе в вузе (на ряду с гражданско-патриотическим), на наш взгляд, является духовно-нравственное воспитание и социализация студентов, т. к. приоритет формирования, становления и развития духовности и нравственности в личности характерны как для русской философской традиции, так и для российского образования в целом. Духовность, являясь фундаментальным свойством человека, интегрирует в себе духовные потребности и способности человека самореализовывать себя в поисках истины в творчестве, в стремлении к добру, свободе и справедливости. Под духовно-нравственным воспитанием в сфере высшего профессионального образования нами понимается процесс содействия со стороны субъектов социально-педагогического процесса (студенческих групп, органов студенческого самоуправления, студенческих советов, профкомов, студенческих советов студенческого городка, органов самоуправления в академических группах и т. д. — Е.К.), профессорско-преподавательского состава, семьи, общественных организаций и объединений, государственных институтов, религиозных конфессий с целью формирования (если не сформированы — Е. К.), становления, развития, (воспитания и социализации — Е. К.) в личности студента:

- базовых духовных ценностей (гуманизма, свободы, чувства ответственности и справедливости);

- деятельной чувствительности к добру и злу, прекрасному и безобразному, истинному и ложному;

- нравственных чувств (совести, долга, веры, патриотизма, ответственности, любви надежды, веры);

- нравственного облика (терпения, милосердия, смирения, самоотверженной любви, проявление стойкости и мужества);

- нравственной позиции (готовности к преодолению различных жизненных ситуаций);

- нравственного поведения (готовности к служению людям и стране, проявлению послушания и доброй воли) [2, с. 54].

Сущность духовно-нравственного воспитания (как и воспитания в целом) заключается в формировании мотивов, способов и форм поведения. Воспитательное воздействие на эмоциональную сферу должно затрагивать всю личность, весь субъективный мир человека.

В МГУ им. Н. П. Огарева в процессе социального воспитания придерживаются принципа развития в деятельности. Причем основные духовно-нравственные ценности, качества, нормы поведения студента формируются, на наш взгляд, в процессе внеучебной деятельности. Деятельность студента — основное и необходимое условие его дальнейшего личностного развития.

Практически все подразделения Университета, причастны к внеучебной деятельности и социально-воспитательной работе в целом и духовно-нравственному воспитанию в частности (например, студенческий совет университета, профсоюзный комитет студентов и аспирантов, отдел молодежных ини-

циатив, центр социальной активности студенческой молодежи, содружество педагогических отрядов университета, отдел социального развития, управление по внеучебной работе и др.).

Особую роль в данной деятельности играет волонтерское движение. Взяв свое начало в 1996 году, (с профильного отряда «Волонтер», организованного на базе кафедры «Социальная работа» ИСИ под руководством Герасимовой Н. В.) волонтерство в вузе, уже начиная с 2000 года, приобрело статус необходимого и действенного социально-воспитательного явления, вносящего значительный вклад в решение социально-педагогических, культурно-просветительских и экономических проблем не только университета, но и города и республики в целом. В настоящее время волонтерская деятельность ведется общественными организациями, объединениями, союзами, ассоциациями, содружествами, имеющими, как официальную регистрацию, так и незарегистрированными движениями. Волонтерскую работу в вузе можно разделить на две больших сферы деятельности:

1 Системная и регулярная работа общественных организаций, объединений и движений по тем направлениям, которые являются профильными для этих организаций (например, работа с детьми — Саранская городская молодежная общественная организация «Содружество педагогических отрядов МГУ им. Н. П. Огарева»).

Содружество педагогических отрядов МГУ им. Н. П. Огарева структурно включает в свой состав «Мордовскую республиканскую молодежную общественную организацию Ассоциация педагогических отрядов» Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарева (состоящую из 10 разнопрофильных отрядов) и 12 разнопрофильных педагогических отрядов, функционирующих на базах различных факультетов и институтов МГУ им. Н. П. Огарева, Республиканскую молодежную общественную организацию «Педагогический отряд «Ника» экономического факультета МГУ им. Н.П. Огарева» [3]. Своей основной целью содружество педотрядов университета видит реализацию воспитательного, педагогического потенциала студенчества. Помимо работы в детских оздоровительных лагерях (в летний и осенне-зимний периоды), когда студенты-вожатые ведут социально-воспитательную работу с различными возрастными группами детей, они в течение учебного года (в чем проявляется их волонтерское начало) продолжают свою социально-педагогическую деятельность на базе среднеобразовательных школ, детских приютов и интернатов, подростковых клубов и других учреждений образования, здравоохранения, культуры и социальной защиты. В практике своей деятельности вожатые-студенты делают упор на формирование, становление и развитие в личности воспитанника духовно-нравственных норм и ценностей (например, по средством ролевых и деловых игр, тренингов, этических бесед и т. д.), гражданско-патриотических чувств (проведение мероприятий связанных с празднованием государственных и региональных праздников, например, день России, день Конституции РМ).

В приобщении детей и подростков к национальным и общемировым ценностям особую роль играет организация профильных детско-юношеских этни-

ческих лагерей, организованных с целью создания единого этнокультурного пространства. Все эти профильные детско-юношеские лагеря ставят такие цели, как:

1. Актуализация этнокультурного потенциала региона в образовательной работе с подрастающим поколением, формирование детской этнической площадки.

2. Привлечение детей и подростков к научно-исследовательской работе в области археологии, этнографии, фольклора, этнического искусства.

3. Воспроизведение и трансляция этнокультурных ценностей, возрождение традиций, изучение материальной и духовной культуры своего народа. В частности, Министерством образования Республики Мордовия в период с 26 июля по 8 августа 2009 года для победителей и призеров межрегиональной и республиканской олимпиад по мордовским (мокшанскому, эрзянскому) и татарскому языкам и литературе была организована образовательно-оздоровительная этнокультурная лагерная смена «Живи, родной язык!» на базе детского оздоровительного лагеря «Орленок» Ичалковского района нашей республики.

Так же дети и подростки Республики Мордовии неоднократно становились участниками межрегиональных этнокультурных лагерей. Так например делегация из Мордовии приняла участие в XVIII смене межрегионального лагеря финно-угорских народов, посвященная 100-летию детского движения в России. Для участия в смене собралось 150 представителей всех финно-угорских народностей. Каждый стремился показать свои национальные особенности, рассказать о традициях, обычаях, и в целом о культуре.

Участие студентов и преподавателей вуза в социальных, социально-воспитательных, спортивных, культурно-массовых городских и республиканских мероприятиях в качестве организаторов, участников, зрителей (например, участие в качестве соорганизаторов, массовки, членов творческих коллективов, активных зрителей в международной научной конференции студентов финно-угроведов IFUSCO в 2007 году, международном фестивале «Шумбрат, Финно-угрия!» — 2008 год (1500 человек организаторов студентов и преподавателей и 6 тыс. зрителей из числа студентов), межрегиональном фестивале молодежных субкультур «Ты выбираешь сам!» (3000 человек из них 330 организаторов из числа студентов и преподавателей) [3].

Многопрофильная специфика, характер и условия духовно-нравственного воспитания и социализации молодежи в вузе предполагают осуществление волонтерской деятельности по различным направлениям. Ежегодно студенты-волонтеры, а также преподаватели вуза проводят более 40 благотворительных акций, в которых принимают участие более 10000 человек. Благотворительные акции проводят:

- 1 Социально-экономический сектор Студенческого совета университета, а также социально-экономические сектора студенческих советов факультетов и институтов вуза: «Радужный мир», «Творить добро в твоих силах», «Добро и Милосердие в каждом сердце» — акции по сбору средств (игрушек, канцелярских товаров, сладостей) для социально незащищенных категорий детей (более 40 организаторов из числа студентов и преподавателей, более 200 детей-сирот);

«День пожилого человека» — акция по оказанию помощи по уборке домов, квартир, приусадебных участков, сбору средств на продукты для пенсионеров и одиноких пожилых людей, среди которых бывшие преподаватели университета; «Ты не один» — акция по сбору средств для инвалидов (более 100 организаторов, более 20 инвалидов).

2 Региональная общественная организация «Агентство волонтерской службы «Пиэкас» Мордовского госуниверситета им. Н. П. Огарева. Среди осуществленных проектов можно выделить такие как «Вам есть на кого надеяться, нам есть, для кого работать», направленный на детей и подростков с ограниченными возможностями; «Тонومتر — твой друг», направленный на оказание помощи в приобретении тонометров ветеранам и участникам ВОВ; организация и проведение ежегодного социального марафона, посвященный дню защиты детей и множества других.

3 Студенты специальности «Социальная работа» Историко-социологического института (ИСИ) МГУ им. Н. П. Огарева. Студенты отделения «Социальной работы» под руководством преподавателей кафедры социальной работы долгое время помогают в работе еще одной университетской общественной организации — клубу интеллектуального общения «Филантроп». Он объединяет бывших преподавателей Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева и существует с 1999 года. Студенты активно помогают ветеранам в организации и проведении мероприятий (дни рождения, походы в театр, в картинную галерею, встречи с ведущими учеными университета, с интересными людьми города, республики, тематические вечера), принимают непосредственное участие в дискуссиях на научные и общественно актуальные темы.

Большое влияние на профессиональную подготовку студентов отделения «Социальная работа» и их духовно-нравственное воспитание можно назвать Добровольческий центр социальной помощи населению по месту жительства «Ковчег», который был создан на базе Детской библиотеки имени Н. А. Некрасова в 2001 году. Главными объектами деятельности Добровольческого центра «Ковчег» были дети, малообеспеченные граждане, инвалиды, проживающие в микрорайоне. Основными направлениями деятельности центра были «Школа милосердия» и «Социальная клиника». Результатом деятельности волонтеров по месту жительства явилось обеспечение социальной безопасности населения Октябрьского микрорайона г. Саранска, формирование благоприятной социально-психологической атмосферы жизнедеятельности территориального сообщества.

4 Добровольческое движение «Альтернатива» Мордовского госуниверситета. Организация пропагандирует здоровый образ жизни, осуществляет профилактику табакокурения, токсикомании, алкоголизма, наркомании, туберкулеза, СПИДа, ВИЧ-инфекции, отклоняющегося поведения (девиантного и делинквентного), суицида. Она функционирует с целью: оказания медико-социальной и социально-педагогической помощи представителям незащищенных слоев населения. Члены организации систематически проводят благотворительные акции в пользу детей больных туберкулезом, онкобольных, оказывают гуманитар-

ную помощь наиболее уязвимым слоям населения (месячник пожилого человека — акция, в ходе которой оказываются различные виды помощи пожилым людям, проводятся развлекательные и интеллектуальные мероприятия (более 300 участников); «День борьбы с туберкулезом» (более 20 организаторов, 100 участников).

5 Молодежная группа Красного креста ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева. Направления деятельности организации следующие:

- работа с детьми и подростками, находящимися в социальных учреждениях города;
- целевой сбор средств;
- научно-исследовательское направление (анкетные опросы по проблемам наркомании и СПИДа);
- профилактика социально опасных болезней.

Свою первую акцию волонтеры провели в Детском республиканском приюте «Надежда». Она была приурочена к Всемирному Дню защиты детей, включала в себя конкурсы, новые интересные игры и песни для самых маленьких, рисунки на асфальте. Волонтеры Красного Креста для приюта «Надежда» и реабилитационного центра «Радуга» проводили сбор канцелярских принадлежностей, игрушек, одежды, многочисленные мероприятия медико-социальной тематики.

6 Профильный объединенный отряд «Поиск» Мордовского госуниверситета, включающий в себя поисковый отряд географического факультета и отряд «Поиск-ИСИ», объединяющий также и студентов с других факультетов и институтов МГУ им. Н. П. Огарева. Основным видом деятельности сводного поискового отряда ИСИ является военная археология (поиск и перезахоронение останков воинов погибших в годы Великой Отечественной войны). Также можно выделить несколько направлений в работе отряда:

- воспитание нравственных ценностей у детей и молодежи: исторической памяти, уважения к старшим, чести, благородства, сопереживания, любви к Отечеству, доброты, справедливости.

- установление судеб «без вести пропавших» в Великой Отечественной войне.

- сообщение родственникам о месте захоронения их близких.

- изучение истории Великой Отечественной войны.

- работа по составлению списков погибших для республиканской книги «Память».

- помощь ветеранам войны, труда, солдатским вдовам, престарелым [3].

Совместно с администрацией Университета, советом ветеранов вуза, объединенным отрядом «Поиск» и студентами различных факультетов в годовщину празднования 65-летия победы в Великой Отечественной войне в музее истории Мордовского университета прошла презентация проекта «Память наших сердец». В ее рамках состоялись: конкурс творческих работ «Книга памяти моей семьи», кинолектории «Война глазами современников», акция «Вахта «Памяти», экспедиция «Дорогами героев», чествование ветеранов и многое другое. Еще одним итогом программы стало издание буклета «Солдаты Победы». Ос-

новые цели проекта — сохранение памяти о годах ВОВ и защитниках Родины, воспитание духовно-нравственных норм и ценностей у подрастающего поколения [3].

Все содержание деятельности волонтерских организаций и движений является основой формирования, развития и воспитания в студенческой молодежи таких социально-психологических и общечеловеческих качеств характера и видов поведения как чувства милосердия, толерантности, терпения, взаимопомощи, ответственности за окружающих людей, готовности к преодолению различных стрессовых ситуаций, самоотверженной любви к окружающему миру и малой Родине, столь важные и жизненно необходимые для современной молодежи. Работая в волонтерских организациях, студенты обретают практический опыт работы с пожилыми гражданами, детьми-сиротами, детьми-инвалидами, который имеет большое значение для формирования их профессионального мастерства, становления умений и навыков самостоятельной организаторской, социально-педагогической и социально-психологической деятельности, работы со спонсорами, со средствами массовой информации, учат ответственности, инициативности, творчеству и др.

Особый вклад в дело духовно-нравственного воспитания студентов во внеучебной деятельности и социально-воспитательной работе в Университете, располагающимся на территории с компактным проживанием финно-угорских народов, вносит институт кураторства. Помимо помощи в адаптации (в форме интеграции) студентов первых курсов и приобщение их к корпоративной культуре Мордовского государственного университета (знакомство с правилами внутреннего распорядка, правами и обязанностями студентов) институт кураторства ставит основной задачей: формирование у студентов вуза национальной республики активной творческой позиции, духовно-нравственных ориентаций, потребности к освоению и производству ценностей культуры, соблюдению общечеловеческих норм гуманистической морали, интеллигентности; содействие возникновению атмосферы, способствующей максимальному раскрытию внутренних потенциальных возможностей студента; оказание поддержки в самоопределении и самоактуализации студентов, через участие в деятельности органов студенческого самоуправления (группы, факультета (института), университета). Для решения данных задач разрабатывается и реализуется система мероприятий: знакомство с историей и традициями вуза (посещение музейного комплекса, знакомство с подразделениями университета и т. д.), организуются встречи с лучшими специалистами с целью привить студентам любовь к своей будущей профессии, к родному университету.

Еще одним направлением духовно-нравственного воспитания в Мордовском госуниверситете должно стать формирование среди студенчества основ здорового образа жизни. «В здоровом теле, здоровый дух!» — гласит народная мудрость. Недаром одним из девизов Университета является — «МГУ им. Н. П. Огарева — вуз здорового образа жизни!». В контексте современных проблем российского общества, здоровый образ жизни должен стать осознанной социальной потребностью и безусловной ценностью. Формирование потребностей и ценностей личности особенно интенсивно и проблемно происхо-

дит в студенческом возрасте. Зачастую модели поведения и сценарии жизни, которые закладывает современное кино и реклама, обладают значительным и часто не рефлекслируемым воздействием на личность, провоцируют и санкционируют обращение молодых людей к табакокурению, алкоголю и наркотикам, формируют ориентацию на праздный образ жизни. Длительное пребывание у компьютера, телевизора неизбежно провоцирует гиподинамию, лишний вес, проблемы со зрением и ряд других заболеваний [3].

Таким образом, среди направлений во внеучебной деятельности и социально-воспитательной работе Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева следует выделить деятельность множества общественных организаций и объединений, активную работу волонтерского движения, студенческое самоуправление, деятельность института кураторства, влияние религии, а также включение в социально-воспитательный процесс элементы народной педагогики. Все эти направления, составляющие основу духовно-нравственного воспитания, будут эффективны только в том случае, если будут носить целенаправленный, систематический, творческий характер.

Список использованной литературы

1 Винтин, И. А. Педагогические основы социального самоопределения студентов во внеучебной деятельности в высшем учебном заведении / И. А. Винтин. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. — 416 с.

2 Никулина, О. М. Духовно-нравственное воспитание в системе подготовки специалистов социальной сферы / О. М. Никулина, Е. В. Родькина // Педагогика. — № 3. — 2010. — С. 52—57.

3 Официальный сайт Мордовского Государственного Университета им. Н. П. Огарева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mrsu.ru>. — Заглавие с экрана.

Из опыта организации этнокультурных лагерей

Абрамова Е.О.,
аспирантка кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Летние детские оздоровительные лагеря (ДОЛ) в наше время завоевали достойное место не только в системе дополнительного образования, но и в воспитательно-образовательной системе страны в целом. Роль детского лагеря в воспитании, обучении, социализации и оздоровлении детей достаточно велика. Как справедливо подчеркивают многие специалисты в области педагогики, психологии и медицины организация отдыха детей и подростков «...представляет собой сложный многоступенчатый процесс, который включает комплекс различ-

ных мероприятий и создание определенных условий, обеспечивающих развитие творческого потенциала личности. Безусловно, что главными задачами в данном аспекте является охрана и укрепление здоровья детей, профилактика заболеваний, занятия физической культурой, спортом и туризмом, а так же формирование здорового образа жизни у детей и подростков. Однако не менее важным является формирование и поддержание не только физического, но и духовно-нравственного здоровья ребенка» [1, с. 35].

Все чаще нам приходится слышать о профильных детско-юношеских этнических лагерях, организованных с целью создания единого этно-культурного пространства.

Во многих регионах, таких как Республика Мордовия (РМ), Башкортостан, Чувашия, Самарская и Пензенская области, в летний период проводятся тематические профильные смены, посвященные культуре и традициям финно-угорских народов.

Все эти профильные детско-юношеские лагеря ставят такие цели, как:

1. Актуализация этнокультурного потенциала региона в образовательной работе с подрастающим поколением, формирование детской этнической площадки.

2. Привлечение детей и подростков к научно-исследовательской работе в области археологии, этнографии, фольклора, этнического искусства.

3. Воспроизведение и трансляция этнокультурных ценностей, возрождение традиций, изучение материальной и духовной культуры своего народа.

Министерством образования Республики Мордовия в период с 26 июля по 8 августа 2009 года для победителей и призеров межрегиональной и республиканской олимпиад по мордовским (мокшанскому, эрзянскому) и татарскому языкам и литературе была организована образовательно-оздоровительная этнокультурная лагерная смена «Живи, родной язык!» на базе детского оздоровительного лагеря «Орленок» Ичалковского района РМ.

Основными целями и задачами образовательно-оздоровительного этнокультурного лагеря «Живи, родной язык!» можно назвать:

— развитие познавательных интересов в изучении родного языка, культурно-исторических, духовно-нравственных ценностей мордовского и татарского народов;

— создание единого этнокультурного образовательного и воспитательного пространства;

— воспитание активных, ответственных граждан, осознающих себя представителями своего народа, способных сохранять и развивать национальные традиции и культуру, быть равными среди других культур и народов;

— развитие и укрепление региональных и межрегиональных отношений, дружеских контактов;

— формирование ценности здоровья, здорового образа жизни.

В этнокультурной лагерной смене «Живи, родной язык!» принимали участие 24 школьника из общеобразовательных учреждений Республики Мордовия, в том числе 8 детей из Республик Башкортостан, Татарстан, Чувашия.

В работе этнокультурной лингвистической лагерной смены «Живи, родной язык!» принимали участие учителя мордовского (мокшанского, эрзянского) и татарского языков и литературы, которые организовывали воспитательно-образовательный процесс, обеспечивали выполнение учебного плана и программы работы лагеря, отвечали за состояние учебно-воспитательной работы в предметных группах, организацию труда и отдыха учащихся, оздоровительных мероприятий и исследовательской деятельности [2].

Так же дети и подростки Республики Мордовии неоднократно становились участниками межрегиональных этнокультурных лагерей. Так например делегация из Мордовии приняла участие в XVIII смене межрегионального лагеря финно-угорских народов, посвященная 100-летию детского движения в России. Для участия в смене собралось 150 представителей всех финно-угорских народностей. Каждый стремился проявить свои национальные особенности, рассказать о традициях, обычаях, и в целом о культуре своего народа.

Представители Мордовии постарались познакомить участников лагерной смены с Республикой Мордовия — показали презентационный фильм о Мордовии, рассказали о достижениях и успехах республики, представили отчет о деятельности молодежных общественных организаций, основных направлениях молодежной политики в РМ. Главной особенностью лагеря стал финно-угорский колорит, который чувствовался во всем. Участники с удовольствием демонстрировали свои национальные костюмы. Проводились этнодискоотеки с мордовским, удмуртским, марийским музыкально-песенным репертуаром, народные игры и забавы. Особое внимание уделялось воспитательно-образовательной компоненте лагерной смены, развитию лидерских качеств и самоуправленческих начал. Инициативу проведения многих мероприятий взяли на себя мордовские участники. Они занимались организацией творческих утренних зарядок, проведением мордовских этноигр, мастер-классов, проводили огоньки. За это они были удостоены многочисленных дипломов и подарков [3].

Уже традиционным для Республики Мордовия является ежегодный лагерь финно-угорской молодежи «Созидание». В рамках реализации плана мероприятий по подготовке и проведению в 2012 году 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, при поддержке Совета по координации молодежных программ и поддержке молодежного движения при Главе Республики Мордовия, с 12 по 17 февраля 2011 г. в г. Саранске состоялся лагерь финно-угорской молодежи «Созидание 2011».

Программа лагеря была направлена на создание условий для развития устойчивых межрегиональных связей, межкультурного взаимодействия и духовного единения в формировании гражданского общества, а также на подготовку волонтеров из числа финно-угорской молодежи к празднованию 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства [4].

Опыт положительно-окрашенного, эмоционального межнационального общения приобретенный в детском возрасте, когда нет еще устойчивых стереотипов, «предубеждений по отношению к людям не похожим на тебя» помогает формированию толерантного сознания и цивилизованных способов взаимодействия с представителями разных культур и национальностей [5].

Детский оздоровительный лагерь, предоставляя возможность активно участвовать в разнообразных видах деятельности, обеспечивает воспитаннику полную включенность в социально-значимые отношения и создает условия для общения, как со сверстниками своей национальности, так и с представителями других народностей. Именно поэтому детские лагеря, реализующие этнические программы, являются полноценными факторами формирования, становления, развития, воспитания и социализации разносторонней, толерантной, гармоничной личности, способной к критическому осмыслению мира, созидательной, инновационной деятельности в роли достойного гражданина современной поликультурной цивилизации.

Список использованной литературы

1. Горшенина Н.В. Особенности организации отдыха детей в условиях инновационных проектов современности // Детские оздоровительные центры в условиях инновационных проектов современности : материалы I Международной научно-практической конференции 19—21 сентября 2008 г. / под редакцией Т.Д. Молодцовой, В.Н. Вараксина. — Таганрог: НП «ЦРЛ», 2008. — С. 35—38.
2. <http://minobrazrm.e-mordovia.ru/>
3. <http://www.regnum.ru/news/1201073.html>
4. <http://www.fucongress.org/news/1297411794.html>
5. <http://gov.mari.ru/main/news/rep/educ/2008/3107.doc>

Содержание культурно-организационной деятельности студентов Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева в контексте этнической культуры финно-угорских народов

Тагаева Ж.А.,
соискатель кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Деятельность по организации досуга молодых людей, когда на первый план выходит необходимость в повышенной физической активности, в самореализации, самоактуализации, а также стремление проводить свободное время со сверстниками ради общения, требует должного социально-педагогического внимания во всех учебных заведениях и в вузах, в том числе. Для решения социально-воспитательных задач и в целях общественно-культурного развития в вузах создаются творческие объединения, разнопрофильные клубы, где студенты соприкасаются с разными видами и жанрами искусства. Как отмечает доктор философских наук, профессор института переподготовки и повышения квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук МГУ им. М.В. Ломоносова Галина Алексеевна Аванесова «...одна из разновидностей содержательного досуга связанная с обращением и осмыслением профессиональ-

ного искусства и народной культуры (своей или чужой). Это одна из наиболее устойчивых и масштабных разновидностей досуговой деятельности, способная выполнять множество рекреационных функций, притягивать к себе масштабные аудитории в разные исторические периоды...» [1, 58].

На сегодняшний день возрастает социально-воспитательная роль этнокультуры в системе высшего профессионального образования. Через народные праздники, традиции, связывающие настоящее с прошлым, осуществляется отбор и передача опыта, формирование, функционирование и развитие культуры (С.К. Бондырева, М.В. Захарченко, А.А. Корольков, Д.В. Колесов и др.). Использование в культурно-массовой деятельности социально-воспитательной работы национального компонента позволяет ненавязчиво, корректно приобщать молодежь (в нашем случае студенчество) к культуре своего народа, способствуя сохранению, изучению и развитию народных традиций и, соответственно, этнической культуры.

В системе внеучебной деятельности и социально-воспитательной работы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева существуют традиционные культурно-организационные мероприятия, организованные и проводимые Дворцом культуры и искусств, а также музейным комплексом. Каждое мероприятие, будь это конкурс, концерт, фестиваль или другие формы культурно-творческой деятельности, обязательно включают в себя номера художественной самодеятельности национального характера, элементы этнической культуры.

Представление о народных праздниках, традициях, о значении обычаев и ценности народной культуры, наиболее полно формируется у студентов при активном участии в традиционных народных праздниках. Данные мероприятия объединяют большое количество студентов разных факультетов и институтов, приобщая их к материальным и духовным ценностям своего народа. Такой подход в освоении народного творчества позволяет не только решать ряд социально-воспитательных задач, но и является мощным фактором сохранения и развития национальной культуры.

Народный праздник «Масленица», проходивший 3 марта 2011 г. на площади перед Институтом национальной культуры, приобрел этнический колорит благодаря включению в программу праздника мордовских танцев, которые открыли праздничную программу и были исполнены с большим вдохновением студентами хореографического коллектива «Dance House» (художественный руководитель заслуженный работник культуры Республики Мордовия Юшкина С. А.) Дворца культуры и искусств. Однозначно можно сказать, что именно национальные танцы и народная музыка создали атмосферу всеобщего праздника, привлекли и заинтересовали зрителей, сделали их активными участниками театрализованной программы. Танцы со зрителями плавно переходили в массовые народные игры (перетягивание каната, надувание шаров, гонки парами, веселые хороводики и др.), создавая на празднике атмосферу сплоченности, солидарности в зрительской студенческой среде. Организованное массовое действо явилось содержательной основой активного созерцания, переживания,

осознания и понимания студентами сопричастности к единой этнической культуре, к единому национальному самосознанию.

В основу яркого традиционного конкурса «Сударушка» 2011 года, была положена финно-угорская мифология. Участницы-конкурсантки предстали перед зрителями в образах финно-угорских богинь: Сеняша — эрзянская богиня обольщения, Котол-Эква — богиня солнца народов манси, Рананейдда — саамская богиня весны и плодородия, Толава — эрзянская богиня огня, Лунатар — богиня-создательница земли, Леля — богиня весны, Сел-Аня — богиня ветра и др.

Конкурсантки должны были изучить, узнать и постичь выбранный ими образ. Чтобы всесторонне раскрыть живое, наглядное представление избранной роли, как в костюме, так и в содержании, участницам конкурса пришлось как можно глубже познакомиться с финно-угорской мифологией, с устным народным творчеством финно-угорских народов. Некоторые конкурсантки приветствовали зрителей на языках финно-угорских народов и использовали в своем выступлении национальные мелодии и песнопения для создания наиболее яркого, колоритного и правдоподобного образа своих сценических героинь. Национальный колорит придавал небывалую самобытность и красочность конкурсным выступлениям, привлек большое внимание зрителей, как преподавателей, так и студентов. Огромный интерес вызвали к себе выступления популярных фольклорных коллективов Республики Мордовия среди них такие как: фольклорный коллектив «Торама» и национальный артфолк-оркестр «Морденс». Созвездие профессиональных вокально-хореографических коллективов Мордовии заслуженно продолжили студенческие самодеятельные художественные коллективы. Они представили на суд зрителей лучшие творческие номера этнической направленности, которые явились поистине достойным украшением многих конкурсных выступлений факультетов и институтов, нашего вуза, в рамках традиционного фестиваля самодеятельного художественного творчества «Студенческая весна 2011».

Конкурс «Сударушка», основанный на финно-угорской мифологии, способствовал оптимизации этнокультурного развития и воспитания студенчества, а также формирования и становления основ ментальности и творческого самовыражения студентов.

Активно используется этнический компонент социального воспитания студентов на традиционном фестивале самодеятельного художественного творчества «Студенческая весна», о котором уже упоминалось. Действительно каждый факультет и институт Мордовского университета стремился раскрыть самобытную, уникальную культуру мордовского народа в различных видах и жанрах искусства. Как правило, самые яркие выразительные номера художественной самодеятельности фестиваля «Студенческая весна» относятся к национальному фольклору, что свидетельствует о неугасаемом интересе и развитии студенческого творчества в этом направлении. На фестивале «Студенческая весна» 2011 года были представлены национальные вокальные и многочисленные хореографические постановки, такие как: «Мокшень Дарюта» мокшанская народная песня в исполнении вокального ансамбля филологического факульте-

та; «Эрзянь велесь» хореографическая композиция в исполнении хореографического коллектива экономического факультета; «Мордовские пряжи» хореографический номер танцевального коллектива историко-социологического института; каскад мордовских танцев аграрного института; народный мордовский танец в постановке архитектурно-строительного факультета и т. д.

«Художественная самодеятельность в своем развитии дифференцируется в зависимости от региональных, национально-этнических, жанровых, социально-демографических и других особенностей. С первых шагов она развивалась как явление национальное по формам и жанрам, интернациональное по содержанию» [2, с. 7—8].

Список использованной литературы

1. Аванесова Г.А. Культурно-досуговая деятельность: теория и практика организации: учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по спец. 100103 «Социально-культурный сервис и туризм»: рек. УМО учеб. зав. России по образованию в обл. сервиса и туризма Минобрнауки России / Аванесова Г.А. — Москва: Аспект Пресс, 2006. — 236с.

2. Каргин А.С. Самодеятельное художественное творчество: История. Теория. Практика: учебн. пособие. — М.: Высш. шк., 1988. — 271 с.

Место и роль детей в этнической культуре мордвы

Зангирова В.Ю.,
магистр I года обучения специальности «Психология»
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Среди богатого и своеобразного культурного наследия мордвы традиции, связанные с рождением и воспитанием детей, занимает приоритетное место. Педагогическая культура пронизывала все стороны жизни: религиозные воззрения, фольклор, обычаи, обряды, праздники.

В системе важнейших семейных ценностей мордвы дети играли приоритетную роль. Они поднимали статус, ценность человека, его общественную значимость и признание. Наличие в семье детей служило свидетельством удачного брака. Честь и хвала многодетным родителям подчеркивается всей мировоззренческой системой мордвы, ее ментальностью. Исходя из этого, традиционное демографическое поведение было ориентировано на высокую рождаемость. Идеалом мокшанской и эрзянской семьи считалось наличие большого потомства. В обыденном сознании такая семья была особо почитаема и признавалась богоугодной. Она ассоциировалась с муравейником и пчелиным роем. Многодетная мать имела высокий социальный статус и пользовалась особым почетом. Идеей многодетности пронизана вся мировоззренческо-социальная система. В

молитвах, заклинаниях, благопожеланиях одной из существенных просьб была мольба о ниспослании детей. На рождение большого потомства были направлены многие ритуалы календарных и семейных обрядов. Такое отношение к детям диктовалось не только природным чадолюбием. Традиционное демографическое поведение согласовывалось прежде всего с социально-экономическими условиями и нормами обычного права. Лучшая обеспеченность мордвы надельной землей и рабочим скотом создавали условия для применения труда новых поколений. Знаток мордовского быта В. Майнов писал: «Мордва постоянно нуждалась в рабочих руках, а семья — в детях, без которых, по народным меркам, крестьянское хозяйство никогда не станет зажиточным» [5, с. 147]. Только многодетная семья обеспечивала сохранение воспроизводства экономической, семейно-бытовой сферы, а также самих членов коллектива. По этическим нормам многодетность выступала как категория общественной значимости. «Многодетные родители человеческого рода продолжатели» — утверждает мордовская поговорка [3, с. 104]. В ряде случаев, наличие большого потомства в семье ценилось выше его материального достатка.

Дети — это не только надежда и опора в хозяйстве, но и гарантия обеспеченной старости. Человек чувствует себя в безопасности и более уверен в будущем при наличии у него детей. Свидетельством их значимости был широко распространенный обычай принятия в дом приемышей даже при наличии своих детей. Место детей в системе этноса определило отношение к бездетности. Отсутствие детей рассматривалось как самое большое несчастье: «Человек без детей, что сухое дерево без ветвей», «Бездетный дом, что дуплистое дерево: ни лыко, ни дров», «С детьми забота, без детей — горе» [12, с. 74—76]. Бездетность влияла на социальный статус супругов, их взаимоотношения в обществе, в родственном кругу.

Когда терялась всякая надежда на рождение ребенка, то брали приемыша. Эрзя охотнее усыновляла детей своих родственников, для мокши не было существенной разницы. Предпочтение отдавалось мальчикам, но не отказывались и от девочек. Особых обрядов при этом не производилось, лишь устраивалось небольшое моление, в котором просили покровителя дома принять и охранять нового члена семьи [5, с. 18]. Усыновляемый получал новую фамилию и пользовался всеми правами, в том числе и имущественными. От него требовалось, чтобы он называл приемных родителей отцом и матерью, стал опорой и помощником в хозяйстве, а также заботился о них в старости, с почетом похоронил, выполнив все обряды, предусмотренные традицией.

Усыновление ребенка изменяло социальный статус семьи. В глазах общины (общества) они совершили богоугодное дело и тем самым получали прощение и признание. Отныне семья становилась полноценной и могла функционировать согласно нормам обычного права. Как говорит поговорка: «Мать и отец не те, кто родил, а те кто, вырастил, воспитал, на ноги поставил», «Не та мать хорошая, которая тебя родила, а та, которая тебя воспитала». [8, с. 42].

Таким образом, дети в этнической культуре мордвы всегда занимали важное место, которое определялось социально-экономическими условиями, нор-

мами обычного права и согласовывалось с особенностями крестьянской жизни, а также являлись безусловной ценностью всего народа.

Список использованной литературы

1. Глухова Н.Н. Система ценностей финно-угорского суперэтноса: монография. — Йошкар-Ола, 2009. — 276 с.
2. Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы / В.Н. Майнов. — Спб, 1885. — 112 с.
3. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. — Саранск, 1986. — 432 с.
4. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. — Саранск, 1963. — Т. 4. — Кн. 1. — 382 с.

Понятие народного воспитания

Янгаева Н.К.,
магистр I года обучения специальности «Психология»
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Народная педагогика — это традиционная для народа практика воспитания со своими сложившимися в ней знаниями, принципами, идеалами, которые закрепились в народных заповедях, образах фольклора, прикладного искусства, других формах отражения и преобразования действительности [1, с. 45].

Выдающиеся педагоги Ян Амос Коменский (1592—1670) [5], Константин Дмитриевич Ушинский (1824—1870) [8], Василий Александрович Сухомлинский (1918—1970) [6], и другие много внимания уделяли изучению педагогических воззрений народа и его педагогического опыта. Педагоги — классики полагали, что народная педагогика обогащает науку о воспитании, служит ей опорой и основой, поэтому важным для развития педагогической науки является возвращение к истокам этнических культур на основе познания самобытности и уникальности каждого народа, введение в практику работы с детьми педагогического опыта, накопленного тем или иным народом [3, с. 56].

Национальное воспитание лежит в основе такой науки как этнопедагогика. Впервые термин «Этнопедагогика» был предложен Геннадием Никандровичем Волковым в книге «Этнопедагогика чувашского народа». Это наука об эмпирическом опыте этнических групп в воспитании и образовании детей, о морально-этических и эстетических воззрениях на основные ценности семьи, рода, племени, народности, нации [2, с. 127]. В настоящее время термин «этнопедагогика» является неотъемлемой частью понятийно-терминологического аппарата педагогики.

Этнопедагогика является наукой, которая изучает эмпирический опыт этнических групп в области воспитания и образования детей, морально-

этнических воззрений на основные ценности семьи, рода, племени, народности, нации, т. е. в целом этнической общности. Этнопедагогика изучает процесс социального взаимодействия, в ходе которого воспитывается, развивается личность, усваивающая социальные нормы, ценности, опыт, собирает и систематизирует народные знания о воспитании и обучении детей, народную мудрость, отраженную в религиозных учениях, сказках, былинах, притчах, песнях, загадках, пословицах, играх и т.д., в семейном и общинном укладе, быте и традициях, выявляет педагогические мысли и воззрения, т.е. весь педагогический потенциал, оказывающий влияние на процесс историко-культурного формирования личности. Этнопедагогика объясняет народную педагогику и предлагает пути ее использования в современных условиях, собирает и исследует опыт этнических групп, основанный на многовековом, естественно развивающемся соединении народных традиций. Этнопедагогика — это один из способов вхождения человека в народную культуру [2, с. 129].

Выдающиеся педагоги прошлого много внимания уделяли изучению педагогических воззрений народа и его педагогического опыта. Педагогиклассики полагали, что народная педагогика обогащает науку о воспитании, служит ее опорой и основой. Я.А. Коменский на основе обобщения опыта домашнего воспитания в трудовых семьях выдвинул и разработал идею «материнской школы», цель которой — все семьи поднять до уровня лучших семей, где разумнее всего поставлено воспитание. При обосновании принципа природосообразности великий педагог также учитывал народный опыт. Некоторые дидактические правила даны им в форме народных афоризмов, а в ряде случаев народные афоризмы составляют какой-то элемент дидактических положений [1, с. 56].

Я.А. Коменский свою просветительскую деятельность начал как собиратель произведений устного творчества чешского народа, как исследователь его традиций и обычаев. Первый труд, задуманный им, — это «Сокровищница чешского языка», в которой он мечтал собрать все — отточенные граниты слов, жемчужины поговорок, тонкие созвучия выражений и оборотов речи [1, с. 58].

И.Г. Песталоцци в своих произведениях «Как Гертруда учит своих детей», «Книга для матерей», «Лингард и Гертруда» дает педагогические выводы в форме народной педагогики, как результат обобщения педагогического опыта необразованной крестьянской семьи; как воплощение своей мечты о такой школе, которая соответствовала бы потребностям народа. И.Г. Песталоцци все время апеллирует к народному педагогическому опыту и народным воззрениям на воспитание. Отчий дом он называет школой нравов. По его мнению, средства воспитания народная школа должна черпать в самой жизни народа [5, с. 86].

Народную педагогику К.Д. Ушинский считал одним из важнейших факторов, под влиянием которых складывалась отечественная педагогическая наука. Он высказал самое главное и самое важное для всей педагогической науки: «Народ имеет свою особую характеристическую систему воспитания... Только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития» [8, с. 120]. Сказки и рассказы К.Д. Ушинского — лучший при-

мер использования народной педагогики в воспитании как в семье, так и в школе. Народная педагогика — не наука, но предмет науки этнопедагогики.

В народной педагогике господствует живой опыт воспитания. Народная педагогика, отражая определенный уровень педагогических знаний, конкретный исторический этап в духовном прогрессе человечества, служит основой, на которой возникла и развивалась педагогическая наука. Но и в последующем — как возникновение художественной литературы не уничтожило устного творчества, так и педагогическая наука не вытеснила совсем из повседневной жизни народа его педагогические воззрения. Педагогическая наука и народная педагогика вступили в сложные взаимодействия друг с другом и взаимно благоприятствовали развитию друг друга, создавая единое пространство, которое может быть названо педагогической культурой.

В народе испокон веков вырабатывался свой, самобытный нравственный уклад, своя духовная культура. У всех народов было много обычаев и традиций, облагораживающих жизнь трудящихся. Они проявлялись и в отношении к природе, и в поэзии земледельческого труда, и в устном народном творчестве, и в удивительных народных ремеслах, и в красоте одежды, и в православных законах гостеприимства, и в добрых обычаях хорошего тона и правилах приличия.

Многогранная жизнь народа, его борьба и победы — основной и главный объект исторической и других гуманитарных наук. К их числу относится и этнопедагогика, предмет которой — народная педагогическая традиция. Изучение народного творчества чрезвычайно важно для выявления того ценного, что вкладывает каждый народ в мировую культуру. Изучая народное творчество, этнопедагог нередко помогает его возрождению и дальнейшему развитию. Но так как педагогическая культура использовала народное творчество, развивала его и была неразрывной его частью, то сказанное справедливо для любых историко-педагогических исследований [2, с. 165].

Этнопедагогика исследует педагогический опыт трудящихся, выявляет возможности и эффективные пути реализации прогрессивных педагогических идей народа в современной науке и практике, анализирует педагогическое значение тех или иных явлений народной жизни и разбирает их соответствие или несоответствие современным задачам воспитания [3, с. 88].

Этнопедагогика выясняет педагогические возможности старых обычаев в современных условиях и определяет целесообразность новых обычаев, содействующих воспитанию человека. Она делает достоянием педагогов воспитательный опыт многих народов. Сравнительный анализ педагогических достижений позволяет выделять наиболее рациональное, наиболее объективное и ценное для педагогической теории и практики. Таким образом, этнопедагогика обращена лицом к практике, она служит ей, вооружая учителей педагогическими средствами, проверенными многовековой воспитательной практикой [2, с. 180].

Предмет этнопедагогики включает следующие проблемы: педагогика семейного быта; поговорки и пословицы народов мира и их значение и передаче нравственного опыта подрастающим поколениям, загадки как средство умственного воспитания; народные песни и их роль в эстетическом воспитании де-

тей и молодежи, самодельные игрушки и творчество детей; детская и молодежная среда, ее педагогические функции; колыбельные песни народов мира как выдающиеся достижения материнской поэзии, материнской школы и материнской педагогики; общность педагогических культур разных народов и национальная их самобытность и др. [4, с. 207]

Общность педагогических культур объясняется многими факторами:

- а) общностью исторических условий развития разных народов;
- б) общностью целей и интересов народов всех стран, их общечеловеческими духовно-нравственными ценностями;
- в) общностью основ народной психологии;
- г) общностью географических условий;
- д) взаимовлиянием педагогических традиций разных народов [9, с. 67].

Эта общность проявляется в представлениях народа. Например, в представлении о единстве трудящихся. Поговорка «В единении — сила» на многих языках звучит как афоризм. Пословицы и поговорки разных народов, призывающие трудящихся к объединению своих усилий, звучат по-разному, но имеют одинаковый смысл: в них показывается всесильность сплоченных людей и обреченность человека, оказавшегося вне общества.

Этнопедагогика показывает, что у всех народов, в том числе и исчезающих, в древней самобытной культуре много такого, что в состоянии обогатить мировую цивилизацию.

Этнопедагогический обзор народов России, начиная с чукчей и кончая русскими старообрядцами в Латвии, дает уникальную информацию о великой стране — о России, объединяющей более ста наций и народностей. Веками находясь в дружеских отношениях, они взаимно обогащают друг друга этнопедагогическими приобретениями. И все они велики и гениальны. Народы, объединенные общностью целей, поднимаются на еще более высокий уровень культуры и нравственности. Как все нерусские народы достигли огромных успехов в своем развитии при поддержке русского народа, так и русский народ поднялся на вершину своего величия и славы при бескорыстной материальной и духовной помощи всех других народов. Величие отдельных народов является неразрывной гармонической частью величия общей отчизны дружных народов и в материальном, и в духовном отношениях, в том числе и в педагогическом [9, с. 45].

Итак, этнопедагогика изучает:

1. основные педагогические понятия народа (уход, воспитание, самовоспитание, перевоспитание, наставление, обучение, приучение);
2. ребенка как объект и субъект воспитания (родное дитя, сирота, приемыш, ровесники, друзья, чужие дети, детская среда);
3. функции воспитания (подготовка к труду, формирование морально-волевых черт характера, развитие ума, забота о здоровье, привитие любви к прекрасному);
4. факторы воспитания (природа, игра, слово, общение, традиция, дело, быт, искусство, религия, пример-идеал (личности-символы, события-символы, идеи-символы));

5. методы воспитания (убеждение, пример, приказ, разъяснение, приучение и упражнение, пожелание и благословение, заклинание, клятва, просьба, совет, намек, одобрение, упрек, укор, уговор, заповедь, поверь, завет, зарок, раскаяние, покаяние, проповедь, завещание, запрет, угроза, проклятие, брань, наказание, побои);

6. средства воспитания (потешки, считалки, пословицы, поговорки, загадки, эпос, сказки, легенды, предания, мифы и т. д.);

7. организацию воспитания (трудовые объединения и организации детей и молодежи, молодежные праздники, общенародные праздники) [9, с. 56].

Внутри каждой из названных тем — большое число вопросов и проблем, требующих пристального внимания педагога, изучение которых поможет глубже понять особенности народной педагогики и культуры. Например, уход за ребенком — одно из первых педагогических понятий народа. Он включал в себя кормление, пеленание, одевание, купание, лечение, прогулки и т.п. Много веков тому назад народ уже не только представлял эти элементы отдельно, но и связывал с ними отдельных лиц: кормилицу, няню, гувернера и т.п. У каждого лица были вполне определенные обязанности. Если кормилицы были из среды простонародья, то кормильцами становились только наиболее знатные бояре и брали их только в княжеские семьи. В крестьянских семьях лучшими няньками оказывались бабушки, старшие сестры и братья [9, с. 95].

Безграничный простор для исследования представляет и слово как фактор воспитания. Материнский язык — основа основ развивающейся личности. Мать, лишившая своего ребенка родного языка, духовно порывает с ним, что в последующем развивает в нем комплекс человеческой и этнической неполноценности. В результате деэтнизации человек, теряя лучшие черты и свойства родного народа, взамен не приобретает ничего. В народе говорят: «Не та мать, кто родила, а та, кто воспитала». Нет полноценного воспитания вне сферы духовной культуры родного народа. Новые исторические условия выдвигают много новых вопросов, требуют иных решений старых проблем. Сложно взаимодействие воспитания и религии. Это еще одна обширная область этнопедагогических исследований [9, с. 97].

Педагогическая наука ставит и решает много проблем, которые никогда не ставились и не могли ставиться народной педагогией. В то же время и у народной педагогики есть такие находки, на которые педагогическая наука не обращала внимания, несмотря на их бесспорную воспитательную ценность. Этнопедагогические исследования могли бы привлечь внимание педагогов к этим находкам, оживить их, вернуть в народное педагогическое сознание, в том числе — и родителям как естественным воспитателям. Сегодня некоторые старинные обычаи становятся общегосударственными традициями: проводы зимы, фестиваль «Русская зима», сабантуй, акатуй — праздник песни и труда (у татар и чувашей), праздник цветов (у марийцев) и другие. Опыт показывает, что эффективность учебно-воспитательной работы порою немало зависит от умелого использования педагогических традиций народа, в которых, что очень важно, воспитание и обучение осуществляется в гармоническом единстве. Народные этические и педагогические традиции в настоящее время настолько преданы

забвению, что их творческое возрождение вполне справедливо воспринимается как своего рода инновационный феномен. Их диалектическое приспособление к новым социальным условиям приводит к педагогическим находкам, порою — к неожиданно продуктивным новшествам [2, с. 101].

Педагогическая культура народа — это та сфера его материальной и духовной культуры, которая непосредственно связана с воспитанием детей. Она проявляется в колыбельных и игровых песнях, игрушках и детской одежде, в подвижных играх, детских орудиях труда, в детском питании и правилах кормления детей, в детском фольклоре, традиционных детских праздниках и во многих других элементах народной жизни [7, с. 95].

Список использованной литературы

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII в.в. — М., 2005. — 161 с.
2. Волков, Г.Н. Этнопедагогика / Г.Н. Волков. — Чебоксары, 2005. — 376 с.
3. Волков, Г.Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений / Г.Н. Волков — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 168 с.
4. Каиров, И.А. Азбука нравственного воспитания / И.А. Каиров. — М.: Просвещение, 2005. — 319 с.
5. Коменский, Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие / Я.А. Коменский. — М.: Педагогика, 2001. — 195 с.
6. Сухомлинский, В.А. О воспитании / В.А. Сухомлинский. 2005. — 272 с.
7. Титаренко, В.А. Нравственное воспитание в семье. Культура семейных отношений / В.А. Титаренко. — М.: Просвещение, 2006. — 125 с.
8. Ушинский, К.Д. О народности в общественном воспитании. Избр. пед. соч. / К.Д. Ушинский — М. : Педагогика, 2005. — 123 с.
9. Этнопедагогика : Курс лекций. — Сибай: Изд-е Сибайского института БГУ, 2004. — 158 с.

Особенности традиционного воспитания обских угров: ханты и манси

Артюшкина Ю.А.,
магистр 1 года обучения специальности «Психология»
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Винтин И.А.,
доктор педагогических наук, профессор
кафедры «Педагогической психологии и педагогики»
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Воспитание детей у коренных народов Западной Сибири имело свои особенности. Специфические особенности воспитания детей в семье хантов и манси своими истоками уходят к жизненным традициям и обычаям, связанным с продолжением рода и активным участием в трудовой деятельности.

Важно подчеркнуть, что своеобразные обычаи, диктуемые образом жизни в тундре, выработаны и в области семейных отношений у хантов и манси, что, конечно же, влияет на воспитание детей. Традиционно соблюдалось распределение семейных ролей: муж — кормилец, хозяин родового огня, продолжатель рода и фамилии, а женщине предназначалось заботиться о его одежде и обуви, пище и покое, любыми способами стараться помочь ему, когда он окажется в беде [3, с. 225].

Обские угры сохранили такие ценности и приоритеты в воспитании детей в семьях как [3, с. 226]:

- ответственность и взаимопомощь (особенно между родственниками) стремление выжить в суровых условиях;
- моральные требования, предъявляемые к детям, подкрепляются конкретными примерами поведения взрослых;
- в практическом обучении детей особая роль принадлежит наглядному примеру взрослых;
- немногословность и сдержанность в речах, осмотрительность и осторожность в делах;
- доброта к окружающим, бережное отношение к родному краю, тундре, стремление сохранить ее для будущих поколений (к ней относятся как к народному достоянию, житнице и «кладовой без замков»);
- сила и действенность слова по своему значению приравнивается к поступку: все, что человек сказал, он должен выполнять так же неукоснительно, как и решения, принятые на (ях ахты сыты) — общественном собрании.

Перед родами была исповедь в грехах, особенно в измене мужу. При появлении первых схваток женщина готовила окончательно место для родов.

Когда в хантыйской семье появлялся на свет новый человек, здесь его ждали сразу четыре мамы. Первая мама которая родила, вторая (пупок мать) — принявшая роды, третья (носить, нести на руках мать) — та, что первой подняла ребенка на руки, и четвертая (крест мать) — крестная мама. Пукан Анки это мать, обрезавшая пупок новорожденному. Согласно некоторым мифам, создание людей происходило в два этапа. Древние люди огромного роста и без пупка были бессмертными. Современные люди в отличии от древних — с обрезанным пупком. Ханты, когда желали подчеркнуть, что человек — не зверь и не лесное существо, говорили: «с обрезанным пупком человек, неужто» [9, с. 43].

Роль повитухи во время родов была многофункциональной. Очень часто повитуха являлась связующим звеном между миром духов и миром человека при помощи Ушпай. «Ушпаен катлый» — просила повитуху будущая мать. Та брала в руки Ушпай, целовала ее и начинала шептать слова-молитвы, слова-просьбы о здоровье матери и ребенка, о благополучном исходе родов. Повитуха держала Ушпай за ниточку, и та начинала раскачивать, по принципу маятника. Гадание сопровождалось угощением — будущая мать ставила столик со сладостями и горячим чаем, угощала духов и повитуху [7, с. 76].

В приготовлении к родам повитуха принимала самое непосредственное участие, стелила еловый лапник, циновку, выдвигала доски пола, поддерживала огонь в очаге, приносила воду.

Во время родов женщина стояла на коленях, а локтями опиралась на мешок с обувью. Положение роженицы в колено-локтевой позе напоминала болотную лягушку. Рядом находилась ее сумка. На женских сумках помещался орнамент, изображавший лягушку либо соболя. Эта орнаментальная вставка занимала центральное место в оформлении, и называлась «лицо сумки». Отличительной чертой, связанной с этим изображением, было то, что оно полностью было закрыто бахромой из замши и нанизанными на бахрому бусами, с привязанными на концах металлическими литыми пластинами. Эти украшения называли «ноги сумки». За таким плотным занавесом бахромы не были видны орнаменты. Они относятся к женским символам, смотреть на которые можно было не всем. Интересна еще одна особенность сумки — она всегда была на виду, ее никогда не прятали. Во время родов сумка висела на шесте чума тут же рядом, завернутая в платок. В очаге постоянно горел огонь, рядом с женщиной постоянно находился кто-нибудь. При повторном появлении схваток женщина, чтобы не кричать, кусала край детского одеяла, сложенного вдвое. Кричать нельзя. Когда отходили роды, промежутки между схватками учащались. Если роды задерживались, то женщина, которая умела ворожить, брала в руки «ушпай» и ворожила [2, с. 59].

Во время родов повитуха присутствовала возле рожавшей женщины неотлучно, следя за ее состоянием. Принимала младенца, осматривала его, обрезала пуповину, перевязывала нитью, которая была на поясе Ушпай. При необходимости повитуха оказывала первую помощь младенцу, если тот не кричал после появления на свет, она шлепала его по ягодицам ладонями, заставляла плакать. Если младенец не подавал признаков жизни, повитуха применяла шоковую терапию — доставала из игольницы рядом стоящей сумки толстую иглу с оленьей

сухожильной ниткой, проколов левую ладонь иглой, протаскивала эту нить. Малыш начинал кричать. Его клали голенького на сухую траву [2, с. 60].

Затем внимание повитухи переключалось с ребенка снова на мать. Второй заботой повитухи был послед, или детское место. В мировоззрении хантов послед занимал немаловажное место. Если он выходил по частям, то их складывали и смотрели, все ли кусочки вышли из матки. Убедившись в том, что все части последа вышли, помещали их в специально приготовленный кузовок. Из Ушпай брали хлопчатобумажную нить и перетягивали пуповину. Оставшуюся за ниткой часть пуповины отрезали ножом и помещали в кузовок с последом. Свежую кровоточащую ранку посыпали пеплом от жженого беличьего хвоста, и повитуха укладывала младенца в приготовленную люльку. Его укладывали на правый бочок, чтобы ребенок не захлебнулся слюной или материнским молоком. На другой день туесок с последом относили в лес и привязывали на ель. Прежде чем унести туесок в лес, устраивали угощение [2, с. 62].

Нужно отметить, что роль повитухи и роль пукан Анки по отношению к младенцу неодинаковы. Женщина, принимавшая роды, не всегда могла или хотела быть в роли пукан Анки. Если повитуха отказывалась быть пуан Анки для младенца, тогда мать новорожденного искала для малыша другую женщину. При совпадении ролей повитухи и пуан Анки говорили: ее собственный сын (дочь) [6, с. 285].

Ребенка помещали в колыбель из старой бересты. После временной колыбели ребенок получал две постоянные — ночную и дневную. Первая — это берестяная коробка с закругленными углами, завязками над тельцем и дугой над головой — для накидывания покрывала. Дневные колыбели — двух видов: деревянная со спинкой и берестяная со спинкой, украшенная узорами. На берестяную подкладку внутри колыбели насыпали хорошо размельченные и просушенные древесные гнилушки, они впитывали выделения, устраняли их запах. К тому же береста и чага имеют выраженные антимикробные, бактерицидные свойства, что защищало младенца от инфекционных или вирусных заболеваний. При намокании их убирали, но складывали лишь в определенных местах. Нельзя, например, считалось, класть их под растущее дерево, иначе ребенок будет качаться от ветра. На спинку, под головку ребенка прикрепляли мягкую шкуру. К колыбелям было особое отношение: счастливую берегли и передавали из поколения в поколение, а ту, в которой дети умирали, уносили подальше в лес. На берестяную колыбель наряду с другими узорами наносили изображение глухаря — хранителя сна [10, с. 53].

Колыбель служила ребенку микрожилищем до трех лет. Он не только спал в ней, а нередко и сидел днем. Для кормления мать ставила колыбель себе на колени, а когда нужно было удалиться, подвешивала ее за ременные петли к шесту чума либо к крюку в потолке избушки. Можно сидеть и работать рядом, качая колыбель ногой, продетой в петлю. При пеших переходах ее носили за спиной, соединив ременные петли на груди, а на время остановки в лесу подвешивали к наклонному дереву повыше от земли, где меньше мошки и не может заползти змея. В поездке на оленях или собаках мать ставила колыбель на свою

нарту. Если ребенка оставляли дома одного, то в колыбель для охраны от злых духов клали символ огня — нож либо спички [10, с. 55].

В первые месяцы новорожденного заворачивали в пеленки из мягкой носенной одежды и одеяльце из шкурки зайца. Иногда на другой же день, а иногда через три-четыре месяца ему шили рубашку. Применялись нагрудники из мягкой кожи, ткани или бересты. Мальчикам в колыбель клали набедренник из бересты для предохранения одежды от мокроты. Применялись и берестяные наколенники, по преставлению хантов, предохраняющие ножки ребенка от искривления. Таких чисто детских элементов одеяния было немного. Еще в грудном, а точнее, в колыбельном возрасте детям шили почти полный комплект одежды — такой же, как у взрослых, но из более мягких материалов. Украшали ее иногда даже богаче, чем взрослому, прикрепляли колокольчики; девочкам надевали миниатюрные украшения. Дети рано получали небольшие копии других предметов взрослых: ножа, лука со стрелами и т. д. [3, с. 230].

У северных хантов считалось, что в новорожденного вселяется душа кого-либо из умерших, и нужно было определить, чья именно. Для этого проводилось гадание: называли поочередно имена умерших родственников и каждый раз поднимали люльку с новорожденным. На каком-то из имен люлька как бы прилипала, ее не могли поднять. Это было сигналом что к ребенку «прилипла» душа названного человека, чье имя и получал ребенок. Вместе с именем к нему переходила и родительская функция. Дети умершего считались теперь детьми новорожденного. Они называли его мамой или папой, делали подарки и относились как ко взрослому [5, с. 64].

Кроме упомянутого обычая давать новорожденному имя кого-либо из родственников у хантов была и другая традиция — называть человека по характерному признаку, поступку или событию. Такое описательное имя могло появиться в любом возрасте.

В XVII в. проводилось крещение хантов, при этом им давали христианские имена. Затем царской администрации потребовался учет жителей, при котором были введены отчества и фамилии, образованные от имен. С тех пор существуют две антропонимические системы — народная и официальная [10, с. 64].

При описании традиционных обрядов, известных у хантов, этнографы рассматривают процедуры очищения людей, жертвенных животных, прикладов, помещений и т. д. Однако до сих пор малоисследованной темой остаются обряды, связанные с очищением женщины после месячных, очищения матери и ребенка после родов.

В литературе обряд алтапса описывается как обряд очищения после родов. Обряд очищения матери и ребенка осуществлялся после того, как у ребенка отпадала пуповина и состояние матери после родов нормализовалось. Она говорила женщине, принимавшей роды о том, что у нее все хорошо. Повитуха в первые дни являлась, говоря современным языком, потронажем для младенца и консультантом для матери. Во время обряда очищения мать выбирала одну из девочек на роль алмат анки. Она проводила купание ребенка и перекладывала его во вторую (деревянную) люльку. Название алтам анки связано со словом ал-

тапса, алты «ноша, поклажа», «нести, носить кого-либо». Алтам анки несла ребенка на обряд алтапса [8, с. 24].

Обряд очищения проводили в лесу, в том месте, где обычно или чаще всего бывали только женщины. Это место называлось ур алан «начало леса, окраина леса».

Мать новорожденного приготавливала все необходимое для совершения ритуала. Брала с собой в лес топор, нож, спички, кусок чаги, состав йол. Вместе с младенцем, выкупанным, переложеным в новую люльку, укрытым новым красивым платком, шли в лес. Там находили пол юх, сгнивший на корню ствол дерева — березы или тала. Сначала снимали топором древесную кору, придавали ей нужную форму, а затем ножом быстро выправляли неровности и получали уменьшенную нарту (сани). Она странным образом напоминала лодку: имела явно выраженную форму носа лодки, пять сидений-углублений (какие имеются в лодках) и заканчивалась кормой. Углубления омсты лотат, омсты тахайт «места для сидений» располагались в ряд вдоль нарты. В эти нарты, как в настоящей оленьей упряжке, запрягались веерообразно три «оленя». Имитирующие ухал пуши хоптэнан двух быков для грузовых нарт две палочки-веточки втыкались в корму. Тут же из прутиков сворачивали четыре (для девочек) и пять (для мальчиков) колец — хорей для оленей [3, с. 231].

«...Закончив все приготовления, женщины приступали к исполнению очистительных процедур. В первое углубление нарты-лодки клали йол и чагу, а поверх горящий уголек и раздували его. Через этот огонь с йолом первой прыгала алтам Анки с младенцем на руках, затем мать новорожденного и все присутствующие девочки и женщины. Перепрыгивали пять раз через нарточки, соответственно пяти йол, пяти углублениям-сидениям, если очищались при рождении мальчика и четыре раза — если родилась девочка. Кто-то нечаянно опрокидывал нарты набок, и все смеялись над неуклюжестью данной особы, шутили, разговаривали.

После все шли домой, первой с младенцем на руках шла алтам анки. Если это была семья оленеводов, то алтам анки легонько постукивала по стоявшим у дороги настоящим нартам и при этом приговаривала: «...болезни-хвори, плач, упрямство на улице оставь!». При входе в жилище она постукивала краешком люльки о дверной косяк или о шест чума и повторяла эти же слова.

Войдя в помещение, люльку с младенцем ставили на почетное место. Поверх платка, которым он был укрыт, лежали четыре-пять веревочек для кос, их вместе с платком дарили алтам анки. Пукан анки получала в подарок красивый платок и хороший нож для рукоделия — нож, которым она обрезала пуповину младенцу.

Хозяйка накрывала стол для гостей, его ставила в передний угол, оттуда по солнцу разворачивала и приглашала гостей к чаю. Отмечали няврем поры «ребенка угощение», или день рождения ребенка» [3, с. 231—232].

У хантов женщина кормила ребенка грудью до двух-трех лет, а то и позже. На время длительной поездки ему давали сосать беличью лапку либо оленье сухожилие. И в эти, и в последующие годы детям не готовили пищу отдельно, они ели из общего котла. Конечно, им уступали лакомства, например мягкий кост-

ный мозг или кожицу с летних рогов оленей — хантыйскую жевательную резинку. Из покупных продуктов дети чаще ели печенье, сгущенное молоко. За столом дети сидели со взрослыми и пользовались той же посудой [2, с. 246].

Игрушками детей служили в основном миниатюрные копии вещевого набора взрослых: у девочек — игольничек, коробочка со швейными принадлежностями, люлечка, у мальчиков — лодочка, лучок со стрелами, фигурки оленей. Детские куклы имели одну особенность — у них не было глаз, носа, рта. Фигурки с чертами лица — это уже изображение духа, который требовал заботы и почестей, а если не получал их, то мог принести владельцу вред. Поэтому старики неодобительно относились к покупным куклам. Игры для детей были нередко уроками труда [3, с. 232].

Девочек с 5—6 лет готовят к роли хозяйки: их помощь используется при наведении порядка в доме, при приготовлении пищи, при заготовке продуктов впрок. На девочек возлагается забота о младших детях. Большое значение придается обучению шитью и рукоделию. В шестилетнем возрасте мать изготавливает и дарит дочери специальную коробку для рукоделия (йиньт) из бересты и пихтовой коры. В ней девочка сначала хранит своих кукол, а когда подрастет и начинает учиться шить, складывает все вещи необходимые для рукоделия: игольницу с иголками, наперсток, нитки, бисер, пуговицы, бусы, кусочки тканей, сухожилия для нитей, ножницы. Коробка «йиньт» сопровождает женщину всю жизнь (по мере изнашивания старые берестяные коробки заменяют новыми), а после смерти ее кладут в гроб. Мать и старшие сестры показывают девочке, как разминать шкурки животных, выкраивать их, нанизывать бисер, подбирать кусочки кожи для аппликаций [3, с. 233].

Первыми самостоятельными изделиями девочки бывают одежда для кукол, матерчатые игольницы, несложные украшения из бисера. В подростковом возрасте девочку учат выделывать оленьи шкуры, обрабатывать нити, шить одежду, изготавливать берестяную утварь. Работа с берестой начинается с изготовления не требующих сложной обработки сосудов для воды, кормушек для собак, затем — более сложных поделок. Девочка в семье обских угров с детства приучается разделывать рыбу, готовить пищу, делать запасы и сохранять их. Даже совсем маленькие девочки умеют правильно обращаться с острым ножом. Девочки не только присматриваются к женским занятиям, но принимают непосредственное участие в заготовках бересты, древесной коры, трав, ягод, дров, в изготовлении хозяйственной утвари и т. д. Взрослые делают из бересты посуду — девочки копируют, повторяя ее в миниатюре [11, с. 168].

Бабушка, мать или старшая сестра учат девочек узнавать и рисовать орнаменты, а также использовать их в изготовлении хозяйственной утвари, одежды, обуви. Девочкам поясняют значение фрагментов орнамента, помогают отыскивать в них сходство с фигурами птиц и зверей, вспоминая при этом подходящую сказку, что облегчает работу и пробуждает фантазию ребенка. Угадывание животных, птиц и растений в орнаменте и украшение им собственных игрушек развивает у детей художественный вкус и побуждает к творчеству [11, с. 167].

Хантыйские дети хорошо информированы об основных нормах взаимоотношений между родственниками их взаимных правах и обязанностях, обусловленных принадлежностью к той или иной экзогамной или внутрисемейной группе. Десятилетняя девочка может ответить на вопросы о родовой принадлежности ее самой, ее матери, отца и других близких родственников, хорошо знает родственную терминологию. Она знает, в присутствии каких родственников мать должна закрывать лицо, к кому нельзя обращаться по имени и т. д. С раннего возраста детей приобщают к родовым святыням. Как только ребенок начинает ходить, его берут на праздники, моления, к 5—6 годам он знает, как вести себя во время ритуалов [12, с. 69].

К 15—16 годам девушка уже сама шьет одежду, некоторую обувь, меховые сумки для отца и братьев. К 16-18 годам человек обретает физическую и социальную зрелость, становится полноправным членом общества, окончательно преодолевает детскую инакость.

Женщине полагается совершить жертвоприношение после замужества и рождения первого ребенка, что знаменует ее переход в категорию взрослых женщин.

Сыновей с 5—6-летнего возраста отец всюду берет с собой, знакомит их с хозяйством, промысловыми угодьями. Сначала мальчики наблюдают за действиями отца, слушают его объяснения, затем сами начинают выполнять посильные поручения: при ремонте и изготовлении лодок, нарт, упряжки подают инструменты, заготавливают необходимое сырье, во время летнего выпаса оленей разжигают и следят за дымокурами, ухаживают за оленями, на промысле разжигают костер, помогают ставить шалаши, учатся изготовлять и ставить ловушки. Уже к 8—9 годам мальчик самостоятельно рыбачит и проверяет силки, неплохо обращается с ножом и вырезает из дерева, самостоятельно запрягает оленя. С 10—12 лет ему разрешают пользоваться огнестрельным оружием и учат ухаживать за ружьем, стрелять в цель. Перед первой самостоятельной охотой обязательно устраивают проверку: подросток доказывает свою способность метко стрелять, ибо недопустимым считается оставлять раненого зверя на мучения [1, с. 192].

Одновременно с обучением промысловому искусству мальчика знакомят с правилами поведения в лесу, в том числе и нормами взаимоотношений между охотниками, отношениями с окружающей природой.

Воспитывая мальчиков ханты стремятся выработать в них смелость, находчивость, упорство. Иногда, если в семье не было взрослых мужчин, мальчики в меру своих сил заменяли их в охоте на пушных зверей и птиц.

В детстве ребенка готовят к самостоятельной жизни в обществе, постепенно он постигает весь комплекс навыков хозяйственной деятельности, знаний об окружающем мире и обществе, устоявшихся норм поведения. Главные воспитатели ребенка — это мать, отец и ближайшие родственники. Именно в семье закладываются основы воспитания. До 4—5 лет дети находятся под опекой матери, хотя отцы охотно играют, разговаривают с маленьким ребенком, ласкают его. В дальнейшем все большую роль в жизни мальчика играет отец, а мать остается наставницей девочки. Большую заботу о детях проявляют бабушки, де-

душки, тети, дяди со стороны отца и матери. Детский коллектив, в котором растет ребенок, также в основном состоит из родственников. На примерах из жизни своей семьи, рода, общины, дети усваивают основные знания, навыки, правила. С ранних лет начинается трудовое воспитание, которое осуществляется как через непосредственное наблюдение и участие детей в повседневной хозяйственной жизни, так и через игры, в которых они имитируют занятия взрослых. Личный пример родителей, их навыки имеют здесь первостепенное значение. Совсем маленьких детей уже учат помогать матери: они приносят дрова, убирают в доме, собирают и чистят ягоды [12, с. 84].

Очень рано приучают детей почтительно относиться к старшим. Дети не должны обсуждать поступки взрослых, вмешиваться в их разговоры, обязаны беспрекословно выполнять их просьбы. Ребенку запрещается поднимать руку на взрослого даже в шутку, и дети верят, что в наказание за такой поступок у драчуна в будущем будут трястись руки, он не сможет стать хорошим охотником. В свою очередь и взрослые относятся к детям ласково. При обращении к ним используются ласковые прозвища, шуточные сравнения с медвежонком, росомехой [11, с. 183].

За усердие, хорошо выполненную работу дети всегда поощряются устной похвалой или одобрительным взглядом. В качестве поощрения детям дают пользоваться орудиями взрослых и всячески подчеркивают отношение к ним как к взрослым. С самых малых лет в ребенке воспитывают самостоятельность, контроль за ним ненавязчив и незаметен. Следует подчеркнуть, что в социально-воспитательном процессе отсутствуют грубые принудительные методы, физические наказания не приняты, за исключением, конечно, каких-то очень серьезных проступков. Наказывая ребенка, особенно маленького, ограничиваются неодобрительным взглядом, коротким выговором или объяснением, как надо было бы поступить в том или ином случае. Вместо длительных нравоучений при проступке могут напомнить какой-нибудь фольклорный сюжет [4, с. 83].

В целом фольклор является важным средством традиционного воспитания, посредством которого дети приобщаются к ценностям и традициям своего народа. Фольклор включает в себя священные сказания, песни-мифы, героические песни, старинные рассказы (эпос, предания), бытовые рассказы (былички) и бытовые сказки. Священные жанры чаще всего исполняли после захода солнца, преимущественно поздней осенью и зимой, приурочив к праздникам и ритуалам [3, с. 235].

Список использованной литературы

1. Гурвич И. С. Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / И. С. Гурвич. — М.: Наука, 1980. — 239 с.
2. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири / Б. О. Долгих. — М.: Наука, 1990. — 284 с.
3. Ильина И. В. Ребенок в традиционной культуре юганских хантов / И. В. Ильина, Е. П. Мартынова // Народы Сибири. — 1997. — Кн. 3. — С. 224—243.
4. Кон И. С. Традиционное воспитание детей у народов Сибири / И. С. Кон, Ч. М. Такеаши. — Ленинград.: Наука, 1988. — 251 с.

5. Кулемзин В. М. Знакомьтесь, ханты! / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. — Новосибирск: ВО Наука, 1992. — 136 с.
6. Кулемзин В. М. Игры детей обско-угорских народов / В. М. Кулемзин. — СПб., 1999. — 342 с.
7. Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов / В. М. Кулемзин. — Томск: Изд-во ТГУ, 1984. — 192 с.
8. Патканов С. К. Остяцкая былина про богатырей города Эмдсра / С. К. Патканов // Живая старина. — 1899. — Вып. 2. — С. 23—31.
9. Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям / С. К. Патканов // Живая старина. — 1891. — Вып. 4. — С. 43—53.
10. Соколова З. П. Народы Западной Сибири: этнографический альбом / З. П. Соколова. — М.: Наука, 2007. — 342 с.
11. Тахтуева А. М. Игры и игрушки обских угров в традиционном воспитании детей / А. М. Тахтуева. — СПб., 1999. — 265 с.
12. Чечулина Т. Золотой город (хантыйские сказки) / Т. Чечулина. — Свердловск, 1969. — 254 с.

**Конфликтные ситуации в семьях села Большое Маресьево
Чамзинского района республики Мордовия:
теоретические и практические аспекты**

Мухадинов В.Р.,
преподаватель кафедры педагогической психологии и педагогики
Историко-социологического института
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Семья — древнейший институт человеческого взаимодействия, уникальное явление. Ее уникальность состоит в том, что несколько человек самым тесным образом взаимодействуют в течение длительного времени, насчитывающего десятки лет. Семья есть и начальная структурная единица общества, закладывающая основы личности, что происходит в процессе так называемого семейного воспитания, целью которого является формирование таких качеств и свойств личности, которые помогут в будущем преодолеть жизненные трудности. Одним словом это передача социального опыта от родителей детям, это передача опыта поколений, полученного нами в наследство от наших родителей и обогащенного нашим собственным опытом.

Не вызывает сомнений тот факт, что важнейшее условие существования человеческого общества — это трансляция культуры, передача ее от одного поколения к другому. Нарушение этого процесса привело бы к неминуемой деградации. В реальности трансляция культуры выступает как процесс непрерывный.

Вместе с тем, каждое следующее поколение приносит с собой что-то новое. И проникновение в жизнедеятельность этих новообразований порождает

извечный конфликт «отцов и детей». Воспитание ребенка — это балансирование между желанием воспроизвести точную копию себя и стремлением обеспечить своим детям другое, более лучшее, будущее. Первым плацдармом, на котором сталкиваются эти противоположные тенденции, становится семья.

Конечно, в такой системе интенсивного взаимодействия людей, как семья не могут не возникать споры, конфликты и кризисы. Конфликты между супругами, родителями и детьми, супругами и родителями каждого из супругов и другие характерны для каждой семьи, финно-угорская (мордовская) семья не является исключением. Совершенно нереально ждать полного единения ее членов, несмотря на то, что семья как ячейка общества должна являться фактором социальной стабильности и национальной безопасности. Именно в этой ячейке начинают складываться качественные характеристики всей нашей жизни, способность индивидов противостоять всем внутренним и внешним невзгодам. От того, какой первоначальный багаж ценностей, ценностных ориентаций, нравственных и волевых качеств сформируется у каждого из нас в кругу самых близких родственников, будет зависеть течение нашей жизни и жизни общества в целом. В семье, в повседневном общении, в совместном труде с родителями дети получают первые уроки гражданственности, духовности, справедливости, гуманности. В семье закладываются основы умственных, нравственных, трудовых, эстетических качеств человека, необходимых для жизни в обществе. Привычки, сложившиеся в семье, иногда оказываются такими сильными, что, даже осознавая порой их отрицательное влияние, человек не может от них освободиться.

Однако в последнее десятилетие семья переживает не лучшие времена. Растет число разводов, неполных семей, катастрофическое количество социально обездоленных детей и подростков.

Ученые констатируют, что многие современные молодые родители не умеют воспитывать своих детей. От этого страдают и родители, и их дети, и школьные учителя. Причин тому много. Ряд авторов выделяют следующие:

1) Однодетность или малодетность семьи. Это значит, что воспитываясь в таких условиях, дети не получают практических навыков по уходу и воспитанию за своими братьями и сестрами, мало общаются и мало играют [1].

2) Многие молодые семьи в силу складывающихся благоприятных экономических условий в последнее время живут отдельно от своих родителей. Казалось бы, в этом есть определенное благо. Но жизнь порознь со старшим поколением лишает молодые семьи возможности воспользоваться знаниями, навыками и умениями старших в вопросах воспитания детей. Если вспомнить историю нашей страны в целом и, в частности, мордовского народа, то можно констатировать факт многопоколенной семьи, живущей под одной крышей, возможно поэтому многих семейных проблем, наличествующих сегодня, тогда не возникало [2].

3) Утрачиваются традиции народной педагогики, по законам которой считалось, что воспитывать ребенка надо, пока он еще маленький. Народная педагогика учила высокой нравственности через пословицы и поговорки, через не-

замысловатые, но очень значимые выражения, через строгое соблюдение традиций [2].

4) С каждым годом увеличивается число неполных семей, где ребенка чаще всего воспитывает только мать, что не может не отразиться на становлении его личности [2].

5) Одним из недостатков семейного воспитания является нерационально организованный быт. В некоторых семьях наблюдается отход от духовности, от общечеловеческих, национальных ценностей, господствует культ вещей, денег. В квартире могут быть дорогая мебель, но часто нет книжного шкафа, уголка для приготовления уроков и для игры [3].

6) Семейное воспитание осложняют все возрастающие социальные и экономические трудности: низкая заработная плата, безработица, необеспеченность во многих семьях прожиточного минимума, особенно это касается жителей глубинки, мордовских сел и деревень. Все это снижает уровень внутрисемейного эмоционального настроения, которое отрицательно сказывается на общении в семье, а в итоге — в семейном воспитании. Дефицит времени, постоянная занятость работой, хозяйственные заботы — отсюда и недостаточное внимание к детям. Дети предоставляют сами себе. Они мало играют и мало общаются с близкими, но в то же время сильнее становится их связь со средствами массовой информации, где образ семьи представлен либо в черных, либо в радужных, далеких от реальности, красках [3].

Эти и другие проблемные аспекты предполагают наличие конфликтных ситуаций в семье. На основе исследования жизнедеятельности семей в мордовском селе Большое Маресьево Чамзинского района Республики Мордовия мы пришли к определенным результатам. В качестве респондентов выступали супруги с семейным стажем от 10 до 20 лет. Всего в исследовании участвовало 19 семей.

В зависимости от субъектов взаимодействия семейные конфликты мы вправе подразделять на конфликты между: супругами; родителями и детьми; супругами и родителями каждого из супругов; бабушками (дедушками) и внуками. Мы затрагивали лишь первые два вида семейных конфликтов как наиболее определяющие и частые.

Супружеские конфликты играют ключевую роль в семейных отношениях. Они чаще возникают из-за неудовлетворения потребностей супругов. Проведенная нами работа по изучению жизни и быта семей села Большое Маресьево с использованием методов наблюдения, беседы и анкетирования позволила выделить следующие причины супружеских конфликтов (предлагаемая респондентам анкета содержала вопросы, касающиеся возможных причин конфликтных ситуаций между супругами):

неуважение чувства достоинства со стороны партнера;

неудовлетворение потребности в положительных эмоциях (отсутствие ласки, заботы, внимания и понимания);

пристрастие одного из супругов к чрезмерному удовлетворению своих потребностей (алкоголь, наркотики, финансовые расходы только на себя и т.д.);

неудовлетворение потребности во взаимопомощи и взаимопонимании по вопросам ведения домашнего хозяйства, воспитания детей и т. д.;

различия в потребностях по проведению досуга, увлечениях.

Кроме того, ряд ученых выделяет так называемые кризисные периоды в развитии семьи. Первый год супружеской жизни характеризуется конфликтами адаптации друг к другу. Второй кризисный период связан с появлением детей (ухудшаются возможности профессионального роста супругов; усталость жены, связанная с уходом за ребенком; столкновения взглядов супругов и их родителей по проблемам воспитания ребенка). Третий кризисный период совпадает со средним супружеским возрастом, который характеризуется конфликтами однообразия. В результате многократного повторения одних и тех же впечатлений у супругов наступает насыщение друг другом. Четвертый период конфликтности отношений супругов наступает после 18—24 лет совместной жизни. Его возникновение часто совпадает с приближением периода инволюции, возникновением чувства одиночества, связанного с уходом детей [1; 5].

Таким образом, потенциальная конфликтность сопровождает супругов на протяжении почти всей их совместной жизни. В конфликтной же семье закрепляется отрицательный опыт общения, теряется вера в возможность существования дружеских взаимоотношений между людьми, накапливаются отрицательные эмоции, появляются психотравмы.

В свою очередь, конфликты между родителями не сказываются положительно на детях. Как пишет журнал о семье «Семья и школа», у детей, чьи мама и папа ссорятся, могут возникнуть расстройства поведения: «...чем чаще родители ссорятся при детях, тем хуже дети спят. А когда ребенок безуспешно пытается заснуть, он то и дело просыпается и вынужден бодрствовать из-за шума, что, в свою очередь, оказывает воздействие на его поведение и на успехи в учебе» [4, с. 4]. Действительно, выяснение отношений на виду у детей и даже инциденты, при которых родители игнорируют друг друга, развивают в детях негативные мысли о семье, которые могут не покидать их на протяжении длительного времени.

Обращая внимание на выше сказанное, наиболее оптимальным становится возникновение вопроса о том, чтобы как можно быстрее решить возникающие между супругами проблемы и конфликты, не втягивая в них других людей и, в первую очередь, своих детей. Конструктивность разрешения супружеских конфликтов зависит в первую очередь от умения супругов понимать, прощать и уступать. Одним же из определяющих условий завершения данного вида конфликтов должно являться то, что не надо одному из супругов добиваться победы любой ценой. Победу за счет поражения любимого человека трудно назвать достижением. Необходимо помнить и тот факт, что предупредить конфликт всегда легче, чем разрешить его. В этой связи, важной рекомендацией, на наш взгляд, может стать следующая: быть внимательными, уметь слушать и слышать супруга.

Одними из самых распространенных в повседневной жизни являются также конфликты во взаимодействии родителей и детей. Кроме таких причин возникновения подобного рода конфликтов, как «...деструктивность внутрисе-

мейных отношений, недостатки в семейном воспитании, индивидуально-психологические особенности родителей и детей» [1, с. 441], нельзя не обойти вниманием возрастные кризисы детей, которые могут рассматриваться как факторы их повышенной конфликтности. В критические периоды дети становятся непослушными, раздражительными. Они часто вступают в конфликты с окружающими, особенно с родителями. В литературе выделяют следующие возрастные кризисы детей [1]:

кризис первого года (переход от младенчества к раннему детству);

кризис «трех лет» (переход от раннего детства к дошкольному возрасту);

кризис 6—7 лет (переход от дошкольного к младшему школьному возрасту);

кризис полового созревания (переход от младшего школьного к подростковому возрасту — 12—14 лет);

подростковый кризис 15—17 лет.

Наиболее часто конфликты у родителей-респондентов возникают с детьми подросткового возраста. Предлагаемая нами родителям анкета содержала также вопрос, касающийся описания повседневного их поведения в отношении своих детей, после которого имели место конфликтные ситуации. Мы пришли к выводу, что среди конфликтов между родителями и детьми выделяются следующие: конфликт сверхзаботы (излишняя опека и сверхожидания), конфликт неуважения прав на самостоятельность (тотальность указаний и контроля), конфликт отцовского авторитета (стремление добиться своего в конфликте любой ценой). На притязания и конфликтные действия родителей ребенок отвечает подобным же поведением. Демонстративные действия негативного характера, неподчинение требованиям, стремление избежать нежелательных контактов с родителями, сокрытие информации и действий — это то самое распространенное, что ожидает родителей при наличии конфликтных ситуаций во взаимоотношениях с детьми. Поэтому вопросу о профилактике подобного рода конфликтов необходимо уделять пристальное внимание с тем, чтобы избежать возможных стрессовых, а зачастую и криминальных ситуаций.

Среди наиболее важных, на наш взгляд, направлений профилактики конфликтов родителей с детьми можно выделить следующие: повышение педагогической культуры родителей, позволяющей учитывать возрастные психологические особенности детей, их эмоциональные состояния; организация семьи на коллективных началах (общие перспективы, определенные трудовые обязанности, традиции взаимопомощи, совместные увлечения); интерес к внутреннему миру детей, их заботам и пристрастиям. И всегда нужно помнить об индивидуальности ребенка.

Таким образом, в повседневной жизнедеятельности семей, в частности семей села Большое Маресьево Республики Мордовия, где было проведено исследование их жизни и быта с позиций конфликтологии, имеет место возникновение конфликтных ситуаций во взаимодействии супругов, а также между родителями и детьми. И от того, как каждый из нас подойдет к вопросу их предупреждения и разрешения, возможно, зависит семейное благополучие и благополучие общества в целом.

Список использованной литературы

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000. — 551 с.
2. Викторов О.Н. Нарушение целостности семьи как отражение общественных изменений в современной России // Семья в России. — 2002. — № 2. — с. 23—30.
3. Данилов А.П., Кириллова А.А. Семья и СМИ: проблемы воспитания и медиаобразования // Семья в России. — 2001. — № 1. — С. 111—120.
4. Родительские ссоры и детский сон (о зависимости конфликтов родителей и состояния детей) // Семья и школа. — 2006. — № 3. — С. 6.
5. Ефимова О.И., Клейберг Ю.А. и др. Социальная норма. Девиантное поведение. Конфликт. / Под общ. ред. Ю. А. Клейберга. — Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2003. — 252 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово заместителя министра образования Республики Мордовия Солдатовой Е.П.	00
Приветственное слово Заместителя министра по национальной политике Республики Мордовия Каргина А. И.	00
Приветственное слово член-корреспондента РАН Директора Историко-социологического института МГУ им Н. П. Огарева Арсентьева Н. М.	00
Приветственное слово доктора педагогических наук, профессора заведующего кафедрой педагогической психологии и педагогики Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарева Винтина И. А.	00
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ	00
Гагаев А.А., Гагаев П.А. Угро-финский КПЛ. Этнопедагогика	00
Винтин И.А. Финно-угроведение как одно из приоритетных направлений развития МГУ им. Н. П. Огарева	00
Кудаева Н.В. Когнитивные стили мордовского субэтноса и их учет в образовательной практике	00
Лебедева Л.А. К вопросу о формировании представлений об идеале личности как цели воспитания и обучения у финно-угорских народов.....	00
Баляев С.И. К вопросу о подходах в исследовании этнического самосознания	00
Андропова Н. В. Формирование этнической толерантности личности: анализ психолого-педагогического опыта	00
Ионова М.С. Создание полиэтнической образовательной среды вуза как условие успешной адаптации студентов из национальных диаспор	00
Иббатулина С.Н., Баляев С.И. Этнические стереотипы: проблемы исследования феномена	00
Лашмайкин А.П. Психолого-дидактические особенности построения процесса обучения с опорой на деятельностный подход (на примере курса «История мордовской культуры»	00

Инчина Т. С., Арсентьева Е. В. Зарождение и становление зарубежной этнопсихологии.....	00
Погбаева А., Баляев С.И. Эмпирический опыт изучения конфессиональных установок финно-угорских студентов	00
Артюшкина Ю.А. Этнические особенности народов	00
ГЛАВА 2. ПРИКЛАДНЫЕ КОМПОНЕНТЫ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ.....	00
Беляева Н.Ф. Использование воспитательного потенциала этнопедагогики мордвы в современной практике формирования толерантности	00
Корнишина Г.А. Традиции экологического воспитания мордвы.....	00
Лукьянова Е.Н. Роль этнокультурного наследия в формировании будущего учителя	00
Лашмайкина Л.И. Психологические закономерности семейного воспитания с опорой на личностно-деятельностный подход (на примере мордовского народа).....	00
Ледяева Е.В. Этнокультурное воспитание как основа формирования личности	00
Семенова В.Б. Традиционная народная кукла	00
Савелькина З.А. Родильная обрядность финно-угорских народов.....	00
Кочкаев Е. А. Основы духовно-нравственного воспитания студентов во внеучебной деятельности и социально-воспитательной работе в вузах субъектов РФ с компактным проживанием финно-угорских народов (на примере Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева)	00
Абрамова Е.О. Из опыта организации этнокультурных лагерей	00
Тагаева Ж.А. Содержание культурно-организационной деятельности студентов Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева в контексте этнической культуры финно-угорских народов.....	00
Зангирова В.Ю. Место и роль детей в этнической культуре мордвы	00

Янгаева Н.К. Понятие народного воспитания	00
Артюшкина Ю.А., Винтин И.А. Особенности традиционного воспитания обских угров: ханты и манси.....	00
Мухадинов В.Р. Конфликтные ситуации в семьях села Большое Маресьево Чамзинского района республики Мордовия: теоретические и практические аспекты.....	00

Научное издание

**ЭТНОПЕДАГОГИКА:
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ**

материалы
Республиканской научно-практической конференции
(г. Саранск, 27 апреля 2011 г)

Печатается в авторской редакции в соответствии с предоставленным оригинал-макетом

ISBN 978-5-905093-12-8

9 785905 093128

ИП Афанасьев В. С.
430010, г. Саранск, ул. Ворошилова, 2

Подписано в печать 01.09.11.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,21.
Тираж 120 экз. Заказ 89.

Отпечатано ООО «13 РУС», ООО «Бьюти»
430005, г. Саранск, ул. Советская, 22